

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИСТПАРТ

ОТДЕЛ Ц. К. В. К. П. (б.) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И В. К. П. (б.)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

М А Й

10-й год диктатуры пролетариата

№ 5

(64)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1927

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ.

	Стр.
М. Савельев. Пятнадцатилетний путь „Правды“	5
Р. Хабас. 1-е Мая 1917 года.	20
А. Шестаков. Крестьянские организации и 1-й Всероссий- ский Съезд Советов Крестьянских Депутатов	40
И. Татаров. Из истории „полицейского социализма“	109
И. Грейнер. Революция в Венгрии (1918—1919 гг.)	124

ВОСПОМИНАНИЯ.

А. Кучкин. Вятская организация РСДРП в начале 1917 г.	174
Л. Каташева и Е. Чистяков. Ковенская организация РСДРП (б) в 1905—1907 гг.	195
И. Мошинский. К вопросу о С.-Д. (Донецком) Союзе Горно- заводских рабочих.	229

МАТЕРИАЛЫ.

Вокруг Лондонского (пятого) Съезда (с предисловием и при- мечаниями К. Воиновой)	238
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

И. Гелис. Национальный вопрос в литературе.	259
Рецензии: П. Парфенов. Последние дни Колчаковщины. А. Семеновец. Основные периодические этапы в развитии ВКП. И. Колы- чевский. Девятый вал. Сборник. Р. Хабас. Ленинана, библиографический обзор русской литературы за 1924 и 1925 годы, томы I и II. Е. Мороховец. Михаил Бакунин. Неизданные материалы и статьи	272

ХРОНИКА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

Отдел Ц. К. В. К. Ц. (б.) по изучению истории Октябрьской революции и В. К. Ц. (б.)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

5 (64)

М А Й

10-й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1927 * ЛЕНИНГРАД

Заказ № 2329.

Редакция „Пролетарской Революции“ в день 15-летней годовщины „Правды“ шлет горячий привет центральному органу нашей партии, организатору рабочих масс, стойкому проводнику идей ленинизма и боевому органу международной борьбы за коммунизм.

2

Пятнадцатилетний путь „Правды“

В этом году, 5 мая, исполняется пятнадцатилетний юбилей «Правды». Ее роль в истории борьбы рабочего класса России, ее заслуги в деле подготовки революции поистине грандиозны.

Подводить сейчас полные итоги пятнадцатилетней борьбы «Правды», центрального органа нашей коммунистической партии, приблизительно все равно, что подводить итоги роли и деятельности самой партии и ее участия в революции и осуществлении и укреплении режима диктатуры пролетариата после Октябрьской победы. «Правда» неотделима от нашей партии, неотделима от вождя партии, Владимира Ильича Ленина, — поскольку она являлась основным органом, формировавшим классовое сознание миллионов российских пролетариев и поскольку на ее страницах Владимир Ильич имел возможность с первых дней возникновения еще петербургской «Правды» в целом ряде глубоких, блестящих статей внедрять в сознание пролетариата великие идеи коммунизма, неустанно призывать рабочие массы на путь восстания против отжившего самодержавного строя и старого капиталистического мира.

«Ленинская газета» — так «ругала» ее буржуазная до-революционная пресса, так пытались «чернить» нашу «Правду» социал-предатели меньшевики в момент ее зарождения в 1912—1914 гг. Так «честили» ее борзописцы буржуазной прессы и в 1917 г. и так обзывал ее во время керенщины, бросая грязные обвинения из подворотни контрразведки, пресловутый Алексинский, этот недоносок недоразвившегося российского социал-фашизма.

Но как раз это-то обстоятельство, что «Правда» была действительно глашатаем идей ленинизма, была действительно ленинской газетой, делает ее сейчас особенно близкой всей нашей партии, всему пролетариату, является само собой и величайшей похвалой, лучшей оценкой ее истинно революционного облика.

Свой пятнадцатилетний путь «Правда» прошла в исключительной обстановке и по сложности развертывающихся событий и по грандиозности задач, стоявших перед российской революцией. Отдельные этапы ее развития целиком и полностью отражают основные вехи борьбы нашей партии и революционного пролетариата в великой российской революции. Более того, рассматривая путь ее бытия до и после революции, мы смогли бы установить все те отдельные изгибы партийной мысли, весь тот сложный процесс искания путей нового революционного творчества, который является столь характерным для пережитого периода.

Дореволюционная «Правда» — наша маленькая питерская «Правда» 1912 года — возникла в чрезвычайно знаменательную эпоху. Волна ликвидаторства и идейного ренегатства, пышным цветом расцветшего в 1908—1909 гг., беспощадно смыла пеструю гамму революционных красок, в которую были загромозжены значительные интеллигентские революционные и полуреволюционные круги, выступавшие в революции 1905 года горячими «друзьями народа». Бешеная столыпинская реакция отправила на виселицы и каторгу тысячи закаленных, стойких борцов. Весь колоссальный аппарат управления был мобилизован на борьбу с революционной гидрой. Либеральная кадетская буржуазия, фрондировавшая перед 1905 годом, окончательно замкнулась в рамки лояльнейшей «оппозиции его величества», сделав для себя определенные контр-революционные выводы из урока первой российской революции. Выступления меньшевистской части нашей партии в основном и целом были окрашены в ликвидаторский цвет. Меньшевистская часть нашей партии уже очень скоро после поражения революции 1905 года ликвидирует даже те половинчатые революционные лозунги, которые она сама еще недавно вынуждена была принимать в своих резолюциях под давлением рабочих революционных масс. В общем и целом она твердо и безоговорочно берет курс на так наз. «пруссский», т. е., попросту говоря, «столыпинский» путь развития России и на преобразование ее в «конституционную монархию», всячески приспособляясь к этой «столыпинской конституции». Недоучет движущих сил революции, полное непонимание и недооценка революционной роли крестьянства, рабское восприятие западно-европейских социал-соглашательских методов «классовой борьбы» целиком и полностью характеризуют всю ее идеологию. Отказ от под-

полья, циничное издевательство над всеми теми, кто пытается рассматривать партию как «организованное целое», отказ от всякой действительной классовой революционной борьбы — вот что определяет облик правого крыла меньшевизма — ликвидаторства.

Но было бы совершенно необъективно и неправильно целиком и полностью все грехи ренегатства и приспособленчества поставить в дебет лишь меньшевистского счета. Мы не должны забывать того бесспорного положения, что реакция столыпинского периода сделала большие опустошения и в большевистских рядах. И тут мы имеем сильнейший отлив, казалось, еще недавно ультра-революционно настроенных интеллигентских кругов из рядов большевистской партии. Значительная апатия проникает и в рабочие кадры партии. Молодой организм, хотя и прошедший огневую закалку в 1905 году, хотя и получивший великолепное боевое крещение за весь период нелегального существования партии в обстановке исключительных репрессий царской охранки, должен был сильно оголиться в результате отхода значительной части наносных буржуазно-интеллигентских элементов и в результате некоторого влияния разлагающего ликвидаторского настроения. Он выразился, наконец, в отдельных случаях, в уходе с поля брани даже наиболее выдержанных профессиональных революционеров.

Своеобразную позицию занимал так называемый «отзовизм». Формально он как бы оставался на революционных позициях. Решительно боролся за подполье, выставляя себя, по крайней мере в первый период реакции, как бы даже антиподом ликвидаторства. Однако объективная сущность как раз этого течения со всеми сопутствующими ему оттенками мысли, помимо идеологически чуждого пролетариату общего идеалистически-философского мировоззрения, и в области практической работы все более и более раскрывалась в виде оппортунизма. Полное неумение диалектически подойти к основным вопросам общественного развития тогдашней российской действительности, полная неспособность сочетания нелегальных форм борьбы с легальными, нежелание использовать всех легальных возможностей в интересах строительства партии и ее организации очень быстро привели к тому, что отзовизм совершенно отрывается от рабочего движения, становится небольшим течением, объективно попадающим в число союзников ликвидаторства. Августовский блок, возгла-

вляемый Троцким, в сферу реальной политики которого попадает и отзовизм, окончательно накладывает штемпель ревизионизма и социал-соглашательства на это течение.

Большевистские ряды в период реакции, как мы указывали, сильно поредели. К счастью, все же остался основной рабочий костяк, к счастью, руководство партии находилось в руках такого надежного кормчего, как Владимир Ильич. Правильная оценка классовых движущих сил революции, выковка верных методов классовой борьбы в обстановке разгула реакции дают возможность нашей партии не только успешно защищаться от всех ее врагов, но и производить диверсии, вести наступление.

Организация в конце 1910 года «Звезды» и в начале 1912 года «Правды» является одним из наиболее блестящих стратегических маневров, совершенных нашей партией, казалось, в глубочайшем тылу реакции. Под звуки черносотенных фанфар и шумихи, захватившей собою стан «победителей», под сенью не остывших еще «конституционных думских иллюзий» третьиюньского режима, нашим заграничным товарищам при помощи депутатской неприкосновенности и недюжинной пролетарской смекалки Н. Г. Полетаева удается в конце 1910 года наладить первый опыт постановки серьезной пролетарской газеты «Звезды». Опыт удается и несмотря на бесчисленные рогатки полиции и охранки блестяще достигает цели. «Звезда» приходится более чем по вкусу оторванным от какой бы то ни было широкой политической жизни рабочим. Она родит идею собственной, рабочей массовой ежедневной газеты, которою и должна стать нарождающаяся «Правда». Начавшийся несомненный общепромышленный подъем с 1910 года, все усиливающаяся нелегальная работа нашей партии среди рабочих масс и, наконец, целый ряд событий, не смогших не потрясти до самых основ сознание рабочего класса России, особенно, Ленский расстрел, — все это приводит к росту новой, все усиливающейся активности рабочей массы; в процессе борьбы постепенно выковывается громадный революционный энтузиазм и воля к преодолению всяческих сопротивлений и препятствий.

В такой обстановке родилась массовая рабочая газета «Правда»...

Вопрос о постановке массовой рабочей газеты был подвергнут тогда в Питере длительному обсуждению. Была открыта подписка в «Звезде», производились сборы по фабрикам и заво-

дам, усилено изыскивались средства, которые бы дали возможность осуществить весьма сложное предприятие выпуска ежедневной газеты, особенно учитывая массовые конфискации и т. д. Не будем останавливаться на отдельных перипетиях практической подготовки к выходу газеты. Об этом писалось достаточно много. Приведем только отзыв заграничного центра — насколько нам известно, один из очень немногих письменных отзывов, сохранившихся из многочисленной переписки, где идет упоминание о подготовке к изданию «Правды». Вот весьма характерное письмо, датированное от 7 апреля нового стиля, направленное в Ленинград и перехваченное департаментом полиции. Письмо касается одного из номеров «Звезды», но попутно выражает живейшую радость наших заграничных товарищей, в связи с решением выпускать массовую рабочую газету. Перепечатываем его целиком:

«Сегодняшняя почта принесла нам от вас две добрых новинки: 1) Номер 21. Превосходная передовица. Мы все в восторге. Умно, талантливо и правильно. Передайте автору (это Б) ¹⁾ от всех нас лучший привет. Bravo, bravo. Привет и вам ²⁾, надеемся, вдохновителю этой прекрасной статьи и несущему вообще все тяготы прекрасного дела. 2) Получили ответ Бел[оусова] ³⁾. Вот прелесть. Ведь это блестящее оправдание всей нашей тактики за 5 лет из уст самого худшего противника. Это — орден нам. Эту вещь поставить надо в рамку и хранить для потомства. Конечно, если вы не велите печатать, то, разумеется, не напечатаем нигде. Но только не можете ли изменить дела? Нельзя ли это напечатать хоть в «Просв[ещении]»? ⁴⁾ Ведь автору можно бы заплатить по рублю за строчку, право. Это, наверное, Кузн[ецов] ⁵⁾ и комп[ания] умоляли его не печатать. Пожалуйста, подумайте об этом и устройте, чтоб можно было напечатать. Это страшно важно. Может быть, можно назвать: из материалов фр[акции] и т. п. Ответьте непременно. Насчет раб[очей] газеты страшно рады, что начинаете. Будем работать

¹⁾ Н. Батулин.

²⁾ Т.-е. Н. Г. Полетаеву.

³⁾ Ответ, присланный Белоусовым членом с.-д. фракции III Гос. думы, по поводу обвинений в ликвидаторстве.

⁴⁾ Дело идет о заявлении, присланном Белоусовым в думскую с.-д. фракцию.

⁵⁾ Кузнецов, член Государственной думы.

из всех сил. Какое будет название? Неужели хотите экспроприровать название здешней «Р. Г.» ¹⁾. Валяйте. Уступаем. Деньги, поеторяем, будут высланы по первому вашему требованию. Можете быть вполне спокойны. С векселями вам, видимо, дело удалось. Когда распускают Думу? Что-то будет тогда... Думали ли вы о кандидатурах по СПб... До нас доходят слухи, что ликвид[аторы] хотят по 2-й гор[одской] в СПб ставить Кузи[щова]. Верно ли это? Кстати еще: помните, В. И. [Владимир Ильич] говорил вам об одной необходимой кандидатуре по СПб (Гурьева). Надо бы, чтобы он (Гурьев) стал печатать хоть изредка небольшие ст[атьи] за своей подписью. Кстати. Избирательный закон дает право баллотироваться по 2-й курии уполномоченным от кооперативов и т. п. обществ. Это надо бы использовать для выставления нынешних депутатов по Москве и друг[им] гор[одам]. Кто это у вас Дем. Бедный? Очень талантливо пишет. Не может ли на ликвидаторов басню написать? Хорошо бы. Книжка получена. Спасибо. А где же протест путников?» ²⁾.

Стиль этого письма чрезвычайно характерен для всей той обширной переписки, которую Владимир Ильич и вообще заграничный центр вели с Питером. Можно представить действительно тот восторг Ленина, когда, наконец, он получил уведомление о том, что дело постановки массовой газеты близится к концу. Много было положено труда Владимиром Ильичом и его соратниками, чтобы наладить литературную сторону предприятия. В этих целях, как известно, т. Ленин даже перебрался из Парижа в Краков и Поронин, чтобы быть поближе к России.

Наконец, настает долго жданный день. «Правда» начинает выходить как ежедневный рабочий орган. Первые шаги газеты являются недостаточно уверенными. Она ощупью ищет свою физиономию, допуская в первые времена и досадные промахи. Особенно волнует за границу отсутствие достаточно четкой линии поведения только что возникшей «Правды», ее неопределенная позиция в борьбе с ликвидаторством. Вот что пишет Владимир Ильич в одном из писем в редакцию «Невской Звезды» по вопросу о направлении «Правды»:

¹⁾ «Рабочая Газета».

²⁾ Письмо, очевидно, адресовано в думскую фракцию (Полетаеву) и касается главным образом «Звезды». Опубликовано в сборнике «Из эпохи Звезды и Правды», выпуск III, Истпарт, 1924 г., стр. 182.

«...рабочие несомненно интересуются ликвидаторством и вообще спорами внутри марксистов. Ваше решение избегать слова «ликвидатор» (как вы пишете) кажется нам глубоко ошибочным и прямо несбыточным, если не хотеть устраниваться от самых живых споров и наполовину сдать позицию ликвидаторам. Умолчание (ну, хоть ваше странное умол[чание] в течение 10 дней после совещания) плодит двусмысленность и едва ли увеличивает число ваших предан[ных] друзей. Выборы по раб[очей] кур[ии] в СПб несомненно будут сопровождаться борьбой по всей линии с ликвидаторами]. Это будет самый живой вопрос для передовиков рабочих» ¹⁾.

Жизнь полностью подтвердила положения, выдвинутые за границы. Нельзя было заниматься пережевыванием «манной кашицы», как на это указывал В. И. Устраняясь от полемики, «Звезда» и «Правда», — как характеризует т. Ленин в другом письме, — делают себя «сухими и однотонными, неинтересными, небоевыми органами». «Наше время, — подчеркивается им в том же письме дальше, — время отчаянного разброда, и без полемики не обойтись... Всякий говорит: в праве же я знать, для кого я работаю, кого я помогаю проводить в думу? Не ликвидатора ли? Не путанного ли примиренца-троцкиста?».

Заграница энергично борется против первых шагов «Правды», не стесняясь в выражениях, когда русская редакция начинает брать неверный тон, всячески поощряя и приветствуя верный подход. Примиренчество в отношении борьбы с ликвидаторством пытавшееся одно время майоризировать направление в редакции, причинило Владимиру Ильичу немало хлопот. Со всей энергией своей кипучей натуры он требует решительного изменения направления газеты и добивается своего. Будет вполне понятна та страстность Ильича, которая сквозит из его писем, если принять во внимание то значение, которое он придавал газете.

Вот что читаем мы в одном из писем ²⁾ (от 15 (2) февраля 1913 г.), посланных в редакцию:

¹⁾ Выдержка из перлюстрированного письма, хранящегося в Арх. Рев. и внеш. политики. Дело деп. пол., вх. № 2577; письмо из Кракова от 21 июля 1912 г. адресовано в редакцию газеты «Правда». Опубликовано в сборнике «Из эпохи Зв. и Пр.», вып. III, стр. 189.

²⁾ Дело деп. полиц. перлюстрир. письмо вх. № 354 5 февраля [ст. ст.] 1913 г. Опубликовано в сборнике «Из эпохи Зв. и Пр.», вып. III, стр. 210.

«Дорогие друзья. Прежде всего тысяча поздравлений по поводу удачного «вылезания из калош», прием за вылезших. Без шуток: сделано превосходно. Вам бы и продолжать в том же духе. 3 письма не разобрали: бумага плоха, все расплылось. Поэтому совсем плохо знаем о ваших делах. Как дело в кооперативе? Каковы шаги насчет изгнания «нечестивых» из «Дня»¹⁾? Что делают №№ 1, 3, 6, 4 и т. д. для своего сплочения, то же для Питера, то же для «Дня», то же для журнала [«Просвещение»]. Очень просим писать обо всем. Пишите. Самое важное теперь все же «День». (Курсив наш. М. С.). Вчера писали туда об идиотско-тупом помещении писем Богданова. Вот дурни-то»...

Но уже в одном из следующих писем заграница отмечает: «Уважаемые коллеги. Позвольте прежде всего поздравить вас с громадным улучшением во всем ведении газеты, которое видно за последние дни. Поздравить и пожелать дальнейших успехов на этом пути»...

«Самое важное теперь «День» (т.-е. по конспирации переписки) — «Правда» — так формулирует положение т. Ленин — и оказывается глубоко правым.

Вокруг газеты очень быстро растут все новые связи, группа самоотверженных работников во главе с тт. Н. Г. Полетаевым, Н. Н. Батуриным, В. М. Молотовым, М. С. Ольминским и другими делает колоссальные усилия отстоять газету. Впоследствии к руководству газетой привлекаются члены IV Государственной думы.

Мы не останавливаемся на дальнейших перипетиях борьбы питерского и российского пролетариата, не будем отмечать той громадной политической активности, которая характеризует весь период борьбы рабочего класса в годы существования «Правды». Достаточно отметить, что рост забастовочного движения идет за это время с громадной быстротой вперед.

За это время рабочий класс окончательно изживает ликвидаторские настроения, а число правдистов среди питерского и прочего пролетарского актива становится доминирующим по сравне-

¹⁾ Конспиративное название «Правды».

²⁾ Дело деп. полиц., вх. № 442, 11 февраля 1913 г., перлюстрир. письмо от 21/8 февраля 1913 г. Опубликовано в сб. «Из эпохи Зв. и Пр.», вып. III, стр. 213.

нию с другими направлениями и в частности по сравнению с ликвидаторским.

Направляя массовую борьбу рабочего класса в организованные рамки, «Правда» становится центром проведения ряда массовых кампаний (страховой кампании с неурезанными лозунгами и т. д.). Сплачивая широчайшие рабочие массы, она является важнейшим органом по развертыванию и проведению стачечной борьбы.

Насколько возросла активность рабочего класса за самый последний период перед войной, показывает не только кривая роста забастовочной борьбы рабочего класса, но и все усиливающийся элемент политических требований и лозунгов в этой борьбе. Как известно, развертывание этого движения привело к форменной прелюдии вооруженного выступления рабочих Питера и постройке баррикад на Выборгской стороне летом 1914 г.

Закрытая перед империалистической войной в июле 1914 года «Правда» возрождается вновь в марте 1917 года в качестве официального органа партии. Первые ее шаги так же, как и при зарождении, носят принципиально не совсем выдержанный характер. Особенно статьи Каменева сбиваются на социал-патриотический тон, неправильно освещается им и центральный вопрос об оценке революции. Приезд Ильича быстро поправляет дело. А его известные «тезисы», появившиеся 17 апреля (по ст. ст.) на страницах газеты, становятся ее действительным «революционным кредо». Боевая коммунистическая линия характеризует все дальнейшее направление газеты.

Мы не будем останавливаться специально на той общей революционной ситуации, как она складывалась непосредственно после Февральской революции, не будем отмечать дальнейших этапов развития «Правды» в период керенщины, когда она быстро развертывается в серьезнейший политический орган, владеющий умами и настроением сотен тысяч пролетариев Ленинграда и провинции. Об этом достаточно писалось. Отметим лишь один эпизод, значительно забытый, имеющий, однако, непосредственное отношение к ленинградской прессе того периода и в частности к самой «Правде». Это маленький конфликт, происшедший между ПК и ЦК в связи со стремлением ПК поставить параллельно с «Правдой» свой орган. Вопрос этот вызвал специальное выступление Владимира Ильича на заседании ПК и довольно ожи-

вленные дебаты, захватившие и районы. Решено было, прежде чем окончательно решать вопрос, обратиться в районы с запросом на этот счет. Сохранилось письмо т. Ленина к районам по этому вопросу, которое мы и приводим полностью в виду его несомненного большого интереса и непосредственного отношения к нашей теме, поскольку оно развертывает взгляды Владимира Ильича на задачи центрального органа партии в 1917 году.

«Письмо к районным комитетам петроградской организации
РСДРП (большевиков).

Уважаемые товарищи. Прилагая при сем резолюцию ПК о создании своей газеты и две резолюции, предложенные мной от имени ЦК РСДРП в заседании ПК во вторник 30 мая, я прошу вас обсудить все эти резолюции и высказать возможно более подробно и мотивированно ваше заключение.

Из-за вопроса о том, нужна ли особая газета ПК в Питере, назревает конфликт между ПК и ЦК. Крайне важно и в высшей степени желательно, чтобы возможно большее число членов нашей партии в Питере приняло активное участие в обсуждении этого назревающего конфликта и помогло своим решением его улажению.

Исп. комиссия ПК единогласно высказалась за особый орган ПК в Питере, вопреки решению ЦК создать вместо «Правды», размер которой явно недостаточен, две газеты: бывшую «Правду», ЦО партии, и маленькую «Народную Правду» (названия обеих газет еще не установлены окончательно), как популярный орган для самых широких масс. Редакция обеих газет должна быть, по решению ЦК, одна, и в обе газеты должен войти в редакцию представитель ПК (в ЦО — с совещательным, в популярный орган с решающим голосом). Должна быть создана «комиссия прессы» (из рабочих, ближайше связанных с массой, от районов), а затем должно быть отведено в обеих газетах определенное число столбцов на обслуживание чисто местных нужд местного рабочего движения.

Таков план ЦК.

Исп. комиссия ПК вместо этого хочет своей газеты, особой газеты ПК. Исп. комиссия единогласно решила это.

На заседании ПК 30 мая, после доклада и заключительного слова т. М. Томского, моей речи и участия в прениях большего числа товарищей, голоса разделились пополам: 14 — за Исп. ком. и 14 — против. Моя же резолюция была отклонена 16 голосами против 12.

По моему убеждению, особая газета ПК принципиально не нужна, ибо в столице, в силу ее руководящего значения для всей страны, нужен один орган партии, именно ЦО, и популярная газета, составляемая особенно популярно, должна быть под той же редакцией.

Особый орган ПК неизбежно затруднит полное согласие в работе, может быть, даже породит различие линий (или оттенков линий), — а вред от этого, особенно в революционное время, будет очень велик.

Из-за чего нам создавать дробление сил?

Мы все страшно перегружены работой, сил у нас мало; литераторы все больше отходят от нас к оборонцам. Допустимо ли при таких условиях дробить силы?

Надо сплачивать силы, а не дробить их.

Можно ли не доверять ЦК, что он неправильно составит редакцию, или не даст достаточно места в обеих газетах для обслуживания местной работы, или «обидит» находящихся в меньшинстве редакторов из ПК и т. п.?

Во втором проекте своей резолюции я нарочно перечислил ряд подобных доводов (кои я слышал на заседании ПК 30 мая), чтобы открыто поставить вопрос перед всеми членами партии, чтобы побудить их взвесить тщательно каждый из двух доводов и принять ответственное решение.

Если у вас есть, товарищи, веские и серьезные основания не доверять ЦК, скажите это прямо, это долг всякого члена нашей, демократически организованной, партии, и тогда обязанностью ЦК нашей партии будет особо обсудить ваше недоверие, доложить о нем съезду партии, вступить в особые переговоры для устранения этого печального недоверия местной организации к ЦК.

Если же нет такого недоверия, тогда несправедливо и неправильно претендовать на то, чтобы ЦК не имел предоставленного ему на съезде партии права руководить работой партии вообще и в столице особенно.

Требует ли наш ЦК лишнего, чрезмерного, желая руководить питерскими газетами? Нет. В германской с.-д. партии в лучшее ее время, когда Вильгельм Либкнехт стоял во главе партии, много десятков лет, он был редактором ЦО партии. ЦО издавался в Берлине. Берлинская организация никогда не имела особой берлинской газеты. Была «комиссия прессы» из рабочих, был местный отдел в ЦО партии.

Почему мы должны отступить от этого хорошего примера наших товарищей в других странах?

Если вы, товарищи, хотите особых гарантий от ЦК, если вы хотите изменения тех или иных пунктов (в плане ЦК о постановке двух газет), я от имени ЦК прошу вас точно обсудить и изложить это.

Решение Исп. комиссии ЦК о создании особой газеты в Питере я нахожу чрезвычайно неправильным, нежелательным, дробящим силы, вносящим ряд поводов к конфликтам в нашу партию. Было бы желательно, по моему мнению (и в этом пункте я лишь представляю мнение ЦК), чтобы Питерская организация поддерживала решение ЦК, выжидала известное время результатов опыта работы двух газет по плану ЦК и затем вынесла, если понадобится, особое решение о результатах этого опыта.

С товарищеским приветом *В. Ленин.*

31 мая [13 июня] 1917 г.».

Из письма совершенно рельефно вырисовывается постановка вопроса и те аргументы, которые выдвигали Ильич и ЦК против создания самостоятельного органа Исполнительной комиссии Петербургского комитета. Жизнь, вернее, та продолжавшаяся при Керенским бешеная блокада большевизма, которая в полном смысле слова проводилась открытым соглашением всех контр-революционных сил, начиная от социал-соглашателей до Милюкова, привела к тому, что не приходилось реализовать решение ЦК о расширении «Правды» в большой орган, тем более — осуществить намерение издать массовую политическую газету. Вот почему разгоревшийся спор имел лишь чисто принципиальное значение. Да и принципиальные расхождения, очевидно, скоро совсем стираются перед лицом грозных июньско-июльских событий.

Останавливаясь на этом «эпизоде», мы позволим себе привести и маленькую выдержку из выступления Владимира Ильича, в связи с дебатами о двух органах, касающуюся прогноза июльских дней. Вот как он между прочим аргументировал тогда несвоевременность постановки вопроса:

«Орган ЦК надо ставить как орган центральный. Литературных сил у нас очень мало, а вы говорите об издании двух-трех газет. Ведь, если это не удастся, то ответственность все же ляжет на ЦК. Такая уж привычка создалась приписывать влияние ЦК, а не местному комитету. Мнение же, что ЦК будет плохо относиться к статьям ПК, ни на чем не основано. ЦК боится разногласий с ПК потому, что он ответственен. Мы ходим на вулкане. Таковы объективные внешние условия. Расстрел нашей партии всегда возможен. Это надо ожидать. Мы стоим накануне «июльских расстрелов». (Курсив наш. М. С.). Если вы недовольны линией поведения ЦК, докажите, в чем именно ее неправильность»¹⁾.

Тов. Ленин предвидел опасность контр-революционных выступлений со стороны российских кавеньяков. Питерский вооруженный пролетариат оказался достаточно сильным, чтобы противостоять контр-революционным стремлениям, имевшим прямую цель разгромить гидру революции, покончив прежде всего с партией большевиков. Однако весьма серьезные попытки разгрома питерской организации партии, как известно, произведены были, корниловщина готовилась нанести молодой революции смертельный удар. Это ясно представлял себе т. Ленин.

Октябрьский переворот застает «Правду», сменившую при режиме Керенского не меньше названий, чем при режиме Николая II, — загнанной в небольшую «собственную» типографию на Кавалергардской. Только что подвергшаяся основательному разгрому, окруженная верными отрядами военки, она посылает в рабочие и солдатские массы снаряд за снарядом, разрывающиеся мощным призывным эхом к восстанию. Вся она как бы обвешана лозунгом вооруженного восстания; руководимая тов. Сталиным, бывшего как раз в последние дни перед Октябрьским переворотом ответственным редактором, она ни на йоту не отклоняется от линии, намечаемой Владимиром Ильичом из своего подполья.

¹⁾ Из конспекта речи В. И. Ленина. Протоколы ПК РСДРП (б) за 1917 г., № 14 от 23 (10) мая 1917 г. Архив Истпарта.

Октябрьский переворот дает возможность «Правде», — органу диктатуры пролетариата, развернуть в послеоктябрьские дни колоссальную агитацию, сделаться действительным глашатаем великой Октябрьской революции.

У нас у всех перед глазами последний десятилетний путь «Правды» после Октябрьского переворота. Руководимая Центральным Комитетом нашей партии, она является основным органом пропаганды и агитации идей ленинизма и организатором нашего социалистического строительства. При жизни Владимира Ильича это был орган, не только проводивший мнение Центрального Комитета, но и орган вождя партии, т. Ленина, поскольку последний являлся вдохновителем и руководителем нашего ЦК. После смерти Ленина это есть центральный орган по проведению идей ленинизма, оставленных нам в наследство Ильичом. Из маленькой газеты, какой была «Правда» в 1912 г., она стала сейчас большой массовой газетой европейского типа. Диапазон ее работы, роль ее в общеполитическом движении страны колоссальные растут, но все же и сквозь эти черты руководящего центрального органа громадной мировой партии, насчитывающей свыше миллиона членов, мы видим некоторые характерные черты далекого прошлого; можем усмотреть и методы работы, унаследованные ею со времен 1912—1914 гг.

В самом деле, чем была наша старая дореволюционная «Правда»? Это была газета, тысячью нитей связанная с рабочими массами. Рабочие корреспонденции с заводов и фабрик, весь тот поток обличительных заметок и сообщений, приходивших в редакцию старой «Правды» из самых глубин рабочего класса, — все это говорило о том, что дореволюционная «Правда» — это особенная газета, крепчайшими узами связанная с фабриками и заводами, с наиболее сознательным их активом. Эта связь унаследована и теперешней «Правдой». Рабкоровское движение, поднятое по инициативе главным образом тов. М. Ульяновой, этого бессменного секретаря редакции, в еще большем, чем прежде, раз- мере устанавливающее непосредственные, прямые связи «Правды» с фабрикой и заводом, говорит о том, что лучшие традиции нашего дореволюционного массового рабочего органа живут и крепнут в современной «Правде», центральном органе нашей партии.

И другое. Та боевая непримиримость, которая характеризует лучшие времена расцвета дореволюционной «Правды», наголову разбившей опаснейшие ликвидаторские, упадочные, социал-соглашательские идеи, которые меньшевизм пытался насадить среди рабочего класса, — эта боевая непримиримость отличает и наш теперешний центральный орган. Руководимая ЦК нашей партии и редактируемая одним из наиболее блестящих наших журналистов, т. Бухариным, она ведет громадную боевую работу по разъяснению перед нашей партией и страной всех уклонов и уклончиков, неизбежных в обстановке сложного переплета переходного периода. Она является одним из важнейших в этом отношении орудием нашего ленинского Центрального Комитета.

Пятнадцатилетний юбилей «Правды» — это есть несомненно серьезный смотр успехов партии в деле организации и роста массового коммунистического рабочего движения и в деле превращения в жизнь основных идей ленинизма.

М. Савельев.

Первое мая в России в 1917 году.

Первое мая 1917 года праздновалось в России в условиях резко отличавшихся от предыдущих лет. 27 лет русские революционные рабочие отмечали тем или иным способом свой пролетарский праздник. Во все эти годы внимания пролетариата концентрируются на борьбе с царским самодержавием, которая была первой очередной задачей революционного движения в России. Вот почему первомайский праздник международной солидарности пролетариев всех стран у нас всегда проводился под лозунгом «Долой самодержавие».

В 1917 году впервые майский праздник проводился открыто в условиях победы над царизмом, когда перед пролетариатом стали новые задачи; одной из них была ликвидация мировой войны, резко противоречившей идее пролетарской солидарности и классовым интересам рабочих всех стран.

В годы империалистской бойни социал-оппортунисты, перешедшие во время войны на сторону своих правительств, в 1915 году призывали рабочих своей страны «в виду особых условий отказаться от прекращения работы в день Первого мая». Отказ пролетариата во имя «защиты своего отечества» от революционной демонстрации международной солидарности был крупнейшей победой буржуазии. Революционное же крыло рабочего Интернационала, не давшее себя одурманить шовинистическим угаром и оставшееся верным старым лозунгам, в первые два года войны не имело необходимых сил, чтобы в воюющих странах провести мощную массовую демонстрацию против войны и восстановить интернациональную солидарность пролетариата.

Революция 1917 г. особенно остро поставила вопрос, будет ли русский пролетариат поддерживать единение со своей буржуазией; во имя ее победы в империалистической войне или разорвет это единение во имя пролетарской солидарности и победы социалистической революции. На первый путь пролетариат вели мелко-бур-

жуазные соглашательские партии: эсеры, меньшевики, народные социалисты и другие, стоявшие за союз с буржуазными организациями — государственной думой, кадетской партией, Временным правительством и т. п.

Приближавшийся пролетарский праздник должен был показать, к какому пути склоняется масса пролетариата. «Первое мая писала «Правда», праздник социалистический. И теперь, когда так много и так бессодержательно говорят о «демократии», необходимо вспомнить об этом. Первого мая мы в первую очередь хотим продемонстрировать свою верность знамени социализма... Мы свергли царя, мы добились политической свободы. Но господство капитала, угнетение человека человеком, наемное рабство остались. В день Первого мая мы даем обет бороться, не покладая рук до того момента, когда будет положен конец всему капиталистическому строю — этому строю насилия и эксплуатации. Рабочий класс России самоотверженно боролся за политическую свободу. Но еще больше беззаветности и героизма проявит он в грядущей борьбе за социализм»¹⁾.

Интернациональный характер первомайского праздника, резко противоречивший самому существованию империалистической войны, признавали и меньшевики, говорившие в своей резолюции: «Ныне, в день Первого мая, мы снова поднимаем старое знамя международной солидарности рабочих, и в качестве первого основного лозунга Первого мая мы выдвигаем теперь прекращение той кровавой, преступной бойни, которая нарушила прежнюю братскую связь между пролетариями отдельных стран»²⁾. Но в устах меньшевистских оппортунистов этот призыв терял свой революционный смысл, так как они не признавали, что прекратить войну можно только революционным путем, разорвав союз со «своей» буржуазией, своим правительством, и хотели добиться мира путем давления народных масс воюющих стран на свои правительства. В выше цитированной резолюции они говорили: «Мы зовем трудящихся всего мира подать друг другу руки и требовать от своих правительств скорейшего заключения мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народа».

¹⁾ «Возрождение первомайского праздника». «Правда» 1 мая (18 апр.)

²⁾ «Рабочая Газета», № 28 от 24/11 апреля 1917 г.

Самая типичная оппортунистическая мелкобуржуазная партия эсеров хотела совсем уничтожить революционно-пролетарский характер первомайского празднования и превратить этот день в общенародный праздник — в демонстрацию национального единения. «Праздник Первого мая, — писали эсеры, — будет сейчас в России почти общенациональным праздником, как красное знамя сделалось, не могло не сделаться национальным знаменем России»¹⁾.

Самое же шовинистическое крыло русского меньшевизма в своей газете «Единство» и в день Первого мая продолжало проповедывать борьбу с «немецким милитаризмом». В статье «Всемирный праздник наемного труда» Плеханов писал: «Мир, заключенный при нынешнем соотношении сил на театре военных действий, был бы не миром, а только перемирием... Он дал бы немецкому милитаризму возможность ожить и заново организовать нужные силы для новой попытки осуществления завоевательных планов»²⁾.

Кадетская пресса так же, как и эсеры, стремилась представить Первое мая днем национального единения; так же, как и Плеханов, напоминала она о борьбе с немцами. «В этот день люди всех классов и профессий должны почувствовать в общении на улицах друг с другом, что свобода есть общий дар всех. Первое мая не партийный праздник, это праздник народный... Нельзя притти к международному братству, не сокрушив германского милитаризма»³⁾.

Даже черносотенцы старались разыграть роль сочувствующих идее рабочего праздника. Черносотенное «Новое Время» в день Первого мая указывало, что «наши союзники по случаю войны отказались от празднования. Но вполне естественно, что русские рабочие предпочли работать в воскресенье, чтобы не терять трудового дня, лишь бы отметить первый в России праздник рабочих»⁴⁾.

1. Подготовка празднования.

При подготовке к празднованию Первого мая прежде всего стал вопрос, когда праздновать этот день — по старому или по новому стилю? В предыдущие годы русские рабочие праздновали свой пролетарский праздник по старому стилю; только в Польше

¹⁾ «Дело Народа», № 27 от 1 мая (18 апреля) 1917 г.

²⁾ «Единство», № 17 от 1 мая (18 апреля) 1917 г.

³⁾ «Речь», № 90 от 1 мая (18 апреля) 1917 г.

⁴⁾ «Новое Время», № 14755 от 1 мая (18 апреля) 1917 г.

и в Западном крае они выступали в один день с западно-европейским пролетариатом.

Первым поднял этот вопрос Московский совет рабочих депутатов, прислав 16 (3) апреля 1917 г. телеграмму Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов о том, что Московский совет постановил праздновать Первое мая по новому стилю и отработать этот день в воскресенье, но ждет от Петроградского совета решения этого вопроса для всей России¹⁾.

19 (6) апреля тот же вопрос обсуждался на заседании Петербургского комитета РСДРП(б). На этом заседании т. Рахья выступал за празднование по старому стилю, мотивируя тем, что не хватит времени для подготовки, а т. Вл. Залежский стоял за празднование по новому стилю, «чтобы весь мир праздновал в одно время: таким образом — говорил он — революционным путем мы проведем новый стиль»²⁾. ПК постановил праздновать 1 мая по новому стилю; причем если в совете рабочих депутатов встанет вопрос о компенсации работой в какой-либо праздник, то решено выступить против.

21 (8) апреля вопрос о праздновании Первого мая решался на заседании Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. По воспоминаниям Суханова, вопрос о сроке празднования не возбудил споров. Русские рабочие захотели, чтобы их выступление было одновременным со всем международным пролетариатом, революционный отклик которого на события в России они надеялись услышать в этот день. Оборонческое большинство членов Петроградского Совета боялось, что пропуск рабочего дня из-за первомайского празднования повредит работе на нужды войны, и настояло на том, чтобы компенсировать этот день работой в ближайший праздник, и на другой день в «Известиях Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» было опубликовано постановление, что «в праздник 18 апреля (1 мая) не работать, а взамен этого работать в воскресенье 16 апреля»³⁾.

¹⁾ Архив Октябрьской революции, ф. XXX, д. 1, № 22. Секретариат Всероссийского ЦИК. Переписка ЦИК с местными советами по поводу празднования Первого мая.

²⁾ Протоколы (копии) заседаний ПК РСДРП(б) 1917 г.; хранятся в Истпарте.

³⁾ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 36 от 22 (9) апреля 1917 г.

Горячие споры на этом заседании вызвал вопрос о том, какой лозунг должен быть помещен на официальном знамени Петроградского совета. Незначительным большинством голосов было принято постановление поместить на знамени совета лозунги обеих руководивших советом партий: социал-демократов и социалистов-революционеров: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и «В борьбе обрешь ты право свое». Организация празднования была возложена Исполнительным Комитетом на Суханова. Не будучи в силах один справиться с такой огромной задачей, Суханов, как он писал в своих воспоминаниях, призвал к этой работе несколько лиц «из художественных сфер» и «двух-трех все знающих и практических людей, вращавшихся вокруг Исполнительного комитета. Все они вместе и составили действительно комиссию по организации празднования Первого мая». Эта комиссия, по заявлению Суханова, «развернулась в большое учреждение, работавшее две недели днем и ночью, не покладая рук, и с блеском выполнившее свою задачу»¹⁾. Но, конечно, не та комиссия, о которой говорит Суханов, а огромный подъем революционной энергии пролетариата создал в день Первого мая этот невиданно огромный праздник, явившийся сигналом возрождения международной рабочей солидарности. Комиссии по празднованию Первого мая создались при различных организациях, партийных комитетах, районных советах, фабричных комитетах, профессиональных союзах и т. д.

Для объединения действий этих разнообразных организаций была создана особая комиссия совсем иного состава, чем та, о которой говорит Суханов. В эту комиссию должны были послать по одному представителю нижеследующие организации: районные советы рабочих и солдатских депутатов, социалистические партии, центральное бюро профессиональных союзов, центральное бюро рабочих кооперативов, страховая группа, Исполнительный комитет и комиссия по похоронам жертв революции²⁾.

Не только Петербург и Москва, но и все провинциальные советы готовились праздновать Первое мая. О времени празднования

¹⁾ Суханов, «Записки о революции», кн. III, изд. Гржебина, Берлин 1922 г.

²⁾ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 36 от 22 (9) апр. 1917 г.

запрашивали советы рабочих и солдатских депутатов. Харбина, Костромы, Владивостока, Верного, Сарануля, Константинова ¹⁾.

23 (10) апреля Центральный Исполнительный Комитет телеграфировал Петроградскому совету о том, что он соглашается праздновать Первое мая по новому стилю. Исполнительный комитет Петроградского совета разослал в 43 города оповещение о том, что «празднование Первого мая установлено 18 апреля. Просим сообщить немедленно всем городам вашего округа», и тут же сообщал «для сведения»: «Петроградский совет постановил отработать 16 апреля вместо 18 апреля» ²⁾.

Наиболее трудным для решения был вопрос о праздновании Первого мая на фронте.

Первомайское празднование должно было показать силу влияния на солдатско-крестьянскую массу революционного пролетариата.

В отношении солдат к войне, революции и пролетариату было много острых вопросов, которые различно решались разными партиями. На фронте с самого начала революции широкое распространение получило «братание». Революционное значение такого братанья еще в 1915 году указал Ленин, который писал: «Погибать ли в войне между рабовладельцами, оставаясь слепым и беспомощным рабом, или погибать за «попытки братанья» между рабами в целях свержения рабства? Вот таков на деле «практический вопрос» ³⁾. После революции в своих «тезисах» «О задачах пролетариата в данной революции» Ленин среди других задач указал и организацию «братанья». В это же время вся буржуазная пресса старалась восстановить солдат против рабочих и их революционной партии. Большевиков и особенно Ленина обвиняли в измене, в том, что они подкуплены немцами. Но попытки буржуазии раз'единить две главные революционные силы тогдашней России—пролетариат и армию—и тем ослабить революцию были безуспешны. Первомайское празднование закрепило союз пролетариата с революционной армией.

¹⁾ Архив Октябрьской революции, ф. XXX, д. 1, № 22.

²⁾ Там же.

³⁾ Ленин, «К иллюстрации лозунга гражданской войны». Собр. соч., т. XIII, Гиз, 1925 г.

Большевистская «Солдатская Правда» писала: «В этом году мы будем праздновать не одни. Вместе с нами будут праздновать этот день революционная армия и флот. Союз между рабочим классом и армией, заключенный в феврале, докажет свою крепость и прочность. Первое мая должно быть поражением всей тактики буржуазии, стремящейся внести рознь между солдатами и рабочими и стремящейся оклеветать вождей революционной социал-демократии»¹). В статье «Первое мая и война», помещенной в том же номере, говорилось: «Мы солдаты, те же рабочие и крестьяне, на которых лежит вся тяжесть войны, присоединяемся к рабочим и говорим: «Да здравствует всемирный праздник рабочих, трудящихся, Первое мая! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует мир! Да здравствует вооружение всего народа! Рабочие, бедняки всех стран, соединяйтесь».

Двойственная и противоречивая политика соглашателей в этом вопросе должна была сказаться особенно ярко. Меншевики 24 (11) апреля 1917 г., писали о том, что солдаты в день Первого мая не могут не присоединиться к рабочим в их борьбе против милитаризма, но умолчали о том, что же должны делать в этот день солдаты на фронте, и попрежнему ограничивались предложением давить на правительство. «Они поднимут свой голос, — писала «Рабочая Газета», — и заявят всем, кому это вестать надлежит, о своем требовании немедленного отказа всех правительств от всяких насильственных захватов и контрибуций, о своем требовании прекращения бойни и созыва конгресса представителей народов для выработки условий справедливого мира». Солдаты должны «немедленно начать обсуждение, подготовку и организацию своего массового и решительного участия в майском празднике»²).

Но уже нельзя было ограничиться такими общими фразами, надо было решительно сказать солдатам, воевать ли в день Интернационала, и на другой день меньшевистская «Рабочая Газета» уже решительнее пишет: «В день Первого мая, в день праздника международной солидарности, пушки должны молчать». Газета предлагала русским солдатам на всех участках фронта тем или иным

¹) «Солдатская Правда», № 2 от 1 мая (18 апреля) 1917 г. Передовая статья.

²) «Рабочая Газета», № 28 от 24 (11) апреля 1917 года. Статья «Солдаты и майский праздник».

путем делать предложения своим «братьям-врагам, сидящим по ту сторону проволочных заграждений», день Первого мая сделать днем первого революционного перемирия, первым днем открытого выявления международной солидарности в разорванной войной Европе.

Вопрос о праздновании Первого мая солдатами на фронте волновал и революционных рабочих провинции.

Соглашательскому большинству Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов приходилось высказать по этому вопросу свое мнение. На заседании Петроградского совета 27 (14) апреля, докладчик т. Ларин предлагал отпраздновать этот день приостановкой военных действий. Отмечая учащение на фронте случаев братания русских солдат с противниками, он предлагал придать этому явлению организованный характер: выпустив обращение к армии, не начинать в день Первого мая перестрелки, а принимать только необходимые меры предосторожности против возможных попыток вероломства. Для осуществления этого предложения по всей линии фронта и для предотвращения возможного противодействия со стороны командного состава, он предлагал снестись по этому вопросу с правительством и военным министерством. Выступавшие в прениях ораторы, выражая лицемерное сочувствие этой идее, говорили о ее технической неосуществимости и возможности опасных последствий. Они указывали, что успех зависит от действий не только нашей демократии, но и германской, и что день Первого мая может обратиться в бойню.

Делегаты с фронта привели ряд ярких примеров массового братания. В протоколах заседаний Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов говорится о единогласно принятой резолюции по этому поводу, но самой резолюции в оригинале не имеется. Соглашательское большинство совета, и в этот раз, не изменило своей обычной нерешительности: в «Рабочей Газете» от 1 мая (18 апреля) 1917 г. мы находим в отделе хроники нижеследующее сообщение: «Исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов о первомайском празднике на фронте. После речи докладчика, прений и сообщений делегатов с фронта, набросавших яркую картину массовых братаний на фронте, ИК принял следующую резолюцию, предложенную т. Церетели: «Исполнительный комитет, посылая в день Первого мая привет революционной армии, стоящей на фронте, полагает, что в виду особых обстоятельств на театре воен-

ных действий никаких указаний относительно празднования этого дня на фронте он давать не считает себя в праве, предоставляя местным организациям самим решить этот вопрос сообразно конкретным условиям».

Буржуазное Временное правительство, вынужденное считаться с постановлением Совета рабочих и солдатских депутатов, должно было признать для 1917 года день Первого мая праздником. Было опубликовано постановление: «Временное правительство постановило в текущем году признать 18 апреля днем свободным от занятий. Принципиально же вопрос о внесении дня 18 апреля в список праздничных дней решится при предстоящем пересмотре этих дней» ¹⁾.

Накануне 1 мая по войскам Петроградского военного округа был отдан приказ: «Завтра 18 апреля (1 мая) по случаю всемирного рабочего праздника в войсках вверенного мне округа занятий не производить. Войсковым частям с оркестром музыки участвовать в народных процессиях, войдя в соглашение с районными комитетами. Подписал: Главнокомандующий войсками округа генерал-лейтенант Корнилов» ²⁾.

Церемониал празднования, был несколько раз опубликован в «Известиях Петроградского СР и СД» напечатали его и все социалистические газеты Петрограда. Согласно этому церемониалу, 1 мая с 8 часов утра районные демонстрации должны были двигаться со своих сборных пунктов на одну из 6 намеченных для устройства митингов площадей. Каждому району было предложено взять с собой определенное количество трибун для ораторов в виде грузовых автомобилей и платформ ломовых извозчиков.

К празднованию готовилась вся революционная Россия. Провинциальные советы запрашивали Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов о вопросах, вставших у них при подготовке к этому дню. Например, из Вольска совет Р. Д. запрашивал: «Можно ли допустить военноопленным празднование Первого мая» ³⁾.

Готовилась праздновать рабочий праздник и действующая армия. Военный министр Гучков известил главнокомандующего, что

¹⁾ «Речь», № 88, от 29/16 апреля 1917 г.

²⁾ Суханов, «Записки о революции», кн. III, изд. Гржебина, Берлин 1922 г.

³⁾ Архив Октябрьской революции, ф. XXX, д. 1, № 22.

Временное правительство постановило считать день 18 апреля (1 мая) свободным от занятий¹⁾. В «Вестнике Минского Губ. Комиссара» было опубликовано объявление, что «согласно постановления Временное правительство от 15 [28] сего апреля, объявляю ко всеобщему сведению, что 18 апреля [1 мая] текущего года является днем свободным от занятий. Поэтому все губернские учреждения в этот день функционировать не будут. Губернский Комиссар Б. Самойленко»²⁾

В этот же день в газете был опубликован и порядок на площадях и шествия в день Первого мая: «Профессиональные общества, рабочие, организованные по предприятиям, и солдатские группы собираются в 10½ часов утра на сборные пункты, ближайшие к центру их деятельности».

В этот же день в газете был опубликован и порядок на площадях введению Петроградского совета, должны были отдать на нужды революции. Решение вопроса, как именно употребить эти деньги, совет предоставлял на усмотрение рабочих каждого отдельного предприятия. Их можно было употребить на подарки солдатам в окопы, на революционную литературу, на социалистическую пропаганду, на устройство политических клубов. В это же время комиссия по празднованию Первого мая и агитационная комиссия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов начали сбор денег и революционной литературы для первомайских подарков на фронт. Вопросы празднования Первого мая и отработки этого дня широко обсуждались рабочими и встречали различное отношение. Большевики резко выступили против отработки. 24 (11) апреля 1917 г. в «Правде» было опубликовано: «Исполнительная комиссия ЦК РСДРП, обсудив постановление Исполнительного комитета СР и СД о работе заводов Петрограда вместо 18-го (день Первого мая) в воскресенье 16 апреля, находит, что это постановление Исполнительного комитета СР и СД по существу своему является нарушением постановления Амстердамского социалистического конгресса о праздновании Первого мая, и потому решительно высказывается против работы за первомайский

¹⁾ Военно-исторический архив, д. №№ 175—663. «Управление дежурного генерала при верховном главнокомандующем. События в армии в связи с государственным переворотом».

²⁾ «Вестник Минского Губ. Комиссара» № 34, 1917 г.

праздник в воскресенье 16 апреля и предлагает районным организациям Петрограда развить на заводах агитацию против «отработки» нашего пролетарского праздника». Так же отнеслись к постановлению совета об отработке 2 900 рабочих Невской ниточной мануфактуры ¹⁾, служащие Петроградского союза рабочих потребительских обществ ²⁾, и общее собрание Выборгского районного совета рабочих и солдатских депутатов ³⁾.

Положение соглашателей на фронте, имевших большинство в армейских и фронтовых комитетах, было тяжелее, чем положение их единомышленников в Петроградском совете. Здесь по вопросу о праздновании нельзя было ограничиваться, как это сделали в Петрограде, общей фразой о том, что они не считают себя в праве решать этот вопрос. Нужно было стать или на сторону сторонников империалистической войны и командного состава, стрелявшего в тех, кто пытался устраивать братание с противниками, или поддерживать революционную ломку старой дисциплины и попытки солдат воюющих армий договориться о мире непосредственно со своим противником: «Праздник труда, праздник рабочих всего мира, — читаем в соглашательской армейской газете ⁴⁾, — не может пройти бесследно для народной армии, созданной от плоти и от крови трудящегося класса... Великая война за мир, за освобождение народов, которую ведем мы на защиту лучших заветов Интернационала, придает этому празднику особое значение... Этот день мы предлагаем нашим товарищам в окопах, оставаясь на своих постах, сосредоточиться на тех же мыслях и просим помнить, что сын немецкого рабочего, одетый в солдатскую шинель, который стоит перед нами за проволокой, — сейчас не с нами, а с Вильгельмом... и пусть ничто не нарушит ни на одну секунду мощи и стойкости армии» ⁵⁾).

¹⁾ «Правда», № 31 от 26 (13) апр. 1917 г.

²⁾ «Правда», № 33 от 28 (15) апр. 1917 г.

³⁾ «Известия Совета раб. и солд. деп.», № 41 от 28 (15) апр. 1917 г.

⁴⁾ Ст. «Первое мая». «Известия Армейского Исполнительного Комитета 5-й армии», № 1.

⁵⁾ Курсив мой.

2. Празднование в столицах и провинции.

Празднование Первое мая в Петрограде приняло небывало грандиозные размеры.

Среди буржуазии перед праздником распространялись разные темные слухи. В день Первого мая в буржуазных районах домовые комитеты заперли двери и поставили своих часовых. Но прошедшее в строгом порядке празднование было самым блестящим доказательством силы и организованности пролетариата. По улицам Петрограда, от рабочих районов к назначенным для митингов площадям текли огромные, живописно-яркие манифестации. Красные знамена, платки, повязки горели в лучах весеннего солнца. Одна за другой проходили стройные колонны рабочих отдельных заводов, воинских частей, профессиональных союзов, учащихся и др. Особенно часто на знаменах и плакатах повторялись лозунги: «Да здравствует Первое мая!», «Да здравствует социализм!», «Да здравствует Интернационал!». Даже над местом пребывания Временного правительства — Мариинским дворцом — тянулась красная полоса с надписью: «Да здравствует III Интернационал!», а над английским посольством находилось белое полотно с красной надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Выделялись лозунги: «Помещики в окопы», «Война до победы над буржуазией», «Опубликуйте тайные договоры». По Невскому проспекту происходили демонстрации различных народностей России: украинцев, поляков, латышей, финнов и др. Особенно большое впечатление произвела группа австрийских и немецких пленных, участвовавшая в шествии с красным знаменем, на котором по-русски и по-немецки было написано: «Мир и братство народов», «Да здравствует Интернационал!».

Социалистические партии участвовали в демонстрации со своими знаменами. К колонне, шедшей под знаменами ЦК и ПК РСДРП(б), присоединились польские социал-демократы. ЦК, ПК и Военная организация РСДРП(б) имели на Марсовом поле свои трибуны, над которыми развевались партийные знамена и знамя «Правды». От имени ЦК выступали Ленин и Зиновьев, от ПК — Федоров, от Военной организации — т. Невский.

На многочисленных митингах, происходивших в этот день, в центре всех обсуждений стояли два вопроса: война и отношение к Временному правительству. Выступали как представители самых

социалистических и анархических партий и групп, так и беспартийные. Ораторы защищали перед непрерывно двигавшейся от трибуны к трибуне толпой резко противоречившие друг другу лозунги. Смешанный состав толпы не давал возможности точно определить ее настроение, так как аплодировали и большевикам, провозглашавшим лозунг «Долой войну!», и плехановцам, призывавшим к войне до победного конца над германским империализмом, и тем, кто призывал не мешать работе Временного правительства, и призывам передать всю власть советам. Всюду собирались небольшие кучки горячо споривших между собой людей. Видно было, что народная масса в своем большинстве стихийно стремится к миру, что ей близок лозунг «земля народу» и что она доверяет Временному правительству, лишь постольку, поскольку надеется от него получить этот долгожданный мир. Лозунг мира без аннексий и контрибуций встречал единодушное одобрение.

Вечером все театры, кинематографы, цирки, высшие учебные заведения и пр. были использованы для митингов-вечеров с участием художественных сил.

Так же грандиозно и торжественно прошло празднование в Москве. Рабочие манифестации по строго определенным маршрутам двигались со сборных пунктов к центру. К ним присоединялись служащие, воинские части и воспитанники юнкерских и кадетских училищ. Игнали военные и рабочие оркестры. Площади представляли сплошное море голов. На Театральной площади стояло знамя Московского комитета РСДРП(б) и Военной организации при МК. Товарищи приветствовали проходившие районы. В ответ несло дружное «ура». На знаменах преобладали лозунги: «Да здравствует третий Интернационал!» и «Мир и братство народов».

День Первого мая праздновался во всех городах и фабричных поселках России. Совместные шествия рабочих и солдат с красными знаменами и плакатами были организованы, по сведениям Петроградского телеграфного агентства, в Кишиневе, Риге, Ростове-на-Дону, Севастополе, Пензе, Гомеле, Одессе, Тифлисе, Самаре, Ташкенте, Балакове и Житомире¹⁾.

Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов получил приветствия и сообщения о праздни-

¹⁾ «Рабочая Газета», № 36 от 4 мая (21 апреля) 1917 г.

нии Первого мая от различных частей действующей армии и из самых отдаленных уголков России. Совет солдатских и рабочих депутатов Дербентского района телеграфировал Петроградскому совету о том, что «трудящаяся масса Дербента впервые присоединилась к международному пролетариату»¹⁾. Некоторые места, не ограничиваясь приветствием, присылали Петроградскому совету подробные отчеты о праздновании²⁾.

С Урала Лысьвенский совет рабочих и солдатских депутатов телеграфировал: «Просим вас открыто потребовать от Временного правительства, чтобы оно немедленно опубликовало тайные договоры, заключенные царским правительством и необязательные для народа, о соблюдении которых Временное правительство упоминает в своей декларации, гарантируя заключение мира без аннексий и скрытых контрибуций только со стороны России».

Нередко в первомайских собраниях участвовали и крестьяне. Так, например, первомайское собрание из 1 500 человек горожан и крестьян в Кашинском уезде Тверской губ., голосами всех против одного приняло резолюцию: «Ныне, в день Первого мая, рабочие и трудящиеся снова поднимают старое знамя международной солидарности рабочих и в качестве первого основного лозунга Первого мая выдвигают теперь прекращение той кровавой, преступной бойни, которая нарушила прежнюю братскую связь между пролетариями разных стран»³⁾.

В Петергофе, первомайская манифестация состояла из рабочих, солдат и крестьянского комитета с его односельчанами и школьниками⁴⁾. В Житомире рабочие печатники выпустили к дню Первого мая однодневную газету «Праздник Труда». В Киеве

¹⁾ Архив Октябрьской революции, ф. XXX, д. 1, № 22.

²⁾ Так, присылали отчет из города Казвина, где манифестировали 3-тысячный гарнизон и проходящие части, при чем казаки несли огромное знамя с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; из дер. Новоселки — соединенный комитет из представителей войсковых частей: 23 пех. Нижегородского полка, 21 пех. Муромского полка, 6-го паркового артиллерийского дивизиона, 24-го Симбирского полка, 307-го полевого подвижного госпиталя, 235-й транспортной и рабочей дружины, телеграфного отделения, железнодорожного батальона, 37-го передового отряда, Георгиевского лазарета, 15-й прожекторской роты и граждан окружных с ними деревень.

³⁾ Архив Октябрьской революции, ф. XXX, д. 1, № 22.

⁴⁾ «Солдатская Правда», № 3.

в этот день произошло столкновение первомайской демонстрации с монархистами, выкинувшими флаги с монархическими надписями. В Царицыне в праздновании приняли участие пленные чехи и словаки, работавшие здесь в качестве рабочих.

3. Н а ф р о н т е.

День международной солидарности пролетариата так мало гармонировал с фронтом империалистической войны, что буржуазия старалась замалчивать происшедшие там празднования. Такие официальные армейские газеты, как «Вестник Комитета Западного фронта Всероссийского земского союза» и «Наш Вестник», издававшийся при штабе главнокомандующего армиями западного фронта, о праздновании Первого мая на фронте не написали ни одного слова, ограничиваясь краткими сообщениями о том, что «в столице день рабочего праздника прошел без особого оживления и подъема». Немногим более распространялся на эту тему и «Вестник X армии», ограничившийся напечатанием резолюции, вынесенной в день Первого мая одной из дивизий X армии: «Первомайский митинг (18 апреля) офицеров и солдат различных частей пехотной дивизии шлет свой братский привет Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов, как органу революционной демократии и народной армии, и заявляет о своем твердом решении всеми силами поддержать идею международной солидарности трудовых масс. Да здравствует III Интернационал!»¹⁾

«Вестник Минского Губернского Комиссара» и «Известия Армейского Исполнительного Комитета 5-й армии» сочли возможным рассказать о праздновании 1 мая в армии, правда, не на самой линии фронта, а в ставке верховного главнокомандующего и других городах тыла армии.

День Первого мая в Могилеве, где была ставка верховного главнокомандующего праздновался торжественно. В многочисленной манифестации приняли участие не только рядовые офицеры, но и работники штаба и ставки, шедшие особой колонной со своими плакатами. Во время манифестации летчики авиационного отряда проделали несколько эффектных мертвых петель, сбрасывая красные ленты.

¹⁾ «Вестник X армии», № 857 от 8 мая (25 апреля) 1917 г.

Насколько неискренно было это единение высших чинов армий с революционными солдатами, видно из того, с каким чувством позднее вспоминал об этой манифестации Деникин: «Тяжело было видеть офицерские делегации ставки, во главе с несколькими генералами, плетущиеся в колонне манифестантов, праздновавших Первое мая, — в колонне, среди которой реяли и большевистские знамена и из которой временами раздавались звуки «Интернационала»¹⁾.

В Минске колонны манифестантов проходили по главным улицам города в течение почти 2 часов. Среди манифестантов, обнявшись с русскими солдатами, шли пленные австрийцы рабочие. На площади весь день происходили многолюдные митинги.

В Несвиже на праздновании было 118 знамен, флагов и плакатов. В Двинске с 8 часов утра на сборный пункт — Александро-Невскую площадь начали собираться воинские части, рабочие и различные общественные организации. В 10 часов утра под звуки «Марсельезы» тронулась грандиозная процессия. Члены армейского исполнительного комитета расположились под огромным красным плакатом с надписью: «Да здравствует революционная народная армия!». Шествие открывал украшенный зеленью и красными лентами грузовой автомобиль, в котором ехали представители местного совета рабочих и солдатских депутатов, комитета общественной безопасности и городской милиции. На митинге говорили речи представители армейского комитета, совета рабочих и солдатских депутатов, комитета общественной безопасности и партийные ораторы.

В Яссах солдаты гарнизона города и пригорода Сокаля устроили внушительные процессии. В Сокале состоялся многолюдный митинг, на который прибыл помощник главнокомандующего армиями румынского фронта генерал Щербачев. Солдаты поднесли ему красный бант. Во время этой манифестации представитель советов солдатских депутатов произнес речь о необходимости государственного переворота в Румынии, и группа солдат-манифестантов освободила из-под ареста и доставила на митинг румынского социал-демократов. Раковского, который был арестован румынским правительством после организованного им многолюдного антимилитаристского митинга в день вступления Румынии в империалистическую войну.

Этот факт, ясно показавший революционно-интернационалистское настроение армии, произвел сильное впечатление как

¹⁾ Деникин, «Очерки русской смуты», т. I, вып. I, Париж 1921 г.

на членов румынского правительства, так и на высшие командные чины русской армии. Щербачев, докладывая о праздновании Первого мая русской армией в Яссах и об освобождении Раковского, писал: «Бывший у меня сегодня вечером министр внутренних дел, не желая официально протестовать против подобных бестактных выходов, просил принять возможные меры к устранению таковых. Выразив ему сожаление по поводу случившегося, я поручил исполнительному комитету объединенного совета солдатских и офицерских депутатов произвести подробное расследование» ¹⁾.

То же писал в докладе главноверху и генерал Деникин, прибавлявший к этому, что «по официальным сведениям Раковский — германофил» ²⁾.

Военный министр Гучков, получив это извещение, послал телеграмму генералу Щербачеву с просьбой выразить от его имени осуждение лицам, самовольно освободившим Раковского. В ответ на эту телеграмму совет солдатских и офицерских депутатов вынес 21 апреля резолюцию: «Совет солдатских и офицерских депутатов района штаба фронта, как носитель освободительных идей великой российской революции, считаясь с фактом освобождения доктора Раковского, в свою очередь горячо приветствует вступление его в среду активных деятелей международного социализма и может выразить только свое крайнее сожаление, если румынское правительство взглянет на это как на нарушение международного права» ³⁾.

Что же происходило в этот день на самом театре военных действий? Об этом ничего не пишут ни либеральные ни соглашательские газеты. Но по некоторым дошедшим до нас документам видно, что и в окопах господствовало то же стремление к прекращению войны революционным путем. «Солдатская Правда» перепечатала «листок, выпущенный полковым комитетом... пехотного полка к немцам»:

«В день Первого мая мы обращаемся к вам с рядом вопросов. Известно ли вам, что Совет рабочих и солдатских депутатов обратился к пролетариату всего мира с призывом прекратить кровавую бойню, длящуюся вот уже 3 года? Известно ли вам, что Временное

¹⁾ Военно-исторический архив, № 256—999. Управление генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем, д. № 79, ч. 8. Переписка, связанная с переходом к новому строю.

²⁾ Там же.

³⁾ «Новая Жизнь», № 5, 1917 г.

правительство отказалось официально от аннексий и контрибуций? Помните ли вы о лозунге, который вы ежегодно выставляли 1 мая на своих знаменах: «война — войне»? Что вы намерены предпринять, чтобы возродить Интернационал, или, по-вашему, он окончательно умер в июне 1914 года? Знаете ли вы, что один из лучших ваших вождей Либкнехт сидит в тюрьме за то, что он пытался нарушить пресловутый «бургфриден», за то, что он не хотел предать интересы рабочих капиталистам? Что вы намерены предпринять, чтобы положить конец войне за рынки для капиталистов? Мы сделали все, что могли. Очередь за вами. Как взывает кровь ваших товарищей, пролитая во имя интересов буржуазии»¹⁾.

В этой же газете есть корреспонденция «В окопах», которая рассказывает о том, что в окопах 15-й кавказской дивизии в день Первого мая был поднят красный флаг с надписью «Долой войну!». Русские солдаты вышли из окопов и подошли к своим проволочным заграждениям. Немцы также вышли из своих окопов и подошли к русским заграждениям. Начался разговор о том, как кончить войну. Но вдруг русская артиллерия начала стрелять. Артиллерийским огнем был ранен один русский унтер-офицер, 2 немецких солдата, а один немецкий солдат был убит²⁾. Подобную же картину разогнанной стрельбой русской артиллерии революционного братанья солдат враждующих армий в день Первого мая рисуют нам воспоминания А. Сергеева³⁾ о праздновании Первого мая на западном фронте в окопах 220-го Скопинского пехотного стрелкового полка.

Особенно ярко рисуется празднование Первого мая в окопах в перлюстрированных цензурой письмах солдат с фронта.

Одно из солдатских писем из штаба 5-й пехотной дивизии коротко рассказывает о происходившем праздновании с флагами и плакатами: «Долой войну!», «Нужен мир без аннексий и контрибуций»⁴⁾. Другое письмо из неизвестного участка действующей армии описывает первомайский праздник очень подробно: «1-го мая

¹⁾ «Солдатская Правда», № 7 от 9 мая (26 апреля) 1917 г.

²⁾ «Солдатская Правда», № 15 от 18/5 мая 1917 г.

³⁾ А. Сергеев, «В борьбе за братство народов», «Правда», № 93 от 1 мая 1921 г.

⁴⁾ Военно-исторический архив, д. №№ 222 — 224. Дело штаба главного командующего армиями северного фронта, Военно-цензурного отделения 1917 г., по описи № 17. Доклады о настроении войск по письмам.

настроение праздничное, везде окопы разукрашены красными флагами. Немцы что-то кричали, не слышно — что. Слишком далеко. Наши высовываются из окопов, некоторые вышли даже во весь рост на бруствер. Вдруг приходит наша музыка, садится прямо на бруствер и начинает играть «марсельезу», солдаты высыпают из окопов, немцы тоже, машут платками. Двое немцев отделяются от своих окопов, идут к нам. От нас тоже вышли три человека. Я тоже пошел от нашей до ихней позиции около версты. Идем, встречаем двух статных немцев на полпути. Здравуются с нами радостно: «У нас тоже праздник, говорят они по-немецки, но мы не можем праздновать, как вы: у нас нет флагов, не разрешают». Дают мне газету «Русский Вестник» — эта газета издается в Берлине для военнопленных. Вдруг выстрел орудийный, снаряд пролетел где-то над головами и разорвался где-то в тылу у немцев. Это наша артиллерия предупреждает, чтобы не сходились с немцами. Становится жутко, немцы прячутся в окопы, из которых уже блестят дула ружей. Два наших немца тоже торопятся уходить. Музыка обрывается сразу. Вот опять несколько выстрелов наших, и снаряды рвутся где-то близко к передовым окопам немецким. Мы бежим обратно».

Яркие проявления антимилитаристского настроения солдат рисуют и другие письма из действующей армии. Один солдат из окрестностей города Броды писал: «Солдаты целый день ходили с флагами и музыкой, пели песни и кричали: «Долой войну! Да здравствует мир!»... Не один наш полк, а даже очень много полков чужих, и все кричали, что мир и мир».

Солдат 6-го гренадерского Таврического полка писал следующее: «Сегодня, например, приезжал депутат совета рабочих и солдатских депутатов, который просил солдат не верить правительству и буржуазной печати, которая поддерживает буржуазное правительство. Потом объяснил, что завтра, т.е. 18 апреля, у нас праздник Первого мая и. с., у немцев тоже; потому мы ни в каком случае стрелять не должны, и если немцы будут идти к нам в окопы, то выйти и встретить их. Так, по крайней мере, постановил наш полковой комитет»¹⁾.

Первомайское празднование было ярким доказательством единения армии с пролетариатом, широкой популярности рабочих и сол-

¹⁾ Военно-исторический архив, вышеуказанный фонд.

датских советов и резко антивоенного настроения в тылу и на фронте. Празднование показало, что среди соглашательских иллюзий рабочих и солдатских масс начинала все чаще и чаще проявляться мысль о том, что мира и земли нельзя добиться иначе, как заменив империалистическую войну революционной классовой войной со своими и международными империалистами.

Милитаристы же из Временного правительства, стремившиеся продолжать войну до победного конца, несмотря на сделанное ими под давлением Совета рабочих и солдатских депутатов заявление, что цель их «не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов» ¹⁾, ускоряли своими действиями нарастание революционного взрыва.

В тот день, когда во всей России и на фронте происходила массовая демонстрация международной солидарности революционного пролетариата, министр иностранных дел Миллюков переслал союзным державам ноту, в которой от имени Временного правительства обещал верность договорам, заключенным между царским правительством и союзниками, и выражал надежду на полную победу над Германией.

Первомайское празднование, с одной стороны, и нота Миллюкова — с другой, наглядно демонстрировали полную противоположность стремлений буржуазного Временного правительства и жизненных интересов большей части населения России — рабочих и крестьян.

Р. Хабас.

¹⁾ Декларация Временного правительства от 9 апреля (27 марта) 1917 г.

Крестьянские организации и первый съезд советов крестьянских депутатов.

(Май 1917 г.).

В десятилетнюю годовщину революции 1917 года изучение роли крестьянства в революционных событиях представляет актуальный интерес.

Главное внимание статьи сосредоточивается на I Всероссийском съезде советов крестьянских депутатов, где впервые на широкой арене встретились различные классовые и политические группировки, боровшиеся за влияние на крестьянство, за использование его сил. Большевики, во главе с В. И. Лениным, боролись на съезде за отрыв крестьянства из-под влияния буржуазии, социалисты революционеры и все другие близкие к ним мелко-буржуазные политические группы, наоборот, тянули крестьянство в сторону компромиссного, буржуазного разрешения стоявших на очереди вопросов революции.

Чтобы подвести читателя к пониманию развернувшейся на съезде борьбы за крестьянство — между народническими группами и большевиками и формального поражения последних, нам пришлось дать, во-первых, краткий анализ развертывавшегося в деревне аграрного движения за первые месяцы революции и складывавшихся в деревне первых революционных крестьянских организаций, во-вторых, рассмотреть отношение к крестьянскому движению и его организациям со стороны Временного правительства, мелкобуржуазных партий и партии пролетариата и, в-третьих, проследить деятельность партий по подготовке съезда, его состав и самое содержание работ съезда.

О том, как из разрозненного русла рабочих, солдатских и крестьянских революционных течений образовалась единая мощная сила, сумевшая осуществить ленинскую «задачу дня» — «со-

здание сети советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», «повести крестьянство дальше буржуазии», — обо всем этом в следующей статье — «Крестьянские организации 1917 года и Октябрьская революция».

Попутно считаем необходимым отметить очень трудные условия работы по изучению крестьянского движения и особенно крестьянских организаций в 1917 году. От многочисленных организаций крестьянства в 1917 году не уцелело никакого более или менее полного архивного фонда, кроме отдельных случайных воззваний, прокламаций, резолюций и т. д., сохранившихся в повременной прессе. Кстати, такая нужная для исследования вопроса о крестьянских организациях газета, как «Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» за 1917 год, не сохранилась в полном комплекте не только ни в одном из книгохранилищ и архивов Москвы, но даже и в архиве Октябрьской революции ¹⁾.

Архивы исполкомов советов крестьянских депутатов, Крестьянского союза, организации «Освобождение земли», разных союзов земельных собственников, крестьянских военных организаций и т. д. до настоящего времени не найдены, и поэтому многое остается нескрытым, о многом приходится говорить вскользь, без достаточной уверенности в точности факта, особенно при использовании повременной печати.

Здесь же важно отметить, что мемуарная литература по крестьянским организациям 1917 года за небольшими исключениями совершенно отсутствует.

Все это говорит за необходимость розыска и собирания архивных материалов по крестьянским организациям 1917 года и усиления опубликования мемуарной литературы. Здесь могут принести пользу вечера воспоминаний, доклады, к чему в первую очередь обязывает нас десятилетие Октябрьской революции, изучение которой имеет первостепенное значение.

Настоящая статья написана преимущественно по материалам исторической комиссии Института советского строительства ЦИК

¹⁾ То же самое следует сказать и относительно других газет и журналов эпохи 1917 года. Во всяком случае вполне своевременно сейчас поставить вопрос о необходимости сосредоточить газетно-журнальный фонд 1917 года в одном месте.

СССР. В соби́рании материалов большую работу проделали научные сотрудники Института А. Семеновец (Ал. Ф. Рындич) и А. П. Петерсон.

I.

Сравнивая темп революции 1917 года в городе и деревне, мы сразу же замечаем значительное отставание последней от первого. Всеобщая стачка петроградских рабочих в январе 1917 года и такая же стачка, развернувшаяся в феврале в восстание, быстрое создание советов рабочих и солдатских депутатов во всех крупных рабочих центрах страны — вот этапы революции в городе за первые месяцы 1917 года. С марта — апреля (ст. ст.) городская Россия покрылась сетью партийных организаций, профессиональных союзов, советами рабочих и солдатских депутатов.

В этот период времени деревенская Россия, за годы войны продолжавшая вести борьбу с помещиками и «отрубниками», в новую полосу революции 1917 года втягивалась крайне медленно, что отчасти объясняется выкачкой из деревень значительного числа населения, мобилизованного в армию. За январь и февраль (ст. ст.) 1917 года, по данным департамента полиции, нам удалось обнаружить лишь единичные случаи аграрных волнений; в марте, по данным главного земельного комитета, было 8 случаев таких явлений, в апреле — 53 и только в мае их число возросло до 450. По другим данным (управления милиции Временного правительства) число земельных правонарушений за март было 17, за апрель — 204, за май — 258, при чем наибольшее число случаев аграрного движения падало на районы с большей степенью остатков крепостничества.

Движение направлялось преимущественно против помещиков-дворян. Недоразумения с отрубщиками составляли не более 4—5% общего числа волнений, еще меньший процент (2-3) — захват казенных угодий (преимущественно лесных) и столько же — столкновения с церковным причтом, 1% — с владельцами промышленных предприятий.

О степени интенсивности движения и о характере столкновений с помещиками можно судить из следующего документа. Губернский предводитель екатеринославского дворянства князь Урусов 11 июня (29 мая) 1917 г. писал министру-председателю Временного правительства князю Львову:

«Под влиянием ничем не сдерживаемой агитации лозунг «земля и воля» в некоторых местах поколебал первоначально занятую большинством сельских общин позицию спокойного ожидания и увлек их на путь насильственного разрешения вопроса. Избранные в селах особые комитеты частью присвоили себе право одностороннего распоряжения землями частных владельцев и разрешения всех спорных вопросов, подлежащих до сих пор ведению суда. Бывали многие случаи, что письменные и словесные сделки об условиях арендования и пользования землей утрачивали всякое значение. Бывали случаи реквизиции необходимого для посевов и содержания племенного скота, зерна, а также угрозы распределить скот между крестьянскими хозяйствами. Помимо всего случаи снятия в имениях рабочих и военнопленных обрекают будущий урожай на произвол судьбы. Нередко бывают угрозы ареста владельца в случае его несогласия подчиняться тем или другим требованиям. В деревне особо остро чувствуется отсутствие твердой, справедливой, для всех одинаковой власти»¹⁾.

Екатеринославские зубры определенно отмечают, что большинство сельских обществ в первое время революции занимало «позицию спокойного ожидания». Реквизиции помещичьего зерна для посева и корма скота были редкими случаями, при чем все это стало заметно лишь в мае (ст. ст.) 1917 года «после речей «селянского министра» В. М. Чернова», как об этом недвусмысленно намекает князь Урусов, не в меру преувеличивающий «революционность» лидера.

Обозреватель аграрного движения эсер Н. Я. Быховский в докладе исполкому Всероссийского совета крестьянских депутатов сообщал, что типичными случаями аграрных волнений в губерниях с крупным частновладельческим хозяйством в весеннее время являлись захваты пахотных угодий, т.-е. распахка и обсеменение помещичьих земель. Реже захват полей сопровождался одновременно и захватом инвентаря. Докладчик находил, что аграрные волнения 1917 года были значительно скромнее таких же волнений 1905 года²⁾.

Итак, можно считать установленным, что в первую треть 1917 года крестьянское движение по сравнению с городской революцией было слабо как по объему, так и по интенсивности выступлений широких масс. Вместе с тем оно было более организо-

¹⁾ Архив Октябрьской революции, фонд III, д. № 18, лл. 190 и 191.

²⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 95, 1917 г.

ванно, чем в революцию 1905—1906 гг. Эта организованность росла на низах под непосредственным влиянием города и фронта, но в то же время, как мы увидим ниже, рост организаций в деревне шел значительно медленнее, чем в городах.

Крестьянским массам помогали организовываться в первую очередь солдаты с фронта и из больших городов, где они получали соответствующую революционную закалку и выучку. В ряд армейских организаций, как на фронте, так и в тылу, стали выделяться крестьянские секции или советы крестьянских депутатов. Наиболее интересной из них является мало исследованная организация «Совет крестьянских депутатов петроградского гарнизона»¹⁾. Этот совет открыл свои действия 27 (14) апреля. От каждой тысячи солдат было избрано по 1 депутату. Всего было избрано 280 депутатов, фактически представлявших до 280 тысяч солдат петроградского гарнизона (вместе с окрестностями). Первое заседание совета открылось 4 мая (21 апреля) в присутствии 160 делегатов от 25 частей. Была избрана исполнительная комиссия из 14 человек. Председатель Беклешев (присоединившийся впоследствии, как указывает в своих воспоминаниях В. Гуревич, к большевикам) был тесно связан с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов через особую комиссию из 7 представителей. Совет крестьянских депутатов петроградского гарнизона рассматривал себя как организацию «для давления на Временное правительство в деле решительного проведения конфискации земель помещиков и передачи их крестьянству без всякого выкупа». Совет крестьянских депутатов петроградского гарнизона, особенно энергично развернувший работу с апреля 1917 года, рассылал по деревням агитаторов²⁾, издавал свои воззвания, снабжал деревню литературой и т. п. Для работы совета деньги давали рабочие Петрограда из специальных от-

¹⁾ «Петроградский совет крестьянских депутатов». Очерк возникновения и деятельности, 1917—1918 гг., стр. 10 и сл. Брошюра-отчет хранится в Ком. Академии.

²⁾ С апреля 1917 года по 14 (1) января 1918 г. членами Совета крестьянских депутатов петроградского гарнизона было доставлено 802 удостоверения об их работе в провинции. Послано за этот период агитаторов 1395 (кроме тех, которым не выдавалось специальных мандатов на агитацию; без мандатов выехали приблизительно столько же). Агитаторы об'ехали 65 губерний и областей. («Петроградский совет крестьянских депутатов». Очерк возникновения и деятельности, 1917—1918 г., стр. 8 и сл.).

числений из заработка (за 1917 год от заводов и фабрик поступило 64 тысячи рублей). В заседаниях Совета крестьянских депутатов петроградского гарнизона принимали участие и делегаты-рабочие. Следующие фабрики и заводы имели в этом солдатском Совете крестьянских депутатов своих представителей: Трубочный, Эриксон, Арматурно-Электрическое акц. о-во, Русский Рено, Айваз, Монетный двор, Патронный, Лаферм, Новый, Лесснер, трамвайный парк, завод Пузырева, Ниточная мануфактура, Экспедиция государственных бумаг, Старый Парвизайнен и Русское общество ¹⁾.

На I Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов Петроградский совет солдат-крестьян делегировал 14 представителей, которые в своих выступлениях на съезде руководствовались своей особой земельной программой, допускавшей захват земель помещиков с ведома земельных комитетов. Политическая часть программы этого совета была весьма детально разработана. Влияние петроградского пролетариата через этот совет на крестьянство, конечно, было очень велико, но оно развернулось значительно позднее I Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов.

Создание низовых крестьянских организаций, вылившихся затем в советы крестьянских депутатов, кроме солдатского «воздействия», стимулировалось также и городскими рабочими.

Они начали создаваться в начале марта (ст. ст.), когда в деревни стали поступать сведения о смене старых властей и замене их новыми. Обычно в этих случаях действовал испытанный «сход», который и формировал исполнительные органы, облакая их функциями власти и устанавливая ту или иную форму отчета перед сходом.

Для более детального изучения роста организаций деревни мы в первую очередь берем две столичные губернии, как наиболее тесно связанные с городской революцией, и частично другие губернии.

Первые сведения о деревенской низовой организации на новых началах по Петроградской губ. мы встречаем в эсеровской «Земле и Воле», № 2, — о волостном сходе Шапкинской волости Шлиссельбургского уезда в составе до 100 человек. Сход орга-

¹⁾ Там же.

низывали члены пропагандистской коллегии Колпинского района комитета партии социалистов-революционеров ¹⁾.

После речи о текущем моменте и признания «старой власти упраздненной волею восставшего народа» для заведывания делами волости был избран Шапкинский народный комитет, из состава которого были выделены следующие комиссии: 1) продовольственная из 6 членов, 2) финансовая из 4 членов, 3) судебная из 3 членов, 4) милиционная из 8 членов, 5) ревизионная из 6 членов. Кроме того, 2 делегата были избраны в Шлиссельбургский уездный народный комитет ²⁾.

Другой формой низовых организаций деревни в Петроградской губернии в первые дни после Февральской революции являлись избранные на волостном сходе новые волостные правления с выборной волостной и сельской милицией и особым продовольственным комитетом (с. Котлы, Ямбургского уезда).

В той же Петроградской губернии были еще и иные варианты низовых организаций: так, в волостной совет (комитет) избирали по одному человеку от каждого сельского общества волости. Из совета выделялась продовольственная комиссия, в которую входили с правом решающего голоса представители от больниц, школ, кооперативов и других учреждений и общественных организаций в волости (Яблоничская волость, Лужского уезда) ³⁾.

На следующем этапе развития низовых организаций президиум народных комитетов волости переименовывается в исполнительный комитет. В состав членов комитета допускается кооптация партийных товарищей (Ивановская волость Шлиссельбургского уезда) ⁴⁾. В Ямбургском уезде волостные советы доходили до 35 человек (Ястребинская волость), при чем в исполком проходило 7 человек, и позднее от совета было делегировано 3 человека в уездный совет крестьянских депутатов.

¹⁾ С самого начала революции из партийных организаций наибольшую тягу для работы в деревне выявляли эсеры. Так, конференция петроградских социалистов-революционеров еще 15 (2) марта 1917 г. вынесла решение «призвать всех членов партии принять деятельное участие в организации крестьянского союза («Дело Народа», № 1, 1917 г.).

²⁾ «Земля и Воля», № 2, 1917 г.

³⁾ «Земля и Воля», № 4, 1917 г.

⁴⁾ «Земля и Воля», № 7, 1917 г.

Эти последние начали создаваться в Петроградской губернии с конца марта — начала апреля (ст. ст.). В некоторых случаях их организаторами на местах были кооперативы (Гдовский уезд). Гдовское сельскохозяйственное общество взяло на себя инициативу созыва Гдовского уездного крестьянского съезда, выделив особое бюро по его созыву с правом кооптации ¹⁾. Съезд крестьянских депутатов 12 волостей Петроградского уезда, состоявшийся 22 (9) апреля 1917 г., руководимый эсерами, по организационному вопросу принял решение немедленно приступить в волостях к организации и выборам крестьянских советов на демократических началах ²⁾. Исполнительному органу уездного совета, состоявшему из представителей по одному от каждой волости, поручено немедленно приступить к организации губернского совета.

Таким образом видно, что даже в Петроградском уезде, ближайшем к центру революции, советы крестьянских депутатов создавались очень медленно. Наиболее характерный образец медленности создания советов крестьянских депутатов можно видеть по Ямбургскому уезду, где уездный совет крестьянских депутатов возник при содействии земской управы и организовался только в июне (ст. ст.) 1917 г., при чем две волости, Княжеская и Редкинская, отказались посылать своих представителей на съезд, как «лишнюю обузу для крестьян» ³⁾.

Между прочим следует отметить, что некоторые уездные съезды крестьянских депутатов, вроде съезда Петроградского уезда, производили прямые выборы делегатов на Всероссийский съезд (2 на уезд).

Петроградский губернский съезд советов крестьянских депутатов состоялся 24 (11) мая 1917 г., т.-е. неделей позже начала Всероссийского съезда. Следует отметить, что в бюро по организации этого губернского съезда входили лица, состоявшие в то же время и организаторами Крестьянского союза. На этот съезд выборы производились прямые, по 2 представителя от каждой волости. По сведениям «Известий Всеросс. Совета Крест. Деп.» всего на съезде было около 200 делегатов.

Перейдем теперь к Московской губ.

¹⁾ «Гдовский Голос», № 3, 1917 г.

²⁾ «Земля и Воля», № 17, 1917 г.

³⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 74, 1917 г.

Московский совет рабочих депутатов очень внимательно отнесся к вопросу о низовых организациях крестьянства. Уже 19 (6) марта им было созвано совещание из 16 ходоков крестьян «из разных мест, прилегающих к Москве», и представителей крестьян Нижегородской, Владимирской и других губерний, при чем на заседании была принята обычная для того времени резолюция «демократического характера». 31 (18) марта в Москве же состоялось еще одно совещание «крестьянских депутатов», на котором было принято решение об организации крестьянства в форме массовых непартийных советов по образцу советов рабочих и солдатских депутатов. На эту же форму организации крестьянства указал также и открывшийся 7 апреля (25 марта) Всероссийский кооперативный съезд в Москве, о роли которого в подготовке Всероссийского крестьянского съезда будет дальше.

Однако дело низовых организаций в Московской губернии развертывалось не быстрее, чем в Петроградской. В марте (ст. ст.) чаще всего встречаются лишь постановления сходов об избрании волостных комитетов, и только с апреля (ст. ст.) имеются сведения о выборах депутатов в уездные советы крестьянских депутатов, при чем в некоторых волостях наиболее капиталистически развитого Волоколамского уезда: Яропольской, Буйгородской, Ошейкинской, Кульнинской и др. волостные комитеты трактовались крестьянством как зародыши волостной земской управы. В этом уезде выборы производились от каждого 100 человек, достигших 18 лет, обоего пола, по одному гласному, а 70 гласных выбирали 8 человек в волостной комитет. Применялось также тайное голосование. В других местах каждые 10 дворов выбирали 1 депутата на волостной сход, где и избирался волостной комитет. Бывали случаи перевыборов волостных комитетов, избранных открытой баллотировкой (поднятием рук), например, в с. Аксиньине Московской губ. Волостной комитет чаще всего трактовался как «административно-полицейская хозяйственная единица для заведывания всеми делами волости». Состав волостных комитетов иногда достигал 35 человек (Муриковская волость) — по одному представителю от селений до 50 дворов и по два от селений, где больше 50 дворов. Из общего состава волостного комитета избиралось правление из 5 и более человек, при чем функции правления были чрезвычайно разнообразны. На многочисленных деревенских митингах в Московской губернии принимались резолюции,

в которых подчеркивалась необходимость организации советов крестьянских депутатов, при чем за советы агитировали социалисты-революционеры, социал-демократы и кооперативы»¹⁾.

Из уездных съездов советов крестьянских депутатов Московской губернии первым нужно считать Подольский, который к 26 (13) апреля 1917 г. сумел созвать хорошо организованный съезд в составе 200 делегатов. Значительная же часть уездных съездов советов крестьянских депутатов происходила лишь со второй половины апреля (ст. ст.), при чем съезды были недостаточно полны и избирались в ряде волостей довольно наспех. В Можайском уезде первое уездное совещание 130 крестьянских депутатов состоялось только 6 мая (23 апреля), на котором были избраны 8 человек в уездный исполком совета крестьянских депутатов и 5 человек на губернский крестьянский съезд. Довыборы депутатов по Можайскому уезду от отдельных волостей происходили почти до июля (ст. ст.) 1917 г. Дмитровский уезд создал свой совет крестьянских депутатов 11 мая (28 апреля), а Московский — 12 мая (29 апреля). На этих съездах были произведены выборы делегатов на Всероссийский съезд.

Насколько было неполно представительство на этом съезде от Московской губернии, можно видеть из того, что такой крупный районный совет, как Наро-Фоминский, возник только 20 (7) мая, Серпуховской уездный совет сорганизовался также только в начале мая (ст. ст.), в Солнечно-Горском районе тоже лишь к маю закончилась организация на местах комитетов народной власти²⁾, и только в половине мая создавался совет народных депутатов. В мае же создались Рузский и Клинский советы, надлежащая организация которых была закончена лишь в июле 1917 г.

Московский губернский съезд советов крестьянских депутатов состоялся 12—15 мая (29 апреля—2 мая), т. е. на 17 дней позднее начала Всероссийского делегатского совещания в Петрограде, на котором была проделана подготовительная работа к I Всероссийскому крестьянскому съезду. Этот апрельско-майский московский съезд был далеко не полон, так как уезды с выборами своих делегатов значительно запоздали.

¹⁾ «Земля и Воля», № 27, 1917 г.

²⁾ «Земля и Воля», № 51, 1917 г.

В итоге организация советов крестьянских депутатов Московской губернии перед I Всероссийским съездом была далеко не закончена, и эсеры, стремившиеся форсировать созыв этого съезда и создание крестьянского центра, на который они хотели опереться на случай неладов с ненадежными советами рабочих и солдатских депутатов, надлежащей полноты на съезде от столичных губерний не получили.

Организованнее столичных губерний за первые месяцы революции выступили такие губернии, как Тамбовская, Ярославская, Пензенская, Нижегородская и др. На первом месте должны быть поставлены Ярославская и Нижегородская губернии, где первые губернские съезды низовых крестьянских организаций состоялись еще 1 апреля (19 марта). Первоначальными низовыми организациями были волостные земские советы (Тамбовская, Ярославская, Пензенская губ.), созданные большей частью при содействии земств и кооперации, волостные хозяйственные советы, регулирующие цены на продукты (Екатеринбургский уезд), волостные комитеты народной власти, реквизирующие излишки хлеба, собирающие продукты для армии и т. д. (Самарская губ.), общественные крестьянские комитеты (Томская губ.) и т. п.

На Ярославском и Нижегородском съездах, с тысячею участников на каждом, было решено именовать их впредь «съездами советов крестьянских депутатов» по аналогии с советами рабочих и солдатских депутатов. Следует отметить, что в Нижнем Новгороде несколько раньше «советского» крестьянского съезда, а именно 22 (9) марта состоялся съезд представителей Крестьянского союза, вынесший оригинальную резолюцию о передаче в пользу трудящихся удельных, монастырских и только крупных частно-владельческих земель¹⁾. В конце марта (ст. ст.) заканчиваются уездные съезды Саратовской губернии. В начале апреля (ст. ст.) в Пензе на учредительном съезде избирается губернский совет крестьянских депутатов. В Воронеже первый губернский съезд работал с 21 (8) по 25 (12) апреля, при чем только ко 2 августа (20 июля) там были правильно организованы волостные комитеты, «волостные же советы крестьянских депутатов существовали к сентябрю 1917 г. только в 64 волостях, так как крестьянство признало лучшей формой организации крестьян-

¹⁾ «Волостное Земство», №№ 3 и 6—7, за 1917 г.

ские союзы социалистов-революционеров, которые образовались в 104 волостях» ¹⁾).

Эта организационная пестрота крестьянских организаций советского типа, как по времени, так и по внутренней их сущности, станет еще более разительной, если мы присмотримся к деятельности Крестьянского союза. Так, в Вятской губернии этот союз очень широко охватил низы деревни. В отношении программ, которые принимало вятское крестьянство, чаще всего они были близки к эсерам, или же программы эти являлись сколками с программ сибирских крестьянских союзов партии социалистов-революционеров. К первому губернскому съезду (16—11 июня 1917 г.) в Вятской губернии «создались три типа организации: 1) южные 3—4 уезда губернии уже в конце мая (ст. ст.) реорганизовались из крестьянского союза в совет крестьянских депутатов; 2) крестьянские союзы, где участвовали только члены союза (от 60 до 1300 человек) в волости, при членских взносах от 20 коп. до 4 руб. 50 коп., и 3) крестьянские союзы, где ядро составляли записавшиеся члены, однако, все трудовое население участвовало в организации. Подавляющее большинство волостных организаций имело достаточные средства для посылки делегатов на уездные и губернские съезды, выписки газет, книг и т. д.» ²⁾.

Политическая программа и организационная структура Крестьянского союза, допускавшая в союз самые различные классовые группы деревни с различными политическими направлениями, имела широкое распространение и в других губерниях. Наиболее сильные организации Крестьянского союза в 1917 году имелись в Московской, Екатеринославской губерниях в Донской области и в других местах.

Как действовал союз в отдельных районах, каковы его организационные формы, и как рассматривало само крестьянство эту организацию? Мы приведем несколько примеров в том же порядке, как и выше.

В конце марта (ст. ст.) в Петроградской губ. в Гдовском уезде, в Полновской волости, по докладу агронома Н. Епифанова на митинге крестьяне постановили: «организоваться в крестьянский союз и приняться за организацию уездного съезда крестьянских

¹⁾ Земля и Воля», № 155, 1917 г.

²⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.» от 24 (11) июля 1917 г.

делегатов «Крестьянского союза»¹⁾, но тут же на митинге для управления делами волости был выбран ими волостной исполнительный комитет из 26 человек с временным сохранением старого волостного старшины. В той же губернии крестьяне д. Яскович Лужского уезда 2 апреля (20 марта) постановили: «основать у себя крестьянский союз, чтобы войти в сношение со Всероссийским Крестьянским союзом для подготовки к Учредительному собранию»²⁾. 22 (9) мая 1917 г. общее собрание всех жителей Медунской волости Петергофского уезда выбрало двух депутатов от волости в Петергофский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но при неперенном условии, чтобы избранные представители участвовали в Крестьянском союзе.

Бывали случаи, когда собрание крестьян называло себя советом крестьянских депутатов, ставя в скобки протокола «Крестьянский союз» (Которская волость Лужского уезда). Во многих случаях крестьяне противопоставляли советы крестьянских депутатов отделам Крестьянского союза. Так, например, совещание представителей кооперативов Гдовского уезда 5 мая (22 апреля) 1917 г. постановило: «содействовать проведению выборов крестьянских депутатов и содействовать образованию на местах отдела Всероссийского крестьянского союза»³⁾.

По Московской губернии в газете союза «Голос Крестьянского Союза» перечислено несколько десятков сел и деревень различных уездов Московской губернии, которое выносили решение вступать в союз. Порядок организации союза рекомендовался такой: по селениям и волостям устраивались сходы, выбирались сельские и волостные комитеты, из представителей сельских сходов созывались уездные съезды и выбирались уездные комитеты, а из представителей волостных сходов собирались губернские съезды и выбирались губернские комитеты Всероссийского крестьянского союза.

Организация отделов Крестьянского союза на местах по Московской губернии началась с середины апреля 1917 года, продолжалась в мае, июне и позднее, так что к майскому Всероссийскому крестьянскому съезду низовые организации Кре-

¹⁾ «Гдовский Голос» от 27 (14) апреля 1917 г.

²⁾ «Земля и Воля», № 14, 1917 г. 22 (9) мая 1917 г.

³⁾ «Гдовский Голос», № 4, 1917 г.

стьянского союза в Московской губернии вряд ли были сильнее петроградских.

Необходимо отметить, что Крестьянскому союзу неоднократно приходилось вести борьбу с советским типом крестьянской организации. Так, на станции Михнево, Серпуховского уезда 2 мая (19 апреля) состоялось районное совещание советов крестьянских депутатов, на котором было постановлено обратиться к Крестьянскому союзу с требованием о возвращении всех приговоров, отобранных от крестьян на собрания 27 (14) апреля о вступлении их в Крестьянский союз ¹⁾. Чем закончилась для союза эта история, неизвестно, но в том же Серпуховском уезде крестьяне с. Стремилева — большие поклонники союза — пытались опровергнуть советы следующими соображениями: «Советы неудобные, так как в этой организации двухстепенные выборы, при помощи которых крестьяне будут просеиваться, и они допускают посылку на защиту крестьянских интересов и не-крестьян, тогда как такие представители не будут истинным голосом деревни» ²⁾.

В борьбе с советами союзовцы иногда добивались «идейной» победы. Это видно на примере следующего приговора 800 крестьян с. Сосновки Моршанского уезда Тамбовской губ.:

«Совет рабочих депутатов является представителем лишь небольшой группы населения и потому не может выражать мнения всей страны. Собрание считает необходимым возможно скорую организацию в Петрограде Совета крестьянских депутатов, которые, как выразители мнения главной массы населения родины, должны занять подобающее их значению место и служить совещательным органом для Временного правительства, контролируя действия последнего. Вместе с тем для объединения действия трудового крестьянства мы считаем необходимым, чтобы Совет крестьянских депутатов, работая в полном согласии со Всероссийским крестьянским союзом, неуклонно держался в дальнейшем программы и постановлений, которые будут выработаны на съездах Всероссийского крестьянского союза».

Этим подчеркивается политическая роль Крестьянского союза. По поводу организации местного отдела Крестьянского союза сосновцы постановили:

¹⁾ «Известия Московского Губ. Совета Крест. Деп.», № 2, 1917 г.

²⁾ «Голос Крестьянского Союза» № 10, 1917 г.

а) немедленно присоединиться к Всероссийскому крестьянскому союзу, организовав Сосновский крестьянский союз и избрав по отдельным сельским обществам представителей в волостной совет по расчету 1 на 200 и в волостную управу в количестве 6—9 человек; б) известить об этом Главный комитет Всероссийского крестьянского союза; в) поручить волостному совету и управе, а также просить местный волостной общественный комитет приложить все усилия для скорейшей организации крестьянских союзов в соседних волостях, а также в уездах и губерниях комитеты Всероссийского крестьянского союза; г) по завершению этой организации избрать представителей в Совет крестьянских депутатов по 1 человеку на 5 волостей»¹⁾.

По вопросу о характере союза не было четкого ответа. Вследствие этого харьковские организаторы Крестьянского союза мыслили его взаимоотношения с советами крестьянских депутатов, как с исполнительными органами Крестьянского союза²⁾. Организованный при непосредственном руководстве братьев Мазуренко Донской областной комитет Крестьянского союза объявлял себя «профессионально-политическим союзом хлеборобов без различия партий»³⁾.

Нередко эта формулировка «беспартийности» служила прикрытием политической работы эсеров.

Следует отметить, что в провинции Крестьянский союз делал некоторые попытки объединиться с советами рабочих и солдатских депутатов. Об этом мы имеем сведения по Екатеринославской губернии, где для проведения совместной кампании выборов в городскую думу, земства и Учредительное собрание были начаты переговоры о соглашениях.

Подводя итоги деятельности Крестьянского союза, можно сказать, что за первые месяцы революции 1917 года его работа была развернута еще менее, чем по советам крестьянских депутатов, и что к майскому Всероссийскому съезду советов крестьянских депутатов организации союза были еще так слабы, что серьезного влияния на съезд оказать не могли. К тому же и лидеры союза не представляли собой крупных политических фигур, при чем некоторые из них, вроде Чайковского, как увидим ниже, так «колебались», что в глазах крестьянских масс дискредитировали

¹⁾ «Голос Крестьянского Союза», № 1, 1917 г.

²⁾ «Голос Крестьянского Союза», № 5, 1917 г.

³⁾ Там же.

Крестьянский союз, в котором он и ему подобные были членами Главного комитета.

Из сказанного можно сделать краткие выводы: крестьянское движение в первые месяцы после февральского восстания развигвалось менее бурно, но более организованно, чем в 1905—1906 гг., в то же время отставая в своем темпе и глубине от городского рабочего движения и организованности.

Организацией крестьянства в это время руководили главным образом эсеры и другие близкие к ним народнические группы и неопределенные «политическо-профессиональные организации» типа Крестьянского союза, являвшиеся по существу недоразвившимися крестьянскими политическими партиями такого же мелкобуржуазного характера, как и партия социалистов-революционеров ¹⁾.

Крестьянские же солдатские организации, из которых к съезду подготовился чуть ли не один только Совет крестьянских депутатов петроградского гарнизона, были слабы. В других войсковых частях в тылу и на фронте эта форма организации крестьянства широкого распространения не получила, хотя, как увидим ниже, делегаты от армии на съезде были представлены ²⁾.

II.

Вполне естественно, что деревня медленнее, чем город, разбиралась и в вопросах текущей политики — о власти, о войне и мире, о земле.

¹⁾ Более обстоятельный разбор существа таких организаций, как Крестьянский союз, мы даем в другой работе.

²⁾ На частном фронтовом совещании при Военном отделе Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов из докладов представителей армий выяснилось, что советы крестьянских депутатов организованы не во всех армиях, потому что при их организации встречается много препятствий: прежде всего сами армейские комитеты всячески противодействовали организации крестьянских секций. Со стороны большевиков и эсеров организация отдельных крестьянских советов не встретила поддержки во 2-й и 6-й армиях. Встречалось сопротивление и со стороны начальства, так как военное министерство не санкционировало организацию крестьянских советов («Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 73, 1917 г.). Командир 3-й армии отказался утвердить список ИК крестьянских депутатов («Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 71, 1917 г.).

Крестьянство в массе не ставило перед собой так остро вопрос о двоевластии, как это делали рабочие города, отчасти потому, что недостаточно разбиралось в сущности Временного правительства, и под влиянием агитации эсеров, Крестьянского союза и других оборонческих партийных групп оно чаще всего выносило резолюции о поддержке Временного правительства — одни безоговорочно, другие в духе «постольку, поскольку».

Приведем несколько выдержек из протоколов низовых крестьянских собраний, при чем их можно разделить на две главные группы: одну — шедшую за Крестьянским союзом, и другую — за эсерами. Начнем с первой.

18 (5) апреля 1917 г. на митинге крестьян в с. Городце Лужского уезда Петроградской губ. была вынесена резолюция, выражающая приветствие Временному правительству и признание его единой в данное время государственной властью в России, Совету же рабочих и солдатских депутатов выражена благодарность за неуклонное отстаивание интересов демократии. На этом же собрании было признано неотложным организовать в уезде и губернии Крестьянский союз, для чего было выбрано организационное бюро ¹⁾. В этой резолюции мы находим представление о совете рабочих и солдатских депутатов как о стороне, защищающей интересы демократии, при чем защищать их приходилось, вероятно, от того же Временного правительства буржуазии, власть которой признавались единой в это время ярко выраженного двоевластия.

Несколько дальше идет в своей поддержке Временного правительства резолюция крестьян Поддубской волости Лужского уезда, принятая 6 мая (23 апреля):

«Выражаем полное доверие Временному правительству и признаем его единой в данное время государственной властью в России, при чем выражаем резкое порицание деятельности так называемых «ленинцев» и высказываем уверенность в том, что Совет рабочих и солдатских депутатов и впредь при возможных конфликтах с властью своим авторитетом удержит рабочих и воинские части от дезорганизующих дело свободы выступлений» ²⁾.

Важно заметить, что эта же волость по земельному вопросу приняла программу трудовиков и организовала у себя отдел

¹⁾ «Земля и Воля», № 15, 1917 г.

²⁾ «Земля и Воля», № 30, 1917 г.

Крестьянского союза. В том же Лужском уезде, в Которской волости, где также была принята резолюция об организации Крестьянского союза, в протоколе от 14 (1) мая 1917 г. сказано:

«Собрание выражает полное доверие революционному Временному правительству, работающему в полном согласии с организованным трудовым народом, заявляет о своей готовности поддерживать его во всех его начинаниях с полным напряжением воли» ¹⁾.

Что эти заявления о безоговорочной поддержке Временного правительства волостями, где действовал Крестьянский союз, не случайны, можно видеть по приговорам и в других губерниях. Крестьяне с. Сосновки Моршанского уезда Тамбовской губ. 8 мая (25 апреля) в приговоре заявляют:

«Выражая полное доверие Временному правительству, мы будем всеми силами оказывать ему поддержку и содействие, пока правительство свято и неуклонно выполняет взятое им на себя обязательство; но, признавая, что всякое двоевластие грозит гибелью для страны и завоеванной свободы, мы считаем, что вся полнота власти должна быть сосредоточена до Учредительного собрания в руках Временного правительства» ²⁾.

Интересно попутно отметить, что эта волость находилась также под идейным влиянием Крестьянского союза.

Однако было бы несправедливо резолюции о безоговорочной поддержке Временного правительства приписывать только крестьянству тех волостей, где Крестьянский союз был господствующей организацией. Такая организация, как совет крестьянских депутатов Наро-Фоминского района Верейского уезда Московской губ., очень близко связанная с крупнейшей фабрикой Э. Цинделя, 20 (7) мая в резолюции заявляла:

«Съезд уполномоченных крестьян выражает полное доверие коалиционному Временному правительству и считает долгом его приветствовать» ³⁾.

В таком же духе в мае выносились массами резолюции целым рядом сходов в отдельных волостях Московской и других губерний, где организовались советы крестьянских депутатов.

¹⁾ «Земли и Воля», № 43, 1917 г.

²⁾ «Голос Крестьянского Союза», № 1, 1917 г.

³⁾ «Земли и Воля», № 43, 1917 г.

Из резолюций «с оговорками» можно привести из наиболее ранних в качестве образца выдержку из постановления собрания уполномоченных Яблоницкой волости Лужского уезда Петроградской губ.:

«Выражаем полное доверие Временному правительству, а Совету рабочих и солдатских депутатов восторженную радость по поводу обновления государственного строя и свое полное доверие Совету рабочих и солдатских депутатов. Да поможет бог доблестному русскому воинству довести войну до благополучного конца, не преследуя завоевательных планов» ¹⁾.

Крестьяне Подольского уезда выносят часто встречающуюся «условную» резолюцию о «поддержке Временного правительства, доколе действия его не будут расходиться с интересами трудового крестьянства и рабочего класса» ²⁾.

Доверие Временному правительству в полной мере крестьянство не могло выносить хотя бы по одному тому, что, как выразился один из крестьян на кооперативном съезде в Харькове:

«Старые власти раньше ездили на нас, теперь Временное правительство назначает их же комиссарами. У нас (в Волчанском уезде) есть Колокольцев [впоследствии министр земледелия при гетмане и Деникине], так он не позволял нам не то, что травку скотинке с'есть, но и бабам подойти к ней — штрафует. Колокольцев нас не поддержит. Как волка ни корми, он все в лес смотрит. В деревне нужна новая власть».

Таково было фактическое положение вещей на местах. Но та аграрная политика, которую проводило Временное правительство, вернее, саботаж в разрешении большого для деревни земельного вопроса, вполне естественно вызывала недоверие у крестьянства и служила поводом к появлению такого рода резолюций:

«Мы, крестьяне Ружинской волости, Режицкого уезда, Витебской губ., на сходе 22 апреля [5 мая] с. г., обсудив современное положение, считаем, что Временное правительство не стоит на страже интересов рабочего и крестьянского люда, а представляет грабительские интересы буржуев-помещиков, а потому считаем единственным и действительным правительством Петро-

¹⁾ «Земля и Воля», № 4, 1917 г.

²⁾ «Голос Крестьянского Союза», № 1, 1917 г.

градский совет рабочих и солдатских депутатов. Председатель волостного собрания А. Митревич. Секретарь Шишко» ¹⁾).

Переходя к рассмотрению резолюций о власти, вынесенных на разного рода съездах советов крестьянских депутатов и совещаниях крестьянских представителей (Крестьянского союза), большой разницы между первыми и вторыми не встречаем. Так, на съезде крестьянских депутатов 22 (9) апреля в Петроградском уезде об отношении к Временному правительству была принята характерная резолюция для определения физиономии агитировавших на этом съезде социалистов-революционеров. Резолюция гласила:

«Крестьянский съезд, признавая за единую власть Временное правительство, доколе оно исполняет обязанности, изложенные им в декларации и клонящиеся в пользу трудового народа, находит необходимым существование Совета рабочих и солдатских депутатов, как контролирующего и соединяющего Временное правительство с народом органа» ²⁾.

Помеченные разрядкой слова дают основание рассматривать советы не как власть, а как некий связующий совещательный орган между народом и правительством. Получается нечто вроде законосовещательной Государственной думы.

Более определенна резолюция совещания крестьянских депутатов Можайского уезда от 6 мая (23 апреля), где доверие Временному правительству и поддержка его обуславливались, «пока оно будет осуществлять намеченную программу в согласии с советами крестьянских, солдатских и рабочих депутатов» ³⁾.

В таком же духе была принята резолюция Московским губернским съездом советов крестьянских депутатов 12 мая (29 апреля), в которой говорилось о поддержке Временного правительства лишь в тех его мероприятиях,

«которые будут согласованы с принятыми им на себя обязательствами осуществления гражданских свобод, упорядочения хозяйственной жизни страны в интересах широких масс трудящихся и скорейшего созыва Учредительного собрания» ⁴⁾.

¹⁾ «Правда», № 43, 1917 г.

²⁾ «Земля и Воля», № 17, 1917 г.

³⁾ «Известия Моск. Губ. Совета Крест. Деп.», № 2, 1917 г.

⁴⁾ «Крестьянский Союз», № 6, 1917 г.

Резолюции об отношении к Временному правительству разных съездов крестьянских депутатов в ряде других губерний сводились в основном к указанным двум линиям, при чем интересно отметить, что чем дальше от февраля, тем резолюции все больше и больше принимают оттенок обусловленности доверия Временному правительству теми или иными оговорками. Создание коалиционного Временного правительства и резолюции I Всероссийского крестьянского съезда несколько разряжают эту остроту «критического» отношения крестьянства к Временному правительству.

Несколько иначе в крестьянских резолюциях, как низовых организаций, так и различных съездов крестьянских представителей, развертывался вопрос о войне и мире. Мы уже видели в одной из вышеприведенных резолюций призыв «божьей помощи доблестному русскому воинству довести войну до благополучного конца, не преследуя завоевательных планов» (резолюция датирована 30 (17) марта 1917 г.). В том же духе выносились резолюции и позднее. Тон многим крестьянским резолюциям по вопросу о войне и мире задавали кооператоры, выступавшие на съезде 11 апреля (29 марта) в Москве с ярко шовинистическими речами и резолюциями. С этого съезда на места кооператоры повезли лозунг: «если мы проиграем войну, мы проиграем революцию». Отсюда было легко сделать вывод о продолжении войны «до победного конца», о подписке на заем свободы и т. д. Меншевикско-эсеровская демократия в крестьянских массах нередко добивалась принятия воинствующих резолюций. Приведем выдержки из некоторых:

«По вопросу о войне собрание признало необходимым стремиться к скорейшему заключению мира и установлению его на вечные времена; требовать проверки списков всех работающих на оборону для отсылки на фронт тех, кто под видом работ на оборону укрывается от воинской повинности и хочет, чтобы другие воевали до конечной победы» (с. Веньяминово, Московской губ., Серпуховского уезда)¹⁾.

«Наро-Фоминский районный съезд уполномоченных Верейского уезда признает необходимым защиту родины и свободы и предвидит возможность наступательных действий нашей армии, но решительно отвергает земельный захват и контрибуцию, высказываясь за всемерную поддержку займа свободы»²⁾.

¹⁾ «Земля и Воля», 6 мая (23 апреля) 1917 г.

²⁾ «Земля и Воля», № 43, 1917 г.

Многие из низовых крестьянских советов в марте — апреле принимали резолюции о присоединении к воззванию совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», при чем иногда подчеркивалось требование скорейшего прекращения войны и заключения «народного» мира, в некоторых резолюциях определенно требовалось «скорейшее опубликование секретных договоров, заключение мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций».

К маю крестьянские требования заключения мира становятся все реже и реже, и в огромном количестве просмотренных нами приговоров крестьян на собраниях вопрос о мире и войне чаще всего заслоняется вопросом о земле.

Если признать правильным взгляд, основанный на просмотре указанных документов, что крестьянство к маю 1917 года все больше и больше втягивалась в орбиту «революционного оборончества» и не оказало должного сопротивления кампании, которую вели эсеры и меньшевики за наступление на фронте, то в вопросах о земле картина получалась совершенно иная. Здесь крестьянство, наоборот, день за днем все левело и левело. Масса крестьянских приговоров, опубликованных полностью и в выдержках в повременной печати за первые 3 месяца после Февральской революции, указывает, как крестьянство жадно тянулось к земле, как оно решительно отвергало политику оттяжки решения земельного вопроса. Однако и здесь было бы перегибом изображать дело так, что крестьянство категорически не соглашалась ждать решения земельного вопроса Учредительным собранием. Наоборот, имеется также очень много резолюций, которые выносились и по селам, и на волостных и уездных съездах советов крестьянских депутатов, Крестьянского союза, наконец, на губернских съездах, в которых указывалось, что решение основного вопроса о земле должно быть проведено созываемым в ближайшем времени Учредительным собранием. Однако дело было не в этих формальных резолюциях. Крестьянство, используя законы Временного правительства о продовольственных и земельных комитетах, об охране посевов и т. п., чаще всего подчеркивало необходимость правильного и полного использования (в 1917 году земельных угодий независимо от того, кому они принадлежат.

«Временно впредь до разрешения земельного вопроса на Учредительном собрании, — говорится в одной, почти декретивной резолюции, — использовать путем реквизиций все пахотные и луговые угодия с предоставлением всех земель, не могущих быть, по заключению местных комитетов, обработанными силами самих владельцев, в распоряжение местных исполнительных комитетов. Необходимый для обработки, обсеменения и уборки живой и мертвый инвентарь реквизируется волостными комитетами. Все договоры об аренде земель признаются нарушенными»¹⁾ и т. д.

Такого рода постановления, всюду предваряемые принципиальными заявлениями о конфискации всей помещичьей земли, обращении ее в государственную собственность (национализация) и т. п., являлись реальным планом ближайшей деятельности деревенских организаций для огромной массы крестьянства.

I Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов должен был считаться с этим массовым настроением крестьянства. Как он сумел учесть эти требования крестьянства, и что отсюда получилось, увидим дальше.

Подводя итог взглядам крестьянства на решение вопросов о власти, войне и земле, можно указать, что в рассматриваемый период революции крестьянская мысль еще недостаточно четко разрешила для себя связь этих «трех китов». Все же можно наметить две основных линии, по которым раскалывалось крестьянство. Часть крестьянства высказывалась за поддержку Временного правительства с весьма серьезными оговорками, в которых сквозило явное недоверие, требовала скорейшего прекращения войны, настаивала на немедленном созыве Учредительного собрания, высказывалась принципиально за национализацию всех земель без выкупа и более решительное использование помещичьих земель до Учредительного собрания «на законном основании» в интересах «разгрома внешнего врага» и прочее (Рязанский съезд). Другая часть крестьянства, более право настроенная, выражала безоговорочно или почти безоговорочно доверие Времен-

¹⁾ Из резолюции рязанского губернского съезда представителей губернского, уездных, городских и волостных комитетов, земства и города, Крестьянского союза, объединенных кооперативов, совета рабочих и солдатских депутатов (журнал «Волостное Земство», № 9—10, 1917 г.).

ному правительству, призывала ловить дезертиров и возвать до «победного конца» (с оговоркой «не преследуя завоевательных планов») и стояла за отсрочку решения земельного вопроса Учредительным собранием, высказываясь в принципе тоже, как и «левые», за национализацию земель и разные варианты по вопросу о выкупе и конфискации частновладельческих земель, за уравнительное землепользование на основе трудовой или потребительской нормы и т. п. Здесь-то и получался тот стык между буржуазией и крестьянством, о котором неоднократно говорил Ленин на Петроградской и Всероссийской конференциях в апреле 1917 г.

III.

Временное правительство очень внимательно прислушивалось к тому, что делалось в деревне. Еще 1 апреля (19 марта) в постановлении об учреждении при министерстве земледелия главного земельного комитета было сказано, что «земельный вопрос составляет самую серьезную социально-экономическую задачу переживаемого исторического момента». Вместе с этим Временное правительство тогда же объявляло, что «земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата. Насилие и грабежи — самое дурное и самое опасное средство в области экономических отношений... Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством». Тогда же было отдано распоряжение министерству земледелия срочно подготовить и разработать материалы по земельному вопросу ¹⁾.

6 мая (23 апреля) за подписью министра-председателя и министра земледелия было опубликовано воззвание, призывавшее население «спокойно ждать нового земельного устройства» и предупреждавшее, что «самовольные действия», направленные «к немедленному (курсив мой. — А. Ш.) переустройству на местах земельных отношений», «грозят всеобщей разрухой». Вслед за этим было опубликовано постановление об учреждении повсеместно земельных комитетов, уездных и губернских, при чем «до реорганизации уездного и городского самоуправления представители населения должны были входить в состав земельных комитетов

¹⁾ Архив Октябрьской революции, ф. III, оп. 3, д. № 91.

по избранию временными уездными, городскими и волостными исполнительными комитетами».

Несколько ранее, 24 (11) апреля, в постановлении об охране посевов Временное правительство гарантировало производителям (т.-е. помещикам) «возмещение убытков от земельных беспорядков и одновременно предоставило местным правительственным продовольственным органам право распоряжения пустующими землями, т.-е. передачу их земледельцам без согласия собственников» ¹⁾.

По поводу постановления об охране посевов обзор министра внутренних дел Временного правительства сообщает, что среди крестьянства обнаруживается повсеместно стремление использовать руководящие идеи Временного правительства, изложенные между прочим и в постановлении об охране посевов, и, незаметно их искажив, приспособить к желанной цели. (Под «желанной целью» подразумевается захват помещичьей земли.)

«Ожидание от частных владельцев и крестьян полного засева полей, предоставление местным органам права принудительной передачи пустующих земель другим земледельцам толкуются как исключительное право и даже обязанность крестьян наблюдать за посевами помещиков и распределять между собой их пустующие земли. Затем пустующими, т.-е. незасеянными, признаются во многих местностях искусственные и естественные луга и выгоны. Клеверные поля частью поступают под лен, частью травятся крестьянскими стадами с целью обратить сенокосные угодья в паровые пустующие земли».

Таким образом весенние попытки Временного правительства приостановить начавшееся аграрное движение крестьянство использовало весьма оригинально в своих интересах, а не в интересах помещиков, которые защищались Временным правительством.

Министр внутренних дел Временного правительства князь Львов был очень недоволен созданием многочисленных «комитетов и советов», которые «стоят к населению ближе правительства и оказывают на него несомненное влияние» и совсем не в том направлении, в каком бы ему, министру, хотелось. В одной из своих речей он обвиняет «комитеты и советы» в том, что они не воспитывают население «в духе правовой законности», в то время как «проведение в жизнь партийных аграрных программ

¹⁾ Архив Октябрьской революции, ф. III, оп. 3, д. № 91.

путем захватов и противозаконных нарушений вряд ли соответствует правосознанию большинства крестьянского населения, наиболее заинтересованного в том, чтобы предстоящая реформа покоилась на прошлом правовом состоянии». Исходя из этих соображений, князь Львов договаривается до таких «перлов»:

«Одной этой причины достаточно для того, чтобы признать действительно необходимым принять меры для прекращения деятельности советов и комитетов, поскольку они присваивают себе власть распоряжаться от имени народа, нарушают действующие законы и отменяют правительственные распоряжения».

Далее он решительно требует:

«признать незаконными и не подлежащими исполнению все постановления волостных, уездных и других комитетов, а равно иного наименования общественных организаций, направленные к нарушению прав землевладельцев, в чем бы эти нарушения ни проявлялись» ¹⁾.

І Всероссийский крестьянский съезд, поддерживаемый Керенским и Черновым, которые рассчитывали использовать его в своих и партийных интересах, со стороны буржуазной части Временного правительства вызывал естественное недоверие и опасения, что он, вместо укрепления порядка или ликвидации революции, может дать толчок дальнейшему ее развитию. В этом отношении чрезвычайно характерен разговор С. Мазуренко с министром внутренних дел князем Львовым, который «горестно» жаловался представителю Крестьянского союза на рабочих и их «совет, с которым невозможно сотрудничать». «Мы так надеялись на поддержку крестьянства, — говорил князь, обращаясь к С. Мазуренко, — а вы хотите втянуть его в союз с рабочими советами... Но мы просим: организуйте крестьян отдельно от рабочих» ²⁾.

Особенно возмущались «комитетами и советами» помещики, требовавшие от буржуазной части Временного правительства «принятия мер», «соблюдения законности», охраны «священной собственности» и т. п. Но, чувствуя, что от их воздействия на Временное правительство толку получается мало, помещики использовали всяческие возможности для раскола деревни, и в этом отношении очень интересны созданные ими «союзы хлеборобов»,

¹⁾ Архив Октябрьской революции, ф. III, оп. 3, № 91, лл. 39—40.

²⁾ «Пути Революции», № 1 (10), 1927 г., стр. 22.

«союзы земельных собственников» и т. д., которые должны были, по мысли их организаторов, объединить кулаческую часть деревни с помещиками и тем самым создать достаточно сильный противовес середняцким и бедняцким массам деревни. Более замаскированной формой помещичьих организаций были такие, которые прикрывались названиями крестьянских организаций.

Об одной из них — «крестьянский союз «Освобождение Земли» — придется сказать несколько слов, так как она имела свою программу, устав, организационное бюро и распространяла среди крестьянства соответствующую литературу. По материалам этой организации можно безошибочно вскрыть ее помещичье происхождение. Приспосабливаясь к господствовавшим среди крестьянства воззрениям как на устройство государства, так и на решение вопросов о земле и пр., крестьянский союз «Освобождение земли» очень ловко подходит к возможности отведения «остатков земель для отдельных хуторских хозяйств и частновладельческих экономий», сохранения «культурных земледельческих хозяйств», уплаты выкупа за отчужденные земли за счет государства и т. п.

Связь этого крестьянского союза с Союзом 17 октября подтверждалась не только тем, что они помещались чуть ли не в одной квартире, но и всеми пунктами его политической платформы. Крестьянский союз «Освобождение земли» был, несомненно, правой политической партией, ставившей себе целью «объединение всех крестьян для желательного проведения возможно большего числа своих членов в Учредительное собрание, которое должно мирным путем установить всю русскую жизнь на новых началах». Устав союза подписан 12 «крестьянами», из которых один не мог скрыть своего кандидата богословия ¹⁾.

Вполне естественно, что такого рода помещичьи союзы для крестьян среди них-то как раз и не имели никакого успеха. Кулачество и вообще зажиточная часть деревни в разного рода союзах земельных собственников была представлена преимущественно в виде исключения, в массе своей ориентируясь на ту линию политического поведения, которую выражали правые

¹⁾ Сведения о союзе «Освобождение земли» заимствованы из специальной брошюры «Программы крестьянского союза «Освобождение земли», находящейся в Коммунистической академии, в отделе 6 К 21 за № 11633/20 — 22320.

эсеры, народные социалисты, трудовики, деятели Крестьянского союза.

Впрочем, политическое *credo* всех этих партийных группировок было далеко не однородно. Так, к середине апреля — началу мая (ст. ст.) 1917 г. среди эсеров, по мнению В. Гуревич, «существовало 4 течения: левые, возглавляемые Б. Камковым и М. А. Натансоном, левый центр во главе с В. М. Черновым и Н. И. Ракитниковым, правый центр, к виднейшим представителям которого относили Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, В. М. Зензинова, и правая группа «Воли Народа» во главе с А. А. Аргуновым, П. А. Сорокиным, Д. И. Лебедевым, Е. А. Сталинским и А. И. Гуковским... В обширной Петроградской организации, имевшей свой собственный орган «Земля и Воля», явно преобладали левые камковского толка» ¹).

Правая группа эсеров чувствовала в разворачивавшемся крестьянском движении большую угрозу для себя и поэтому стремилась овладеть им, подчинить его своему влиянию. Этим объясняется и организационная помощь лидеров эсеров делу созыва первого крестьянского съезда, их выступления на съезде и пр. Как уже отмечалось, они видели в крестьянстве возможный для себя оплот в назревавшем конфликте с начавшими леветь советами рабочих и солдатских депутатов.

Левая часть эсеров тянулась прежде всего к революционному разрешению земельного вопроса, но это течение к маю (ст. ст.) 1917 года еще не было достаточно оформлено, хотя в целом ряде заявлений с мест уже можно было видеть энергичные протесты со стороны левых эсеров по поводу политики их правых товарищей по партии. Организация крестьянских масс в советы для левых эсеров имела значение как «упрочение и углубление революционных завоеваний и строительства в смысле подготовки к проведению в жизнь коренных реформ социального и политического характера» ²).

Два слова о меньшевистском отношении к крестьянскому движению и крестьянским организациям весны 1917 года. В этом отношении наиболее показательна резолюция общероссийской кон-

¹) «Летопись Революция», кн. I, статья «Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция», стр. 176.

²) «Земля и Воля», № 41, 1917 г.

ференции меньшевиков в заседании 25 (12) мая 1917 г., в которой говорилось:

«1) Для уничтожения кабальных отношений в деревне, для уничтожения сословного строя, основывающегося на крупном и среднем землевладении, для повышения экономического уровня крестьян и рабочих, приходящих из деревни, и в интересах революции должна быть произведена Учредительным собранием земельная реформа. 2) При проведении земельной реформы пролетариат, как всегда, исходит из интересов развития народного хозяйства, которые должны быть поставлены выше интересов отдельных групп населения. 3) Исходя из этого, аграрная реформа должна повести к переходу рентного дохода землевладельцев в распоряжение государства и органов местного самоуправления путем конфискации церковных, монастырских и частновладельческих земель, превышающих определенную норму. 4) Мелкая земельная общинная и частная собственность ниже уровня, определяемого в каждом районе сообразно экономическим условиям этих районов, не отчуждается. 5) Отчуждаемые земли должны числиться общегосударственной собственностью. 6) Земли, которые должны быть использованы живущим на местах населением, находятся в распоряжении крупных областных органов местного самоуправления (муниципализация. — А. Ш.). 7) Признавая, что земельная реформа может быть совершена только Учредительным собранием, конференция меньшевистской фракции РСДРП находит необходимым всемерно бороться против анархических самовольных захватов земли и всяких других способов самовольного разрешения земельного вопроса, которые могут вызвать междоусобицу и грозить контр-революцией».

Разница между позициями крестьянского союза «Освобождение земли», партией правых эсеров и меньшевиками по существу была невелика.

Меньшевики относились довольно равнодушно к организации крестьянских масс, и в этом отношении любопытно поведение меньшевистского Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, не удосужившегося ни разу поставить на обсуждение крестьянский вопрос, отдававшего посылкой на Всероссийский крестьянский съезд только ораторов для приветствия. На Всероссийском крестьянском съезде меньшевики имели всего несколько человек случайных представителей, к съезду не готовились и никак на него всерьез не реагировали.

Отношение большевиков к советам крестьянских депутатов было иное с самого начала Февральской революции, 20 (7) марта

Ленин написал свое «Первое письмо издалека», которое было опубликовано еще до его приезда в Петроград в № 14—15 «Правды» от 3—4 апреля (21—22 марта) 1917 г. В этом письме он писал: «Каковы союзники пролетариата в данной революции? У него два союзника. Во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая, масса полупролетарского и частью мелкокрестьянского населения России. Этой массе необходимы мир, хлеб, свобода, земля. Эта масса неизбежно будет находиться под известным влиянием буржуазии, и особенно мелкой буржуазии, к которой она всего ближе подходит по своим жизненным условиям, колеблясь между буржуазией и пролетариатом. Жестокие уроки войны, которые будут тем более жестокими, чем энергичнее поведут войну Гучков, Львов, Милюков и К^о, неизбежно будут толкать эту массу к пролетариату, вынуждать ее идти за ним. Эту массу мы должны теперь, пользуясь свободой нового порядка и советами рабочих и солдатских депутатов, стараться просветить и организовать прежде всего и больше. Советы крестьянских депутатов, советы сельскохозяйственных рабочих — вот одна из насущнейших задач» ¹⁾.

Таким образом задачу создания советов крестьянских депутатов В. И. Ленин поставил совершенно самостоятельно еще в Швейцарии, несомненно, по аналогии с советами рабочих и солдатских депутатов, о возникновении которых он знал из дошедшей до него печати. Он не идеализировал эту форму крестьянской организации. Скорее, наоборот. По приезде в России В. И. неоднократно подчеркивает необходимость создания в деревне наряду с советами крестьянских депутатов и советов батрацких депутатов. Так, по этому вопросу на апрельских Петроградской и общегородской и Всероссийской конференциях большевиков он говорил: «Уже теперь мы видим в решениях ряда крестьянских съездов мысль обождать с разрешением аграрного вопроса до Учредительного собрания, — это победа зажиточного крестьянства, склоняющегося к кадетам». Но в то же время В. И. Ленин знал о начавшемся крестьянском движении широких масс и делал отсюда такие выводы: «Крестьяне уже берут землю. Эсеры удерживают их, предлагая ждать Учредительного собрания.

¹⁾ Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 12.

Надо соединить требование взять землю сейчас же с пропагандой создания советов батрацких депутатов ¹⁾. Буржуазно-демократическая революция закончена, аграрную программу надо проводить по-новому» ²⁾.

Им намечался дальнейшей ход развертывания революции не только в городе, но и в деревне, против сельской буржуазии. В своих речах и статьях за период март — май (ст. ст.) 1917 г. Ленин часто указывал на необходимость более сильного развития аграрного движения. Он боялся, что зажиточное крестьянство будет естественно тянуть к Временному правительству, что оно может оказаться «правее» Гучкова ³⁾.

О крестьянском оборончестве он говорил на конференции, что «теперь оборончество есть переход крестьян к мелкой буржуазии... Мелкое буржуазное крестьянство, стоящее на точке зрения оборончества, может быть за монархию... Оборончество показало, что мелкая буржуазия отошла от рабочего класса и перешла к буржуазии крупной»...

Оборончество тесно связывалось большевистской партией с овладением буржуазией крестьянством, со срывом революции. Выход из положения был действительно один — развертывание аграрной революции. Здесь интересы крестьянства и буржуазно-помещичьей клики вступали в резкое столкновение. Вопросы о сплетении трех политических «китов» того времени —

¹⁾ Советы батрацких депутатов, о которых говорил В. И. Ленин, были не только в его проектах, но и в живой действительности. Так, в Режице, Витебской губ., около 90 человек батраков имений Розентова, Гориколки, Грицаты, Бычки и др., «обсудив положение, пришли к выводу, что им всем необходимо объединиться и создать либо свой совет батрацких депутатов, либо послать своих делегатов в Режицкий совет» («Правда», № 38, 1917 г.). На съезде в гор. Вольмаре 29 апр. — 1 мая (16—18 апреля) безземельных 4 уездов, главным образом батраков, был выбран совет безземельных депутатов, которому в числе других поручений было предложено озаботиться выработкой положения о 8-часовом рабочем дне, о минимальной заработной плате, рабочем договоре, гигиенических помещениях, социальном страховании сельскохозяйственных рабочих, составить временную инспекцию труда и пр. («Правда», № 55, 1917 г.).

²⁾ Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б) в апреле (ст. ст.) 1917 г., стр. 8—9.

³⁾ Там же.

«войны, власти и земли», об их взаимозависимости были подвергнуты серьезнейшему рассмотрению и дискуссии на упомянутых партийных конференциях. В. И. Ленин предостерегал «старых большевиков» от опасности перенесения на крестьянство 1917 года представлений 1905—1906 гг. Он говорил: «Мы хотим, чтобы крестьянство пошло дальше буржуазии, чтобы оно взяло землю у помещиков, но сейчас о его будущем поведении ничего сказать определенного нельзя» ¹⁾.

Из этой цитаты можно видеть, что Ленин и разделявший его взгляды большинство участников партийных конференций очень внимательно следили за развертывавшимся крестьянским движением и крестьянской организованностью. Вот почему на I Всероссийском съезде советов крестьянских депутатов с самого же начала фигурировала большевистская фракция во главе с В. И. Лениным.

IV.

С. Мазуренко рассказывает ²⁾, что «первый Всероссийский совет крестьянских депутатов получил свое основание от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в первые же дни после Февральского переворота». К сожалению, подробностей об этом он не приводит, сообщая лишь, что

«организационная работа по объединению революционных сил в деревне вскоре охватила всю Россию, и в ней приняли деятельное участие наряду с партией большевиков и Крестьянским союзом также многие земства, демократизировавшиеся тогда, и почти вся кооперация. Временное правительство не мешало ни возрождению Крестьянского союза, ни созданию советов крестьянских депутатов, так как надеялось встретить в этих организациях крестьянства поддержку для себя и противовес революционным советам рабочих и солдатских депутатов. Премьер-министр Львов и министр юстиции Керенский, считавший Крестьянский союз, по примеру многих безграмотных политиков, чуть ли не эсеровской организацией, с большим интересом следили за работами организаций крестьянства и Всероссийского крестьянского съезда.

¹⁾ «Петроградская общегородская и Всероссийская конференция РСДРП(б)» в апреле 1917 г., стр. 46.

²⁾ «Крестьянство в 1917 году» — статья в журн. «Пути Революции», № 1 (10), Харьков 1927 г.

Наше воззвание о созыве этого с'езда редактировал вместе с нами в Совете рабочих и солдатских депутатов сам Керенский, он же распустил его одновременно с данными нам советом полномочиями чуть ли не через правительственный радио-телеграф: «всем, всем, всем»...

В извещении об этом, опубликованном 30 (17) марта в № 17 «Известий Петроградского Сов. Раб. и Солд. Депутатов», говорится следующее:

«От Всероссийского крестьянского союза. Министром-председателем Временного правительства и Советом рабочих и солдатских депутатов разрешено Главному комитету Всероссийского крестьянского союза организовать Всероссийский совет крестьянских депутатов. Положения об этом совете вырабатываются представителями всех названных учреждений. Впредь до опубликования положения о Совете крестьянских депутатов Главный комитет Всероссийского крестьянского союза призывает крестьян и казаков всех станиц и волостей выбирать на всеобщих селенных сходах, без различия пола, уполномоченных по одному на каждые 5 волостей или станиц для участия в работах Совета крестьянских депутатов. Избранные уполномоченными депутатами должны немедленно прибыть в Петроград и явиться в Государственную думу к представителям Главного комитета Всероссийского крестьянского союза. Подписано: член Главного комитета Всероссийского крестьянского союза С. Мазуренко, секретарь Главного комитета Василий Мазуренко».

В заявлении, которое было подано представителями Всероссийского крестьянского союза Временному правительству и Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов, организация Всероссийского совета крестьянских депутатов мотивировалась тем, что «крестьянство самый многозначительный класс России», что ему будет принадлежать до 70% представительства в Учредительном собрании, и что, «нет никакого сомнения, что именно от крестьянских депутатов в конечном счете будет зависеть та или другая организация будущего государственного строя России; ввиду этого надлежит немедленно приступить к созданию Всероссийского совета крестьянских депутатов в Петрограде».

В результате очень трудно сказать, кто кому «втирал очки» — С. Мазуренко Керенскому или наоборот, и был ли Керенский так наивен, как это изображает С. Мазуренко. Из изложенного

выше мы уже видели, что правым эсерам, в том числе, конечно, и Керенскому, как самому правому из правых, крестьянские советы были нужны для своих политических целей. Нам трудно поверить С. Мазуренко, что Керенский не разбирался в сущности Крестьянского союза и только потому, что считал его по глупости «своим», так легко пошел на предложения представителя Главного комитета союза. В политике так просто не бывает. Керенский и князь Львов знали, что такое «Крестьянский союз» хотя бы по списку членов Главного комитета, где трудовики и народные социалисты были представлены виднейшими из своих представителей.

По эсеровским описаниям дело было несколько иначе, и фактическое основание первого Всероссийского совета крестьянских депутатов они относят к заслугам Всероссийского кооперативного съезда и партии эсеров. Вот что по этому вопросу пишет А. П. Омельченко ¹⁾:

«На один и тот же вопрос — как должно организоваться крестьянство? — ответили по-разному. По старому, хорошему образцу, во Всероссийский крестьянский союз, — сказали одни. По новому, также хорошему образцу, во Всероссийский совет крестьянских депутатов, — возразили другие. Но когда те и другие давали на очередной вопрос русской жизни свой ответ, они готового плана организации еще не нашли. Была мысль, было желание организоваться. Было два образца. И между сторонниками организации по образцу Крестьянского союза и сторонниками организации по образцу советов рабочих депутатов началась борьба».

Борьбу эту обострило одно обстоятельство. В начале марта (ст. ст.) в московских газетах появилось воззвание, подписанное: «Главный комитет Всероссийского крестьянского союза» ²⁾.

¹⁾ Омельченко, А. П., «Советы крестьянских депутатов и Крестьянский союз».

²⁾ Приводим некоторые выдержки из этого возвания «Ко всему крестьянству». Это в своем роде «перль».

«Государственная дума взамен разрушенного навсегда царского строя образовала Временное революционное правительство с тем, что власть будет передана всему народу»...

В этой фразе мы видим чисто кадетскую версию образования Временного правительства Государственной думой. Дальше идет еще лучше.

«Главный комитет Всероссийского крестьянского союза призывает крестьянство поддержать новое правительство, его комиссаров и все общественные

Вот об этом-то воззвании и говорит в своей брошюре А. П. Омельченко, указывая, что на него крестьянство должно было обратить большое внимание, заинтересоваться, что говорит «Главный комитет».

«Оказалось, что речь шла и о земле, и о привлечении иностранного капитала, и о — многом другом. Было много распылчатых слов. Явился вопрос: кто же такой этот «Главный комитет»? Кто эти лица? Кто их выбрал, кто уполномочил говорить от лица Всероссийского союза, того союза, который еще должен быть создан? Оказалось, что Главным комитетом называли себя те несколько человек бывшего Главного комитета Крестьянского союза 1905 года, которые были в Москве. Эти несколько человек и издали «воззвание». Это была их собственная программа, а не программа Крестьянского союза, принятая на съездах в 1905 году. Кто дал им право говорить от лица союза? Разве можно так подменять волю народа? Родилось недоверие, родилось опасливое отношение ко всему тому, что стало появляться за подписью «Крестьянский союз».

Опуская описание А. П. Омельченко дальнейшей деятельности Крестьянского союза, создавшего, в конце концов, Главный организационный комитет Всероссийского крестьянского союза, который и вел переговоры с Временным правительством, перейдем к интересующему нас вопросу о том, как же создавался и организовывался Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов. Тот же А. П. Омельченко рассказывает, что в Москве 7 апреля

организации, которые признаются Временным правительством, отнюдь не допуская самоуправства и посягательства на чужую собственность и свободу»...

После дальнейших призывов в обычном стиле о «сокрушении врага до победного конца» встречаются такие заявления, как «хозяйственная жизнь в настоящее время не должна быть ничем нарушена, как у частных землевладельцев, хуторян и однодворцев, так и в трудовом сельском хозяйстве, в монастырях и церковного причта».

По поводу этого воззвания А. Кизеветтер в № 57 «Русских Ведомостей» разразился большой статьей. «Мы горячо приветствуем воззвание, — писал он, — за то, что оно ясно и определенно, без всяких оговорок, зовет на дальнейшую борьбу с кровавым Вильгельмом». Кизеветтер в восторге от того, что авторы призывают к безоговорочному, «к дружному общему сплочению около Временного правительства», от того, что они высказываются против «самоуправства», против частных насильственных захватов.

С. Мазуренко в упомянутой выше статье пытается отгородиться от этого воззвания и заявляет, что это — дело «Московской организации Крестьянского

(25 марта) открылся Всероссийский съезд 35 тысяч кооперативных союзов. Тон на съезде задавали председатель С. Н. Прокопович, член президиума от Центрального района с г. Москвой — Кильчевский, от Северного с Петроградом — Туган-Барановский, от крестьянских кооперативов — Чайковский и др. Съезд посетила эсеровская «бабушка революции» Е. К. Брешко-Брешковская. С докладами на съезде выступили представители Главного комитета Крестьянского союза В. И. Анисимов, С. Мазуренко, кадетствовавшая Е. Д. Кускова, кооператор В. Н. Зельгейм, тогдашний министр земледелия А. И. Шингарев и др. По этому составу главных руководителей съезда можно было заранее сказать, что на нем собрался махровый букет кадетско-эсеров-меньшевистской «революционной» демократии, и что путного ничего они сделать не сумеют. Когда В. А. Кильчевским был поднят вопрос об организации крестьянства и послышались голоса за возрождение Крестьянского союза, то опубликованное от имени Главного комитета союза заявление «Ко всему крестьянству» испортило все дело. Ни Чайковский ни Мазуренко с Анисимовым не могли спасти положения, так как, несмотря на политическую выдержанность большинства «демократии» съезда, переварить «перлы» воззвания и они были не в состоянии.

«Против Крестьянского союза, — рассказывает А. П. Омельченко, — руководимого таким Главным комитетом, настроились члены съезда, главным образом социалисты-революционеры... Мысль съезда остановилась на новом образце — на совете рабочих депутатов. Съезд этот образец принял и постановил учреждать советы крестьянских депутатов в волостях, уездах и губерниях. Мало того, съезд постановил немедленно приступить

союза, в большинстве своем не имевшей ничего общего с Крестьянским союзом 1905 года и созданной без ведома большинства членов нашего Главного комитета». К сожалению, С. Мазуренко не дает полного списка членов Московской организации Крестьянского союза, а его же ссылка на участие в нем С. В. Курина и В. Ф. Краснова указывает, что в этой организации были представлены наиболее ответственные работники Крестьянского союза еще эпохи 1905 года. Совершенно неправ также С. Мазуренко и в своем анализе воззвания, цитаты из которого приведены выше, так как его скорей надо было считать кадетским, а не эсеровским. Очень странное впечатление производит вся эта «мышинная возня», которой сейчас занимается С. Мазуренко по поводу действий Главного комитета Всероссийского крестьянского союза, сваливая с себя и со своих друзей вину за это воззвание на никому неизвестных лиц Московской организации того же Крестьянского союза.

к созыву в Петрограде Всероссийского совета крестьянских депутатов»¹⁾.

С. Мазуренко с Керенским согласовали вопрос об организации от имени Всероссийского крестьянского союза Всероссийского совета крестьянских депутатов несколько раньше, чем это сделали кооператоры. Промежуток между опубликованием воззвания и постановлением кооперативного съезда был немного больше недели, и надо думать, что приоритет в создании Всероссийского совета крестьянских депутатов может быть приписан Крестьянскому союзу лишь с большой оговоркой.

О губернских съездах, на которых избирались представители на Всероссийский съезд, отчасти уже упоминалось. Здесь мы дополнительно отметим, что в Москве 19 (6) апреля состоялось совещание представителей советов крестьянских депутатов Московской области, на котором было постановлено безотлагательно образовать в Петрограде организационное бюро Всероссийского совета Крестьянских депутатов. «Для этой цели все организованные губернские советы крестьянских депутатов должны немедленно командировать в Петроград своих представителей в числе не менее 2 от каждого совета. Совещание постановило, что первое совещание представителей советов крестьянских депутатов должно состояться 25 (12) апреля в Петрограде, в помещении Петроградского отделения комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах»²⁾.

Судя по адресу, видно, что кооператоры действовали несколько энергичней, чем С. Мазуренко, напечатавший о созыве крестьянского съезда только извещение в газетах. О том, что кооператоры явились действительно душой созывающегося съезда, можно судить по собранию уполномоченных Московского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ 21 (8) апреля 1917 г. На нем присутствовало 74 уполномоченных, постановивших после доклада В. А. Кильчевского о необходимости организации совета крестьянских депутатов ассигновать 5 000 руб. на созыв в ближайшее время губернского съезда крестьянских депутатов Московской губернии³⁾.

¹⁾ Омельченко, А. П., «Советы крестьянских депутатов и Крестьянский союз», стр. 4—16.

²⁾ «Земля и Воля», № 15, 1917 г.

³⁾ «Известия Моск. Губ. Совета Крест. Деп.», № 2.

В намеченный на московском совещании срок для созыва предварительного съезда представителей крестьянских организаций 25 (12) апреля в Петрограде в Таврическом дворце собрались представители 25 губерний. В одной из первых резолюций были отмечены следующие основные положения:

«Наилучшей формой организации крестьянства являются советы крестьянских депутатов различных районов действий. Для скорейшего созыва Всероссийского совета крестьянских депутатов необходимо создать в Петрограде бюро по его организации ¹⁾. Единственным полноправным центром, представляющим все русское крестьянство, может считаться только Совет крестьянских депутатов. Полноправными членами совета могут быть только лица, избранные крестьянами. Желательно, чтобы органы Всероссийского крестьянского союза приняли на себя содействие организации Всероссийского совета крестьянских депутатов на условиях, которые будут приняты в настоящем собрании делегатов» ²⁾.

Затем продолжительный обмен мнений вызвал вопрос о системе выборов во Всероссийский совет крестьянских депутатов. Выборный возраст был установлен в 18 лет, по четырехчленной формуле, без различия пола и т. д. Каждая волость выбирала 2 или более уполномоченных выборщиков, которые выбирали депутатов на Всероссийский съезд из расчета 1 депутат на 150 000 населения. Депутаты должны были выбираться исключительно крестьянским населением, но избранными могли быть и не-крестьяне, если они признавались способными защищать интересы трудового крестьянства. Армия принимала участие в выборах посылкой своих делегатов. Срок созыва Всероссийского съезда назначался на 14 (1) мая. В состав организационного бюро входили главным образом видные деятели из числа эсеров, народных социалистов и трудовиков «с умеренно правым по тем временам уклоном», как их характеризует в своих мемуарах В. Гуревич ³⁾. «Председателем бюро, — сообщает В. Гуревич, — был Сергей Маслов (которого С. Мазуренко называет теперь «талантливым погромщиком Крестьянского союза»), в числе членов

¹⁾ Организационное бюро было выбрано на этом же предварительном съезде из 20 человек, при чем в состав бюро было добавлено еще 10 представителей от Крестьянского союза.

²⁾ «Земля и Воля», № 20, 1917 г.

³⁾ В. Гуревич, «Всероссийский Крестьянский съезд и первая коалиция» — «Летопись Революции», кн. 1-я, стр. 177—178.

находились В. А. Кильчевский, Н. В. Чайковский, Г. А. Мартюшин и С. Сорокин, член IV Думы, Г. И. Дзюбинский, М. Е. Березин, Н. Н. Соколов и др. Из левых, — говорит В. Гуревич, — «припоминаю лишь молодого присяжного поверенного Беклешова, чрезвычайно честоплюбного и бойкого господина, являвшегося представителем Совета солдатских и крестьянских депутатов петроградского гарнизона, а впоследствии ушедшего к большевикам».

Так происходила подготовка первого съезда в освещении эсеровских источников.

С. Мазуренко в упомянутой уже статье, изображая оборотную сторону медали, дает несколько иную картину той «политической страшни», которая велась вокруг организационного бюро со стороны эсеров, народных социалистов и трудовиков. Касаясь событий начала апреля, С. Мазуренко пишет:

«Тем временем в Петроград начали прибывать крестьянские ходоки и делегаты с наказами, для приема которых нами было организовано при Совете рабочих и солдатских депутатов особое инструкторское бюро, которым заведывали Л. С. Макарьева и Э. Н. Бердяева, обе социал-демократки. Эсеры, не желая отдавать в руки марксистов инструктирование ходоков и прием делегатов, организовали там же свое бюро. Организовали и общежитие для приезжающих делегатов, где и обрабатывали их по программе своей партии. Создав в этих общежитиях кадр своих агентов и сторонников, эсеры решили ликвидировать инициативную связь Совета рабочих и солдатских депутатов с организуемым крестьянским съездом и учреждаемым Советом крестьянских депутатов. Для этого они объявили в своей газете «Дело Народа», что в Петроград прибыли представители крестьянских организаций на местах, и 13 [26] апреля открыли в Таврическом дворце совещание для выработки положения об организации Всероссийского совета крестьянских депутатов. Эсер Быховский продолжал информировать через свою газету, что в совещании принимают участие представители более 20 губерний, что ими принята резолюция о необходимости скорейшей организации крестьянства снизу доверху и что «организовать крестьянство путем создания Всероссийского совета крестьянских депутатов решил Московский кооперативный съезд. (Курсив автора.) Таким образом, крестьяне, явившиеся по нашей повестке раньше открытия съезда, были использованы эсерами для полной ликвидации всякой связи крестьян с Советом рабочих и солдатских депутатов. Больше того. От их имени эсеры реорганизовали наш организационный комитет по созыву этого съезда,

расширив его с 10 до 30 членов путем введения в его состав исключительно своих сторонников и однопартийцев. Таким способом наше представительство от Крестьянского союза было сведено до одной трети» ¹⁾).

Из этого описания явствует, что Главный комитет Крестьянского союза никаких прочных корней в массах не имел и что в центре у него было так же мало сил и средств, чтобы противостоять эсеровскому «напору». С. Мазуренко рассказывает теперь, что эсеры Сергей Маслов и Бунаков-Фундаминский украли полмиллиона рублей из кассы Крестьянского союза. «Крестсоюзовцы» и здесь оказались недостаточно дальновидными.

Что со съездом эсеры и кооператоры чрезвычайно спешили, об этом говорит очень показательно воззвание совета Гдовского сельскохозяйственного общества от 5 мая (22 апреля) 1917 г.

«Граждане. Первого мая собирается съезд крестьянских депутатов. Нет надобности пояснять, как важно, чтобы к голосам рабочих и солдатских депутатов присоединился мощный голос основной силы русской земли — крестьянства. Производите же поскорее выборы по обществам. Выборы надо произвести так скоро, чтобы не позже 27-го [10 мая] выборы от общества собрались для выбора 1 представителя от волости; на 28-е [11 мая] состоится поездка представителей в Гдов, где на 29 апреля [12 мая] в помещении уездного съезда в 2 часа дня назначаются выборы крестьянских депутатов от Гдовского уезда. Это воззвание исходит от Гдовского сельскохозяйственного общества, которое, узнав в ночь с 20 на 21 апреля [с 3 на 4 мая] о съезде 1 [14] мая, решило, что так как в Гдовском уезде нет организации, объединяющей гдовское крестьянство, то надо кому-нибудь оповестить крестьянство, которое без этого узнает о съезде после того, как он состоится» ²⁾).

О чрезвычайной торопливости в посылке представителей на Всероссийский съезд можно ознакомиться по материалам организационного совещания по созыву в Москве губернского съезда крестьянских депутатов Московской губ., где один из главных инициаторов созыва Всероссийского съезда В. А. Кильчевский заявил:

¹⁾ С. Мазуренко, «Крестьянство в 1917 году» — «Пути Революции», № 1 (10), 1927 г., стр. 22.

²⁾ «Гдовский Голос», № 3, 1917 г.

«Медлить с организацией крестьянства нельзя, так как помимо всяких других причин дело это сможет попасть в неподходящие руки, примером чего может служить существование в Москве нескольких комитетов, между которыми имеется комитет союза 17 октября»¹⁾.

В. И. Кильчевский, прикрываясь октябристским союзом, под «неподходящими руками» прежде всего разумел представителей Крестьянского союза, а затем, вероятно, и большевиков.

Кооператоры не жалели денег на работу по созыву с'езда. Организационное бюро разослало десятки тысяч телеграмм по всей России, истратив на это до 15 000 руб., и окупило их: кооперативы ассигновали бюро до 400 000 руб. Из этой справки совершенно ясно, что главными заинтересованными лицами по созыву первого крестьянского с'езда были представители кооперации. Тем самым в значительной мере определялась и социальная физиономия этого с'езда.

Кстати сказать, московские кооператоры чрезвычайно энергично поддерживали идею организации Совета крестьянских депутатов. Кроме кооперативного с'езда, за организацию советов крестьянских депутатов высказалось Центральное т-во льноводов (объединявшее 22 губернии Северного района), и на организацию крестьянства Московской губ. ими было ассигновано до 50 тысяч рублей (на политическо-просветительную работу и на содержание специального кадра политических инструкторов-агитаторов, на издание «Известий Моск. Губ. Совета Крест. Деп.», издаваемых в 5 000 экз.).

Интересно отметить, что московские кооператоры рассылали по провинции адресованные персонально видным кооперативным крестьянским работникам приглашения созывать с'езд на местах и посылать делегатов в Петроград.

Такого же рода спешная работа по собиранию делегатов проводилась и в других губерниях и в армейских организациях. Делегаты получали право бесплатного проезда по железным дорогам и водным путям, пользовались правом сохранения содержания, суточными и т. д.

Эсеры-кооператоры и просто эсеры оказались неплохими организаторами.

¹⁾ «Известия Моск. Губ. Совета Крест. Деп.», № 2, 1917 г.

V.

Однако к 14 (1) мая делегаты съехаться не успели. Конкуренция между эсерами и «крестьяносоюзцами» за влияние на под'езжавших делегатов съезда продолжалась, но уже было ясно, что победа останется за первыми.

17 (4) мая, в 2 часа дня, в Народном доме I Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов был объявлен открытым. Всего делегатов к этому времени съехалось около 560 ¹⁾.

В целях лучшей хозяйственной и технической организации делегаты с мест были сгруппированы по областям, а делегаты-крестьяне от воинских частей — по фронтам. Организовались области: Центральная, Волжская, Украинская, Белорусская, Южная, Сибирская и т. д., которые приобрели впоследствии на съезде и общественно-политическое значение, выражая иногда областнические тенденции. Области посылали своих представителей и на совещания с организационным бюро ²⁾.

Председателем съезда был избран Н. Д. Авксентьев, почетными председателями — Е. К. Брешко-Брешковская, В. М. Чернов и В. Н. Фигнер, товарищами председателя: от эсеров — Н. И. Ракитников, В. Гуревич, В. А. Кильчевский, Г. А. Мартюшин, И. И. Бунаков-Фундаминский и от Крестьянского союза — Н. В. Чайковский, М. Е. Березин и др.

Один из видных участников съезда, представитель Сибири, рассказывает:

«Большинство инициаторов съезда понимало его задачи в образовании авторитетного представительного центра, могущего не только защищать интересы крестьянства, но и руководить крестьянским движением, вводя его в определенное политическое русло. Мы полагали, — пишет он, — что беспорядочный захват

¹⁾ По данным Омельченко («Советы крестьянских депутатов и Крестьянский союз», стр. 4—16), общее число делегатов I съезда достигало 1115, из них эсеров — 537, социал-демократов — 103, беспартийных — 136, народных социалистов и трудовиков — 10 и 329 невыясненных. Количество делегатов по губерниям дается «Известиями Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 12, такое: Полтавская — 54, Саратовская — 38, Харьковская — 37, Тамбовская — 34, Московская — 31, Екатеринославская — 30, Самарская — 30, Воронежская — 29, Петроградская — 23, Вятская — 17, Уральская — 2.

²⁾ В. Гуревич, «Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция» — «Летопись Революции», кн. 1-я, стр. 177.

помещичьей земли не только поведет к срыву социализации ее, но также к крушению фронта и всеобщей потасовке не только крестьян с частными владельцами, но и самих крестьян между собой на почве дележа земли. Наиболее правильным казалось отложить коренное разрешение аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания, по возможности ускорив последнее, разработав пока проект земельной реформы и проведя необходимые подготовительные мероприятия. В плоскости политической создание такого всероссийского центра, опирающегося на крестьянство, составляющее огромное большинство населения России и тесно связанного с армией, должно было обеспечить преобразованному правительству прочную поддержку, выпрямить линию поведения советов рабочих и солдатских депутатов, а в случае надобности составить им надлежащий противовес. Наконец, весьма важной задачей будущего исполнительного органа крестьянского съезда должна стать подготовка и проведение выборов во Всероссийское учредительное собрание» ¹⁾.

Таков был общий подход к съезду со стороны его руководящей головки. На первых же порах съезду пришлось перейти от «общего» к частному, и еще до начала съезда центр внимания делегатов был сосредоточен на вопросе о составе второго Временного правительства, того правительства, в которое должны были войти министры-социалисты. Съезд еще не открыл своих заседаний, а его делегаты уже были втянуты в политику создания «коалиции».

«Сохранение прежнего бессильного правительства, — рассказывает достаточно осведомленный в этом вопросе В. Гуревич, — вело к полному развалу и гибели страны. Консолидация его была совершенно необходима, и без включения популярных социалистических имен укрепить его считалось невозможным ²⁾. Крестьянский съезд должен был своим авторитетом покрыть этот брак подмоченных социалистов с буржуазией. Съезд вплотную подводился к практическому разрешению вопроса о власти.

Как этот, так и другие вопросы на съезде прорабатывались во фракциях. Наиболее многочисленной и влиятельной была фракция эсеров, которую возглавляли председатель Н. И. Ракитников и его товарищи: И. И. Бунаков-Фундаминский, С. Маслов и Пьяных, секретари Быховский, Дедусенко и Сорокин. Рядом

¹⁾ Там же, стр. 178.

²⁾ Там же, стр. 179.

с эсерами образовалась фракция трудовиков под председательством В. И. Дзюбинского, при чем в ее состав входили М. Е. Березин и Н. В. Чайковский (таким образом во фракции трудовиков мы видим часть работников, принадлежащих к Главному комитету Крестьянского союза). Была еще небольшая группа (несколько человек) меньшевиков, не оформившаяся за малочисленностью во фракцию. Группа 14 беспартийных, руководимая Михайловым¹⁾, выступала на съезде в качестве крестьянского левого крыла, и ее резолюции поддерживались большевиками. В первые же дни съезда эта группа по вопросу об отношении к Временному правительству предложила съезду следующую резолюцию:

«Всероссийский съезд крестьянских депутатов считается со вступлением представителей социалистической демократии во Временное правительство, как с фактом, видит в этом лишь промежуточную ступень к переходу всей полноты власти в руки трудового народа, в лице Всероссийского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, к созданию которого следует приступить немедленно.

Передача власти народу неизбежна в силу того, что данный состав правительства, благодаря преобладанию в нем буржуазных элементов, не в состоянии разрешить в полном согласии с требованиями народа основных и жгучих вопросов внешней и внутренней политики, главным образом земельного вопроса, что единственно могло бы обеспечить ему полное доверие и действительную поддержку трудового народа»²⁾.

В защиту этой резолюции т. Михайлов говорил:

«Чем власть может быть сильна? Только доверием страны, а Временное правительство такового не имеет и потому, что в декларации Временного правительства земельный вопрос решается так... (читает § 5 декларации, где вопрос о переходе земли в руки трудящихся откладывается до Учредительного собрания). Этот пункт формулирован не так, как хочет крестьянство; оно хочет сейчас же почувствовать в руках землю, а этого нет, и пока этого нет, не будет доверия полного Временному правительству, как бы мы этого ни хотели»³⁾.

¹⁾ М. В. Фрунзе.

²⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 1, 1917 г.

³⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 2, 1917 г.

Делегата Михайлова поддерживают немногие, и в их числе Тризна от Белорусской области:

«Нам предлагают подписаться в том, что мы должны выразить полное доверие Временному правительству... Мы знаем, что через министерство иностранных дел говорит Россия со всем миром и весь мир со всей Россией. Этим телефоном служит министр, которого мы обещали поддерживать и помогать, и кто же это? — Терещенко. Этот тот миллионер, тот богач, которому нужды и страдания не так известны, как известны были каждому из нас... Второй пост — министр внутренних дел, он же министр предприятий. Я не могу сказать, что всецело доверяю ему... Пока мы доверяем только тем товарищам министрам, которых мы включили в число правительства, они взяли в свои руки и власть, и они представляют из себя то окно, через которое мы смстрим» ¹⁾.

Резолюция 14 беспартийных об отношении к Временному правительству встретила очень резкую критику со стороны большинства членов съезда, при чем в основе возражений этого большинства были заявления, «что мы не можем ждать, когда созреют советы». Представитель эсеровской фракции Быховский заявил:

«27 февраля власть валялась на улице, но мы, социалисты, не взяли ее, потому что не были еще организованы и не могли бы удерживать власть. Теперь мы значительно окрепли и можем взять на себя часть власти, — во Временном правительстве у нас половина министерства состоит из социалистов. Наступит время, когда мы возьмем в свои руки остальные места»... ²⁾.

Против такой «левой» точки зрения выступил «заслуженный ветеран революции», представитель Крестьянского союза и трудовой группы Н. В. Чайковский:

«Нам говорят, что тогда только будут доверять правительству, когда оно будет состоять из представителей социалистов, т. е. одной части народа. Я говорю, что при нормальных условиях это было бы опасно, но когда происходит война, это прямо преступление... Правительство должно представлять все главные классы страны» ³⁾.

В этих словах ярко отразилась политическая физиономия и трудовой группы и если не всего, то наиболее важной части Крестьянского союза. В результате прений съезд принял резо-

¹⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 2, 1917 г.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

люцию об отношении к Временному правительству в редакции президиума и партии эсеров большинством свыше 800 голосов при 16 голосах против и 14 воздержавшихся.

Заключительная часть резолюции гласила: «Совет признает министров-социалистов своими представителями в правительстве, ответственными до Учредительного собрания перед советами крестьянских, рабочих и солдатских депутатов».

О внешней стороне первых дней с'езда можно судить по следующим описаниям. Один из эсеров «скачет и играет»: «Этот день — 4 мая — в истории русского крестьянства знаменательный день. Впервые крестьянство обнаружило свою силу; силу в том, что в первый же день заседания с'езда к нему за доверием явились министры, и притом министры-социалисты». (В первый день с'езда с приветственными речами выступали министры-социалисты: Чернов, Пешехонов, Керенский, Скобелев. — А. Ш.). «И эту поддержку они получили» ¹⁾.

Эсеры чувствовали себя именинниками. Крестьянам-депутатам очень импонировали выступления на с'езде и иностранных гастролеров «социалистов»: Тома, Вандервельде и др., пытавшихся доказать необходимость продолжения войны и поддержки союзников.

Первый день с'езда кончился торжественным моментом, когда вновь испеченного военно-морского министра Керенского делегаты-солдаты подхватили на руки и торжественно при общей овации понесли из зала в автомобиль.

Крестьяне-делегаты вообще на овации не скупились и почти целых три дня слушали речи министров-социалистов, хлопали им, а в кулуарах переговаривались о том, что огромной тяжестью лежало у них на сердце, гвоздем долбило их головы: это был вопрос о земле.

Наблюдавший с'езд в кулуарах корреспондент «Правды» дает такую картину этих крестьянских разговоров:

«Вопрос о земле стоит в прямой связи с продовольственной разрухой, стоит остро, ребром. Переходишь от одной группы к другой и слышишь повсюду речи: земля должна перейти немедленно в ведение крестьянских организаций и советов. Делятся опытом местной работы. На местах далеко ушли от центра: там крестьянские выборные учреждения уже распоря-

¹⁾ Омельченко, «Советы крестьянских депутатов и Крестьянский союз», стр. 14—16.

жаются землей, кое-где уже введена общественная обработка земель с помощью помещичьего инвентаря. Спорят сбивчиво, в программах и партийных решениях разбираются плохо, приписывают одни взгляды другим. Иные твердят, что только эсеры за немедленное изъятие земли из частной собственности. Убеждаешь их, показываешь решение партии — разводят руками: слепая вера в «избранных» интеллигентских вождей сталкивается с практической сметкой и опытом деревенского работника. В зале заседаний парит организационный комитет (40 человек с решающими голосами), там масса крестьян беспомощна и бессильна перед ловкостью дипломатов. Нет организованности, есть верное практическое чутье. Много солдат. Солдаты слушают ультрапатриотические речи новых и старых министров: все исстрадались, измучились от войны, скорее бы мир»¹⁾.

Так реагировала на съезд рядовая крестьянская и солдатская масса.

Что сотрудник «Правды» верно уловил «серость» рядового крестьянского состава съезда, слабо разбиравшегося во всех тонкостях делавшейся на съезде политики, видно из речи делегата Белорусской области Моронко, заявившего:

«Меня возмущает, что нас, собравшихся крестьян со всей России, не знающих, что такое партия: одна, две, три, четыре, а их теперь двадцать пять народилось сразу, рвут по кускам то в ту партию, то в эту партию и т. д. Я предложил бы быть с этим осторожнее. Мы, крестьяне, не принадлежим ни к какой партии. Наша партия — «Земля и Воля». На этом одном мы только и стоим. Нам нужно, чтобы нас кто-нибудь объединял, а здесь мы видим, что нас все-таки разъединяют; нельзя ли выдумать, чтобы все объединились»²⁾.

Для полноты картины политической физиономии съезда следует указать на резолюцию Совета украинских крестьянских депутатов, которые также приветствовали коалиционное правительство, как и большинство съезда, но заявляли:

«Будучи твердо уверены, что это правительство, обновленное представителями русской демократии, на знаменах которой стоят в ряду других и лозунги «земля и воля» и «полное самоопределение народов», будет защитником прав и выразителем интересов всех народов России, объединенных общим стремлением стать равноправными членами одной семьи — великой демократической федеративной России.

¹⁾ «Правда», № 51, 1917 г.

²⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 4, 1917 г.

Выражая твердую решимость организованного украинского крестьянства всемерно поддерживать коалиционное правительство, Совет украинских крестьянских депутатов считает необходимым открытое признание правительством права украинского народа на полную национально-территориальную автономию, глубоко убежденный в том, что такой акт, акт справедливости, сделает завоевания революции более дорогими и близкими, будет способствовать закреплению этих завоеваний в общем российском масштабе»¹⁾.

Эта резолюция была скорее декларацией и, насколько нам удалось выяснить, на голосование не ставилась. Следует все же отметить, что украинский «сепаратизм» вызывал неудовольствие руководивших съездом эсеров, что вытекало из всей их тогдашней политики по национальному вопросу.

От вопроса о коалиционном правительстве съезд перешел к вопросу о войне. Докладчиком на эту тему был И. И. Бунаков-Фундаминский, построивший свой доклад, по характеристике В. Гуревича, «своеобразным и эффектным, но несколько рискованным образом. Сначала он доказал весьма убедительно необходимость заключения мира, а потом, разобрав реальные возможности его достижения и, придя к выводу, что он может быть только сепаратным, категорически отверг такой мир и сделал вывод о необходимости вооруженной борьбы за всеобщий демократический мир и активных операций»²⁾.

24 (11) мая по докладу начались прения. От большевиков выступил г. Зиновьев, построивший свою речь на основных положениях резолюции фракции, в которой говорилось, что «обновленное Временное правительство, несмотря на личные качества вошедших в состав представителей демократии, не сможет разрешить важнейших вопросов внутренней и внешней политики и интересах революционной демократии. Посему переход власти в руки советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в более или менее близком будущем является неизбежным»³⁾.

Тов. Зиновьев выдвигал также предложение поддерживать братание солдат на фронтах.

¹⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 1, 1917 г.

²⁾ В. Гуревич, «Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция» — «Летопись Революции», кн. 1-я, стр. 189.

³⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 4, 1917 г.

В прениях очень резко выявились две основные линии, характерных для того момента. Одна — за развитие активных операций на фронте и переход в наступление и другая — большевистская — за немедленное прекращение войны через голову правительств и развертывание гражданской войны в направлении к социалистической революции. Огромное большинство эсеров, трудовиков, представителей Крестьянского союза, «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская и др. набросились на т. Зиновьева, протестуя против предложений братания, заключения мира без согласования с союзниками и т. п. Речи прикрывались фразой революционного оборончества, при чем, как говорит В. Гуревич, «твердо проводилась идея активной обороны, не исключаящей наступления».

Распространявшаяся среди делегатов «Солдатская Правда» с «Открытым письмом к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов» за подписью Ленина, где говорилось о захватных целях войны (о чем умалчивалось как в докладе эсеровских представителей на съезде, так и в их резолюциях), о необходимости всеобщего мира, «и не мира капиталистов, а мира трудящихся масс против капиталистов»¹⁾ и для этого им выдвигался «переход власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в России и в других странах», должного влияния на умонастроение делегатов не оказала, и резолюции, выдвинутые небольшими группами левых, на съезде собрали очень незначительное количество голосов.

После внесения поправок съездом была принята подавляющим большинством голосов эсеров и трудовиков резолюция, в которой отразился «дух» И. И. Бунакова-Фундаминского. После прекрасных слов в начале о необходимости мира на основе известной декларации Совета рабочих и солдатских депутатов в конце резолюции заявлялось:

«Съезд считает основным долгом трудового народа революционной России вести самую активную защиту страны, не останавливаясь ни перед какими жертвами, и принять самые решительные меры к поднятию боевой силы армии, как для оборонительных, так и для наступательных действий. Пока революционная русская армия борется с армиями, предводительствуемыми императорами, она борется за спасение великого достоинства русского

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 155.

народа, за русскую революцию, за землю и волю и за право русской революции развиваться и влиять на все другие народы.

Всероссийский совет крестьянских депутатов обращается ко всем своим братьям и сынам, находящимся в армии, с горячим приветом и призывом, подчиняясь свободной дисциплине, защищать революционную Россию и помнить, что в этой героической борьбе с ними будет все трудовое крестьянство, что оно благословляет их на борьбу и никогда не забудет принесенных ими жертв за великое дело свободы¹⁾.

Так по двум основным вопросам текущей политической жизни — о власти и мире съезд явно шел на поводу у буржуазии и прикрывавших эту буржуазию правых социалистов.

Затем съезд перешел к заслушиванию доклада Н. В. Кондратьева по продовольственному вопросу, в котором, исходя из тех же принципов революционного оборончества, крестьянство призывалось к признанию целесообразности твердых цен, монополии на хлеб и пр. Корреспондент «Правды» дал очень живое описание последовавших затем прений. Приводим из него извлечения, ярко рисующие, кроме того, и тогдашнюю позицию большевиков по этому вопросу:

«Обсуждение продовольственного вопроса вызвало оживленные споры и вскрыло глубокие трещины во взглядах большинства съезда. Резолюция, предложенная президиумом, — типичнейший образец либерального отношения к язве, порожденной войной и общей разрухой, — натолкнулась на протесты крестьян и открыла им глаза на действительность. Того «единодушия», которым хвалились руководители съезда на первых заседаниях, совсем не оказалось. Крестьяне выступали со своими требованиями. Прямо и открыто заявляли, что с разрухой «верноподданническими» резолюциями справиться нельзя. Нужны решительные меры, а на них не идут ни «социалистические» министры, ни тем более либеральные помещики. Во всех речах выступает одно основное: от крестьян требуют хлеба, но не принимают ничего для того, чтобы заставить помещиков и мироедов по-

¹⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 8, 1917 г.

Интересно отметить, что украинская делегация по вопросу о войне и мире также выдвинула свою резолюцию, в общем сходную с той, что предложили эсеры, но кроме этого она требовала немедленного формирования из запасных тыловых войск отдельных украинских воинских частей, с тем, чтобы из этих частей пополнялись определенные дивизии на фронте, для чего должна быть образована специальная украинская мобилизационная комиссия при генеральном штабе («Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 6, 1917 г.).

ступиться своими бешеными доходами, чтобы обеспечить и само крестьянство городскими произведениями — предметами первой необходимости. Необходимо, чтобы производство хлеба и распределение его перешло в руки организованного в советы крестьянства. Никто не обеспечит крестьян предметами первой необходимости, кроме как организованные беднейшие слои городского населения, взявшие на себя контроль над производством и непосредственное заведывание отраслями производства общегосударственного значения, распределение продуктов...

Кое-где реквизируются предметы первой необходимости, скопленные сельскими лавочниками. Но эта реквизиция — временная полумера. Нужно снабдить деревню дешевыми товарами, а для этого придется сломить сопротивление капиталистов. Крестьянин еще опасается классовой борьбы, но когда он близко подходит к своим болячкам, то отбрасывает привычную веру в возможность устройства общественной жизни «мирно, по-хорошему» — без борьбы, через «своих людей» наверху¹⁾.

С обоснованием резолюции большевиков по продовольственному вопросу выступал от имени фракции съезда т. Смилга. Как выступления в прениях с революционными речами рядовых крестьян-делегатов, так и выступления большевиков оказали свое влияние на резолюцию съезда, которая оказалась наиболее левой из всех, на нем принятых. Приводим из нее резолютивную часть:

«Совет крестьянских депутатов приглашает государственную власть решительно и немедленно осуществить следующие мероприятия:

1. Монополия и твердые цены на хлеб.

Примечание. Хлебные запасы владельцев, имеющих свыше 50 десятин запашки, а также запасы торговых посредников, купцов и банков должны быть реквизированы по старым твердым ценам.

2. Развитие производительных сил сельского хозяйства и с этой целью обеспечение его, в частности, орудиями и средствами производства, семенами, живым инвентарем, дешевым кредитом и пр.

3. Развитие и государственное реформирование производства основных предметов массового потребления, как, например, сахара, керосина, кож, тканей, железа и др.

4. Установление твердых цен и государственной монополии на эти предметы массового потребления.

5. Снабжение ими деревни.

¹⁾ «Правда», № 54, 1917 г.

6. Распределение всех продуктов первой необходимости по карточной системе, равномерно для всего населения.

7. Упорядочение и усиление работы транспортов всех видов: железнодорожного, водного и пр.

8. Запрещение производства и ввоза предметов роскоши и ограничение прибылей капиталистов.

9. Организация там, где их нет, местных, областных, губернских, уездных, волостных и районных продовольственных органов на самых широких демократических основах.

10. Увеличение пайка семьям всех призванных.

Но успешное проведение всех этих мероприятий зависит от самого организованного крестьянства. Всероссийский совет крестьянских депутатов поэтому призывает товарищей крестьян к безусловному подчинению мероприятиям Временного правительства и к деятельной и организованной поддержке его начинаний в области продовольствия»¹⁾.

Но главным и наиболее острым для съезда был, конечно, аграрный вопрос, занявший больше всего времени. По всем фракциям шла особо тщательная подготовка выступлений по аграрному вопросу. Эсеровское организационное бюро еще заранее готовило докладчиков и в их числе нескольких своих аграрников-специалистов. В заседаниях фракции эсеров вопросы были в значительной степени проработаны, подготовлены резолюции и т. д.

Со своей точкой зрения по аграрному вопросу на съезде готовились также выступить и трудовики, которые в это время находили, что основное различие их аграрной программы с программой эсеров сводится к следующему:

«Эсеры признают конфискацию не только кабинетных и удельных земель, но и частновладельческих и передачу этих земель в пользование трудовому классу без выкупа, трудовики же хотя в принципе и принимают этот лозунг, но считают неосуществимым: в виду чрезвычайно большой задолженности земельных отношений выкуп фактически неизбежен, но выкуп не отдельными лицами, а государством. Например: 1) нельзя конфисковать земли иностранцев без осложнения международных отношений; 2) дворяне-помещики уже давно получили из дворянских банков две трети выкупа за свои земли — с них взять нечего, а страдают вкладчики в мелких кредитных обществах и банках; их должно обеспечить государство. Затем различие сводится к тому, что трудовики считают возможным оставить отдельным лицам землю, если они того пожелают, в частную собственность, но не свыше определенной трудовой нормы. Если отдельные лица захотят

¹⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 7, 1917 г.

ликвидировать частную собственность, то могут ее продавать только государству. Распределение земель и формы землевладения поручается местным земельным комитетам для учета местных особенностей» ¹⁾.

К сожалению, мы не располагаем материалами о заседаниях той группы беспартийных, которая солидаризировалась с большевиками. Точно так же мы не имеем данных о том, какой позиции по аграрному вопросу держалась левая фракция эсеров и как она готовила свои выступления на съезде.

Обсуждение аграрного вопроса началось 29 (16) мая с доклада Н. П. Огановского. С докладами и содокладами выступали: А. В. Пешехонов, Н. В. Чернов, П. Вихляев, Сем. Л. Маслов, Н. Я. Быховский, М. Е. Березин и др.

Главным докладчиком от фракции большевиков съезда был В. И. Ленин. С его выступлением эсеры подстроили «кунштюк». Прения по аграрному вопросу были перенесены на областные совещания делегатов, и 2 июня (20 мая) они уже подвигались к концу, при чем выяснилась недостаточная устойчивость делегатов в «верности» эсеровскому руководству по аграрной политике. Чтобы не потерять таявшего влияния в массах делегатов, эсеры поспешили с выборами Исполнительного комитета и вместе с этим не пропустили 2 июня (20 мая) доклад В. И. Ленина по аграрному вопросу, справедливо опасаясь, что его выступление может сорвать им всю «обедню».

Об этом в «Известиях Всеросс. Совета Крест. Деп.» рассказывается следующая лаконическая заметка:

«В виду прибытия на съезд Н. Ленина, Михайлов от группы социал-демократов большевиков и независимых предлагает собранию изменить порядок дня и выслушать Ленина. Голосованием это предложение отвергается, и утверждается ранее намеченный порядок дня, а также дальнейший порядок занятий съезда. Общее собрание назначается на утро 22 мая [4 июня]. 21 мая [3 июня] до обеда решено посвятить областным заседаниям по аграрному вопросу, а после обеда организовать шествие депутатов для возложения венков на могилы жертв революции».

В. И. Ленин, как известно, свой краткий доклад, носивший характер мотивировки предложенной фракцией резолюции, про-

¹⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 4, 1917 г.

изнес на пленуме съезда только 4 июня (22 мая). Острые речи В. И. было направлено против политики оттяжки решения земельного вопроса и за немедленный организованный захват помещичьих земель крестьянством. Вместе с этим в этой речи были освещены основные положения аграрной программы партии и резолюций апрельских конференций ¹⁾.

Несомненно, что на крестьян делегатов могла оказать также влияние статья В. И. о самочинном и немедленном захвате крестьянских земель всех категорий без выкупа, не платя помещикам арендной платы и не дожидаясь Учредительного собрания, опубликованная еще 24 (11) мая. В. И. Ленин писал в ней делегатам о том, что «беднейшему крестьянству необходим тесный союз с пролетариатом», дабы победить капиталистов. «А если не победить их, то никакой переход земли в руки народа не избавит от народной нищеты. Землю есть нельзя, а без денег, без капитала достать орудия, скот, семена неоткуда. Не капиталистам должны доверять крестьяне и не богатым мужикам (это — те же капиталисты), а только городским рабочим. Только в союзе с ними добьются беднейшие крестьяне, чтобы и земля, и железные дороги, и банки, и фабрики перешли в собственность всех трудящихся, без этого, одним переходом земли к народу, нельзя устранить нужды и нищеты» ²⁾.

Так просто и ясно ставил на I крестьянском съезде вопрос о путях революции вождь пролетариата.

В речи 4 июня (22 мая), кроме того, подчеркивалось: «Мы никоим образом не защищаем захвата этих земель в собственность, мы никоим образом не защищаем раздела этих земель, мы предполагаем, что вся земля должна быть взята под один посев местным крестьянством по решению, принятому большинством местных и крестьянских делегатов» ³⁾.

Статья и речь Ленина совпадали со стремлением значительной части крестьянства поскорее разрешить наболевший вопрос о земле, находили живой отклик у многих делегатов съезда, и казалось, что эсеры именно на этом и сорвутся. Но это только

¹⁾ Речь напечатана в Собр. соч., т. XIV, ч. 1-я, стр. 157—173; там же «Проект резолюции по аграрному вопросу», стр. 174—175.

²⁾ «Открытое письмо к делегатам». Собр. соч., т. XIV, ч. 1-я, стр. 153 и сл.

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1-я, стр. 158.

казалось. Указание Ленина, что резолюция Главного земельного комитета о недопущении «самоуправства» вполне совпадает с решением совещания группы помещиков, членов Государственной думы, что против этого самоуправления выступал также министр земледелия Шингарев, в известной телеграмме которого говорилось, что «самостоятельное решение земельного вопроса недопустимо без общегосударственного закона. Самоуправство поведет к государственной беде» и т. п., все эти указания и ряд других, хотя и имели известное влияние на делегатов съезда, но против этих положений эсеры выступили единым фронтом, и в результате и на этот раз им удалось обработать крестьянство.

Заранее предвидя большевистскую опасность, эсеры приняли меры к тому, чтобы вообще по аграрному вопросу обработку крестьян вести не на пленуме, а в заседаниях по областям, где было легче втереться в доверие к отдельным делегатам, создать условия, как говорит В. Гуревич, для «товарищеской, интимной беседы».

Однако был момент, как рассказывает тот же автор, когда крестьянство на съезде начало бунтовать против его заправил. Вот что по этому поводу сообщает тот же Гуревич:

«Однако скоро выяснилось, что мы учли неправильно как настроение самого съезда, так и всего крестьянства на местах. Против зрелой и тщательной подготовки земельной реформы и организованного распределения земли в будущем крестьяне, действительно, ничего не имели, но это отнюдь еще не означало, что они были готовы просто пассивно ждать будущих благ. Хотя запрещение старшим нотариусам утверждать сделки по отчуждению и залогоу недвижимости и гарантировало крестьянство (как равно и государство) от попыток помещиков забронировать, если не самые свои имения, то соответственный эквивалент путем передачи прав на него иностранцам, но это одно не могло еще устранить мужицкой подозрительности. Крестьяне уже предвкушали всю сладость обладания заветной помещичьей землицей со всеми ее ценными угодьями и уверялись, что «господа»-таки найдут способ в ожидании реформы обесценить свои имения, реализовав, что только возможно, сняв с них сливки в свою пользу. Поэтому, не настаивая на немедленном распределении помещичьей земли, крестьяне энергично добивались ее отчуждения от помещиков, обращения в государственное достояние или хоть провозглашения этого формальным порядком. Иными словами, речь уже шла не о социализации, а только о предварительной национализации земли, но такая мера, хотя и не срывала бу-

дущую аграрную реформу, создавала весьма серьезные политические осложнения, представляясь нам вместе с тем и принципиально неправильной»¹⁾.

То течение на с'езде, которое представлял В. Гуревич, можно было назвать центристско-эсеровским, близким к правым эсерам. Он и его единомышленники подходили к разрешению поставленного вопроса не столько академически (нельзя предрешать волю будущего «хозяина земли русской» — Учредительного собрания), сколько по политическим причинам. Если бы Всероссийский крестьянский с'езд потребовал большевистского разрешения аграрного вопроса или лево-эсеровского, то шесть министров-социалистов, не имея большинства во Временном правительстве, попали бы в довольно пиковое положение. Кроме того, такое постановление немедленно вызвало бы новый кризис власти, так как кадеты решительно запротестовали бы против такого решения аграрного вопроса. В результате меньшевикам и эсерам пришлось бы создавать однородное социалистическое министерство, а этого они боялись, «как чорт ладана». Представитель Центральной области на с'езде, возражая против принятия резолюции о немедленной национализации всех земель, говорил:

«Требование немедленного издания закона о передаче земли крестьянам, быть может, повлечет за собой уход министров-социалистов из коалиционного министерства. Будет ли это выгодно для нас? Кто возьмет тогда власть в свои руки? Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как твердят нам большевики; но ведь мы сами пока отказались от этого... Я говорю это тем товарищам, которые настаивают на издании закона о немедленной передаче земли в руки трудового крестьянства, называя это революционным актом. Поддержка Временного правительства, которому мы выразили свое доверие, есть также революционный акт»²⁾.

Иначе было настроено большинство делегатов с'езда. Вот выдержка из речи, наиболее типичная для этого большинства. Нестеров, делегат сибирской группы, говорил:

«Когда крестьяне при посредстве лучших своих сынов, одетых в серые шинели, при посредстве русской революции, увидели

¹⁾ В. Гуревич, «Всероссийский крестьянский с'езд и первая коалиция» — «Летопись Революции», кн. 1-я, стр. 192.

²⁾ «Известия Всеросс. совета крест. деп.», № 22, 1917 г.

долгожданную землю и с криком «земля» хотели высадиться на эту землю, в это время являются люди, говорящие: «Обождите, этого сделать нельзя», и в подтверждение своих слов они выставляют следующие аргументы: 1) что побегут солдаты с фронта, 2) что это может сделать только Учредительное собрание и 3) что крестьяне не организованы»... Когда нужно защищать родину — крестьянство организовано, когда крестьянству нужно отдать все лучшее — крестьянство тоже организовано, но когда нужно взять то, в чем главное достояние крестьянства, — землю, тогда говорят: этого нельзя, это только Учредительное собрание вам даст, или же вы получите, когда будете организованы... Как мы покажемся в деревнях без земли? Я заранее краснею и, сходя с этой трибуны, предложил бы собранию, чтобы обязательно передача земли состоялась без всякого промедления. Если мы создадим земельные комитеты, то мы должны обеспечить их землей. Что такое земельный комитет без земли? Это, товарищи, все равно, что штаб без армии». (Рукоплескания.) ¹⁾

Такого рода выступления были «уже настоящим бунтом». Это было особенно опасно для эсеров, у которых тот же раскол по аграрному вопросу обнаружился и во фракции и на заседаниях по областям.

Заправлявшие съездом эсеры решились пойти на уступки и, начав с запрещения земельных сделок, нашли компромисс и для решения вопроса о передаче земли, придумали, как рассказывает В. Гуревич, «каучуковую формулу, которая примирила всех. Было решено передать всю землю, не только помещичью, но и крестьянскую, в ведение земельных комитетов и на их «учет». Изъятие из владения в виде общей меры не предлагалось. Имелся в виду лишь контроль хозяйства с устранением действий разорительных и обесценивающих, и регулирование земельных отношений» ²⁾.

«Каучуковая формула» вылилась в постановление по аграрному вопросу, принятое съездом 7 июня (25 мая), которое в сноске мы и приводим в качестве образца политического иезуитизма эсеров ³⁾.

¹⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 27, 1917 г.

²⁾ В. Гуревич, упом. статья, стр. 194.

³⁾ «Всероссийский совет крестьянских депутатов заявляет всему российскому крестьянству, что отныне не только окончательное решение земельного вопроса в Учредительном собрании, но и все дело подготовки этого решения в центре и на местах работами местных и главного земельных комитетов пере-

Следует добавить, что эта резолюция в последующем служила своего рода программой действий для крестьянских организаций на местах, и без уяснения значения тех полномочий, которыми по этой резолюции должны были быть снабжены земельные комитеты, многое из форм крестьянского движения летом 1917 года было бы непонятно.

Был еще один вопрос на съезде, который также волновал крестьян-делегатов, но в значительно меньшей степени, чем аграрный. Это вопрос о том, как организоваться крестьянству. Прежде всего следует отметить споры о взаимоотношениях между советами крестьянских депутатов и Всероссийским крестьянским союзом. Представитель последнего С. Мазуренко выступил на съезде с речью, в которой, взяв за основу доклад Кильчев-

ходит в руки самого трудового населения. Поэтому очередной и самой важной и самой ответственной задачей передовой части крестьянства является организация выборов в волостные и уездные земства и организация при них земельных комитетов с тем, чтобы в основу их работ по подготовке земельной реформы легли следующие начала: переход всех земель государственных, монастырских, церковных и частновладельческих в общенародное достояние, для уравнильно-трудового пользования, без всякого выкупа».

Далее, выражая уверенность в предстоящей отмене частной собственности на землю «всенародным Учредительным собранием», резолюция отмечает, что Всероссийский совет крестьянских депутатов «не менее непоколебимо убежден в том, что во всех земельных комитетах, от волостных до главного, трудовое крестьянство, пользуясь выборным началом, утвердит свою волю, требующую, чтобы вся подготовка земельной реформы производилась в направлении раскрепощения земли от уз частной собственности без всякого выкупа».

Всероссийский совет крестьянских депутатов надеется, что Временное правительство в деле «великого земельного переустройства» окажет «всемерное содействие свободному проявлению воли трудового народа».

До разрешения земельного вопроса в Учредительном собрании, Всероссийский совет крестьянских депутатов постановляет, исходя из «высшего интереса, общенародного и общегосударственного», что в ведении земельных комитетов должны находиться все земли, «все способные рабочие руки, как-то: вольные сельскохозяйственные дружины, артели военнопленных и т. п.»; все сельскохозяйственные машины и орудия должны быть реквизированы для всеобщего использования, «на общественных и кооперативных началах»; «под контроль земельных комитетов и других органов общественной власти» должны быть переданы всякого рода хозяйственные запасы. Земельным комитетам предоставляется также «установление арендных цен, порядок внесения арендных денег и определение оплаты сельскохозяйственного труда и т. п.».

ского, он доказывал, что советы крестьянских депутатов — организации временные, созданные для поддержки Временного правительства а у крестьянства,

«помимо задач временных, есть длительные задачи, задачи организованной, планомерной борьбы за свою волю, за свои права и за завоевание себе земли. Для осуществления этих задач трудовому крестьянству необходимо объединиться, необходимо выявить свою общую волю; организовать и выработать тот планомерный путь, по которому должны идти крестьянские депутаты как в Учредительное собрание, так и в будущие государственные думы... Но для того, чтобы выявить эту волю народа и создать могучую народную силу, необходимо прежде всего помочь распыленному крестьянству объединиться в прочный союз, превратиться из цыли в твердый гранит... Усматривая в советах крестьянских депутатов организацию главным образом

«Всякая стеснительная опека губернских и уездных комиссаров, равно как и односторонний подбор их личного состава из помещичьего класса должны быть устранены».

«В интересах сохранения неприкосновенности земельного запаса, которым можно располагать для будущей аграрной реформы, необходимо строгое и неуклонное, под контролем земельных комитетов, проведение в жизнь запрета купли, продажи, дарения, перехода по завещанию и залога земли до Учредительного собрания. Все же сделки, совершенные после 1 [14] марта и до издания запрета, должны считаться действительными».

Всероссийский совет крестьянских депутатов полагает, что только при этих условиях осуществимо безболезненное приготовление и осуществление земельной реформы, без явных и захватных действий, способных затруднить и осложнить междоусобиями и неправомерными поступками дело реформы.

Всероссийский совет крестьянских депутатов полагает, что только при этих условиях возможно создание нового земельного строя, достойного новой, свободной России, такого земельного строя, который объединит в одну братскую семью, под одной государственной кровлей тружеников земли без различия народностей, религии и положения — великоросса и украинца, крестьянина и мусульманина, крестьянина и казака, жителя коренной России и инородца, общинника и подворника, — из которых каждый ощутит на себе благодетельные последствия этой великой реформы, и благословит ее.

В этом сознании Всероссийский совет крестьянских депутатов приглашает все крестьянство к спокойному, но твердому и неуклонному проведению в жизнь в правовых формах тех заветных дум и чаяний трудового земледельца, которые издавна выражены в дорогом для каждого крестьянина лозунге: «земля и воля». («Известия Всерос. Совета Крест. Деп.», № 15, 1917 г.)

крестьянского представительства, а в Крестьянском союзе — организацию самого населения, — крестьянских масс во внепартийную широкую организацию, комитет не видит в дальнейшей работе по организации Крестьянского союза — и при наличии советов крестьянских депутатов никакого раздвоения крестьянства, и потому основная работа комитета по организации крестьянства на местах в союз должна продолжаться»¹⁾.

Докладчик В. А. Кильчевский по этому вопросу решительно возражал С. П. Мазуренко, заявляя:

«Если мы хотим, чтобы крестьянство было действительной силой, прежде всего нужно, чтобы оно не раскалывалось. Крестьянский союз желает создать новую партию (курсив мой. А. Ш.) и думает, что крестьянство не может разобраться в своих интересах. Так было 10 лет тому назад, тогда не было еще у народа силы, тогда под флагом Крестьянского союза работали другие партии. Теперь мы можем выступать открыто и такой непартийной организацией, массовой является совет крестьянских депутатов»²⁾.

По организационному вопросу съезд присоединился к взглядам Кильчевского и высказался за преобразование организаций Крестьянского союза в советы крестьянских депутатов.

Второе расхождение между эсерами и левыми на съезде по организационному вопросу касалось взаимоотношений советов крестьянских депутатов с советами рабочих и солдатских депутатов. Это был большой чрезвычайно важный политический вопрос. Эсеры взяли резкую линию на изоляцию крестьянства от влияния пролетариата. Они агитировали на съезде, что образование общих советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с сохранением лишь автономных секций, ослабит значение крестьянства и подчинит его влиянию пролетариата, и что поэтому съезду необходимо создать свой крестьянский центральный постоянно действующий исполнительный орган — Всероссийский исполнительный комитет советов крестьянских депутатов. Эсеры снова сыграли здесь в «темную», и их проект был в принципе одобрен и вскоре осуществлен путем выбора на съезде «основного ядра» Исполкома. Фракция эсеров выдвинула в это ядро перед съездом свой список в 30 человек, главным образом,

¹⁾ «Голос Крестьянского союза», № 7, 1917 г.

²⁾ «Известия Всероссий. совета крест. деп.», № 8, 1917 г.

представителей право-эсеровских течений. Крестьянский союз и меньшевики (последние выступили от имени своей фракции) предложили дополнить список 10 кандидатами: по 3 от этих двух фракций съезда и 4 от важнейших областей, представленных на съезде.

В связи с этими выборами Исполкома фракцией большевиков и социал-демократов — объединенных интернационалистов был подан протест следующего содержания:

«В президиум Всероссийского крестьянского совета от фракций социал-демократов большевиков и социал-демократов объединенных интернационалистов заявление: РСДРП являлась и является истинной защитницей интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства, в то время как ответственные руководители настоящего съезда стремятся выставить ее представителей в самом неблагоприятном освещении. Они доходят до непозволительной для революционного социалиста травли. Это выразилось между прочим: 1) в бестактных выступлениях ответственных руководителей съезда по адресу социал-демократов (речь с.-р. Бунакова), при чем от фракции в порядке прений высказывался один только оратор фракции, и президиум не дал слова от фракции по личному вопросу для опровержения лжи; 2) в стремлении не дать исчерпывающим образом развить свои взгляды левым течениям социалистической мысли (фракция предлагала докладчика по аграрному вопросу, но президиум в особом докладчике отказал и разрешил выступить только в порядке прений, а при таком порядке не полагается последнего слова оратору, между тем от народнических течений дано слово пяти докладчикам); 3) в составлении списков членов будущего Исполнительного комитета, утвержденного президиумом, и представителем областей, в котором отведены места трудовикам и народным социалистам, признающим выкуп на землю, и не дано ни одного места революционным социал-демократам.

Обе фракции, большевики и объединенные социал-демократы, не могут считать такой состав выразителем интересов революционного крестьянства и слагают с себя всякую ответственность за направление его будущей политики. Они не считают возможным выставлять своих кандидатов в Исполнительный комитет (после ряда недобросовестных притеснений социал-демократической фракции) и в выборах участия принимать не будут.

Председатель крестьянской социал-демократической фракции Г. Разживин. Председатель крестьянской фракции и объединенных социал-демократов Михайлов» ¹⁾.

¹⁾ «Правда», № 62, 1917 г.

Заявление фракции большевиков напоминало поведение представителей большевиков на съезде Крестьянского союза в Москве в ноябре 1905 года.

При выборах Исполнительного комитета огромное большинство голосов получили кандидаты фракции социалистов-революционеров, в том числе несколько видных народных социалистов и беспартийных. Вот интересный список 30 избранных «крестьян»: В. М. Чернов — 810, Е. К. Брешко-Брешковская — 809, А. Ф. Керенский — 804, Н. Д. Авксентьев — 799, И. И. Бунаков — 790, И. А. Рубанович — 778, В. Н. Фигнер — 776, П. В. Вихляев — 770, Н. Н. Соколов — 769, Н. Я. Быховский — 759, Н. Д. Кондратьев — 758, С. С. Маслов — 745, М. В. Вишняк — 736, С. Л. Маслов — 730, В. А. Кильчевский — 729, В. К. Вольский — 726, Г. Покровский — 718, В. Я. Гуревич — 710, Н. В. Чайковский — 708, Г. А. Мартюшин — 706, А. Р. Гоц — 693, И. Е. Пьяных — 688, М. Е. Березин — 682, Н. П. Огановский — 676, В. И. Дзюбинский — 675, В. А. Мякотин — В. М. Никитин — 622, П. А. Сорокин — 527, А. Е. Тесля — 497, И. П. Пасечный — 423. По списку неизбранных кандидатов можно судить, как о составе «оппозиции» на съезде, так и о ее количественном выражении. Поэтому приведем наиболее характерные цифры голосов, поданных за этих неизбранных кандидатов: П. А. Крапоткин — 305, П. П. Маслов — 198, М. А. Натансон — 296, Винниченко — 165, Левицкий — 164, С. П. Мазуренко — 65, Н. А. Рожков — 47, Ф. Кельшиш — 62, Лосицкий — 45, Бредис — 33, А. В. Пешехонов — 21, Г. К. Ульянов — 20, Р. В. Иванов-Разумник — 29, Н. Ленин — 20, М. Скобелев — 15, Г. В. Плеханов — 14, А. А. Шрейдер — 12, Б. Камков — 10, М. Спиридонова — 7, Церетели — 6, Аргунов — 7, М. Горький — 8 и др. ¹⁾

До закрытия съезда сконструировался и самый Исполком: председатель — Авксентьев, товарищи председателя — Бунаков-Фундаминский, Мартюшин, Покровский и др. Кроме президиума было избрано и бюро Исполкома, которое явилось его руководящим органом. В бюро вошли те же лица, которые руководили работой съезда.

После того, как были завоеваны все позиции организационного порядка и приняты резолюции в нужном для эсеров духе,

¹⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 11, 1917 г.

можно было позволить себе роскошь покрыть грязью кронштадтских моряков. В день последнего заседания с'езда с докладом на пленуме о положении в Кронштадте выступили министры-социалисты И. Г. Церетели, А. В. Пешехонов и «ветеран революции» Н. В. Чайковский. Троцкому, выступавшему от имени фракции социал-демократов большевиков, все время мешали говорить. Зато заключительное слово И. Г. Церетели было покрыто бурными и оглушительными овациями. С'езд принял резолюцию в которой отметил, что

«считает деятельность руководителей Кронштадта в высшей степени вредной и опасной для революции России. Всякое сепаратное обособленное выступление, в роде кронштадтского, отказ от повиновения Временному правительству, стремление отмежевать себя от общей российской революционной демократии и армии, вносит раскол в их ряды, отделяет момент торжества демократических идеалов и подрывает мировое значение русской революции, стремящейся объединить трудовой народ всего мира и напрягающей все свои усилия к миру всего мира. Всероссийский совет крестьянских депутатов доводит до сведения кронштадцев, что трудовое крестьянство откажет им в продуктах потребления, если они немедленно не соединят свои революционные силы с общими силами демократии и не признают Временное правительство, в состав которого демократия послала своих лучших представителей, поддерживает его и тем самым дает ему всю полноту власти. Вместе с тем Всероссийский совет крестьянских депутатов предлагает Временному правительству потребовать от кронштадтцев повиновения и принять самые решительные меры к уничтожению их сепаратного стремления и торжественно обещает ему всемерную поддержку в этом всего трудового крестьянства»¹⁾.

Итак, I Всероссийский с'езд крестьянских депутатов закончился торжественным обещанием от имени трудового крестьянства всемерной поддержки Временному правительству буржуазии против бунтующих матросов. Для партий эсеров и меньшевиков это была большая победа, но это для них была Пиррова победа. Эсеры вышли со с'езда формально более окрепшими, так как в их руках оказалась огромная организация, опирающаяся на крестьянские массы. Эсеры имели теперь полную возможность ссылаться на принятые с'ездом резолюции, как на изъятие воли всего русского крестьянства, могли говорить

¹⁾ «Известия Всеросс. Совета Крест. Деп.», № 18, 1917 г.

и действовать от его имени. Но укрепило ли это эсеров в действительности? Не сыграла ли история злую шутку над партией «революционной демократии»? Не оказались ли созданные эсерами советы крестьянских депутатов на местах силой, которая вышла из повиновения тех, кто ее вызвал? С эсеровскими советами крестьянских депутатов произошло то же самое, что и с советами рабочих и солдатских депутатов. Но это обнаружилось лишь позднее. Пока же внешне все обстояло благополучно. И только отдельные штрихи указывали на то, что начало процесса «большевизации» организованного крестьянства можно датировать именно с этого первого съезда, хотя эсеры уходили с него в качестве победителей.

Об этих-то и иных «отражениях» съезда красноречиво говорит один документ того времени: это — впечатления крестьянина А. Кучкина, делегата и члена большевистской фракции съезда. 12 июня (30 мая), т.-е. на другой день после закрытия съезда, он писал в «Правду»:

«Когда я ехал на Всероссийский съезд крестьянских депутатов, то я думал: вот где съедутся лучшие сыны многомиллионного крестьянства, вот где выявит оно свое революционное лицо... Сердце прыгало от радости... Что же я встретил в действительности? Крик, брань, зажимание по способу Пуришкевичей и Марковых рта, отсутствие элементарных правил поведения и... контр-революцию. Голос искреннего социал-демократа звучал редко, особенно пахаря, только что приехавшего от сохи. А если этот голос и звучал, так он замазывался фразерством «генералов». Особенное гонение, прямо-таки издевательство со стороны огромного большинства приходилось терпеть фракции социал-демократов большевиков. Стоит только большевику появиться на трибуне, как раздаются беспардонные выкрики: «Долой!». Слышится сзади и спереди змеиное шипение: «Изменники!», «Провокаторы!», «Продажные шкуры!», «Слуги Вильгельма!» и т. д.... И чего, чего только не приходилось слышать большевикам, этим представителям сотен тысяч крестьян! Во время перерыва заседаний тут и там слышишь все те же оскорбления, ту же грязь, какую не прочтешь даже в буржуазных газетах. И это слышишь от «лучших» сынов, называющих себя социалистами-революционерами. Нас, большевиков, одни предлагают расстрелять всех до одного, другие — пересажать в тюрьму, третьи — выслать всех из пределов России. Травля и травля, которой явно способствовали «генералы» в совете.

И рвешься из зала заседаний совета на улицы Петрограда, где развеваются знамена на автомобилях с надписью «Вся власть

рабочим и солдатским депутатам», где на каждом шагу летучие митинги, на которых большевики — товарищи солдаты и рабочие — открывают глаза малосознательным на истинное положение вещей и призывают взять всю власть в руки рабочих, солдат и крестьян, дабы кончить войну, разруху и выйти победителями революции».

Далее А. Кучкин рассказывает о том, как красивыми фразами, беспринципной игрой ораторского искусства создавалось известное настроение на съезде, как загнипнотизированному большинству подсовывалась та или иная резолюция, выработанная заранее в президиуме. Автор горько жалуется на то, что ряду крестьян не дали высказаться по земельному вопросу, резолюцию о кронштадтцах провели без должного обсуждения и т. п.

«Тяжелый камень остался на душе, — заканчивает он, — по закрытии сессии совета. Не мог его снять оркестр музыки, приглашенный на игру перед закрытием. Ведь то, что я слышал в совете, особенно в кулуарах, это — контр-революция. Люди просто не видят, что за их спинами она движется и может снести их с дороги. Люди ошибаются, думая, что они делают революцию, тогда как становятся невольными могильщиками ее.

Говорят, что мы, большевики, хотим революцию погубить, что наши шаги контр-революционны, что-де революционная демократия это... министры-социалисты и их последователи.

Товарищи солдаты, рабочие и крестьяне! Так ли это? Неужели вы поверите этому? Вы, пославшие своих делегатов за землей и волей, вы, которые будете слушать от своих делегатов проклятия большевикам, — неужели вы поверите им на слово, не проверив их, не вдумавшись, не вчитавшись в большевистскую литературу и не разобравшись сами в ней? Просмотрите внимательно резолюции и отчеты советов в «Известиях Сов. Раб. Деп.», просмотрите газеты «Правда» и «Солдатская Правда». Кто — контр-революционеры, большевики или меньшевики, социалисты-революционеры, трудовики и кадеты (кадетики тоже пролезли в совет)? Посмотрите речь т. Ленина по земельному вопросу, заставившую эсеров на 75% сделаться большевиками; сравните ее с речами «революционных демократов» и ваше здоровое чутье скажет вам, где истина. Еще рельефнее станут перед вами контр-революционеры, если вы прочтете в № 50 «Единства» статью Плеханова, этого вновь испеченного кадета, с которым рука об руку идут трудовики и социалисты-революционеры.

Нет, я верю в народ. Там на местах среди товарищей рабочих, солдат и крестьян не контр-революция, а развивается настоящая революция, которую нужно направить по определенному руслу.

Я верю, что все эти социал-патриоты получают по заслугам от революционного пролетариата и крестьянства России».

Настоящая революция действительно творилась рабочими массами, солдатами и крестьянами совсем не в том направлении, в каком думали ее повести представители мелкобуржуазных партий, попавшие в плен буржуазии и проводившие по существу ее политику.

Правые резолюции съезда о власти, войне и земле отражали лишь те буржуазные течения, которые имелись в деревне еще до майского съезда, которые по существу были кулацкой линией придурения революции, остановки революции на стадии ее буржуазного развития. Уже из того факта, как подбирались делегаты на съезд, по роли в его организации кулацкой кооперации — можно было судить об особом кулацком подборе этого первого крестьянского съезда. Об этом же свидетельствовал состав организационного бюро и вся та политика народнических партий на съезде, о которой говорилось выше.

И все же на этом кулацком съезде, выбравшем кулацкий Исполком, не раз звучали ноты яркого протеста со стороны трудового крестьянства против политики руководителей съезда, против их замазывания рта инакомыслящим, против политики изоляции крестьянства от пролетариата, против оттяжки решения земельного вопроса и т. д. Если крестьянство в массе, все еще боясь развертывания классовой борьбы в городе и деревне, высказывалось за соглашение с буржуазией в центрах, то только потому, что крестьянская масса была убеждена, что у себя на месте она останется полноправным хозяином своей судьбы. На местах ведь уже происходил организованный захват помещичьей земли, а крестьянство на съезде приняло «каучуковую» резолюцию, которая должна была помешать им в этом. И принимая эту резолюцию, представители подлинного трудового крестьянства вовсе не отказались от мысли немедленного «поравнения» помещичьей земли. Никакой съезд не мог затушевывать это противоречие, приостановить развертывание революции в интересах широких масс, не мог спасти политику и самую партию эсеров и всех близких к ней от гибели.

Что получило крестьянство от съезда, это — создание сети низовых крестьянских советов, развернутую организацию в масштабе всей страны, вовлечение огромной массы крестьянства.

в организованную политическую борьбу, непосредственное ознакомление с ходом революции в Петрограде, с ее вождями, с массовыми организациями пролетариата.

VI.

На съезде советов крестьянских депутатов В. И. Ленин говорил: «Помещики поняли, что больше господствовать палкой нельзя, это они хорошо поняли, и они переходят к тому способу господства, который для России новинка, а в Западной Европе, в западно-европейских странах, существует давно. Что господствовать палкой больше нельзя, у нас это показали две революции, а в западно-европейских странах это показали десятки революций. Эти революции обучают помещиков и капиталистов, они обучают их, что народом надо править обманом, лестью, надо приспособиться, прицепить к пиджакам красный значок и — хотя бы это были мироеды — говорить: «Мы — революционная демократия; пожалуйста, только подождите, и мы все для вас сделаем». (Аплодисменты.)¹⁾

Эти аплодисменты били не в бровь, а в глаз кулацким вождям съезда — эсерам.

Какая разница была между этой «революционной демократией» и заседавшими одновременно со съездом в думском кабинете Родзянко помещиками, членами IV Государственной думы? На этом совещании по докладу октябриста Шидловского была принята резолюция, в которой указывалось, что земельная реформа должна быть проведена только Учредительным собранием.

«Всеякие попытки, — говорилось в резолюции, — присвоить себе в этом вопросе права в Учредительном собрании со стороны какого бы то ни было учреждения вызовут в стране смуту. Всеякие попытки разрешить земельную реформу захватным путем, самовольно или насильственно, ведут к бесконечным спорам, несогласиям и даже к междоусобным стычкам. Последствием такой неурядицы будет значительный недобор урожая и даже голод. В переживаемое трудное время, когда спокойная работа в сельскохозяйственной области насущно необходима для обеспечения как нужд армии, так и населения пищевыми продуктами, Государ-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIV ч. 1-я, стр. 166.

ственная дума призывает всех сельских обывателей воздержаться впредь до решения Учредительного собрания от каких бы то ни было насильственных действий»¹⁾).

Таким образом совершенно ясно, что каучуковые постановления I съезда по основному вопросу о земле по существу шли не дальше того, чего хотели помещики, а в дальнейшем «революционной демократии» ничего не оставалось делать, как готовиться к усмирению крестьянского движения карательными экспедициями, и кое-где таковые уже начинали действовать. От помещичьих организаций на местах одна за другой летели в Петроград телеграммы о начавшемся после крестьянского съезда «хаосе» в деревне.

Временное правительство было засыпано разного рода заявлениями с мест от своих губернских комитетов, отдельных организаций помещиков и кулаков и пр., высказывавшихся решительно против «самочинных» постановлений местных комитетов, предлагавших вносить арендные деньги в земельные комитеты²⁾, против установления самовольного принудительного обложения волостными комитетами всех жителей района, в том числе и помещиков, и о разного рода других нарушениях прав священной собственности господ землевладельцев.

Аграрная революция в деревне разворачивалась по своим имманентным законам, приостановить ее был бессилён и избранный на съезде кулацкий Исполком крестьянских депутатов во главе с Авксентьевым, ставшим после июльских дней министром внутренних дел. Из деятельности Исполкома за весь период его существования вплоть до Октябрьского восстания можно отметить только то, что он превратился в рядовое бюрократическое учреждение Временного правительства, посылавшее своих представителей в различные комиссии и комитеты, весьма бесцветно выступавшее на различных съездах и совещаниях и т. п.

Когда на заседаниях Исполкома поднимался вопрос о созыве II съезда, то все чаще и чаще стали раздаваться голоса, что созывать такой съезд не совсем целесообразно в виду возможности потери на нем влияния партии эсеров. Крестьянство политически

¹⁾ «Правда», № 67, 1917 г.

²⁾ «Вестник Временного Правительства», № 82, 1917 г.

дифференцировалось, и основная его масса все более революционизировалась и прислушивалась к большевистским речам.

Задача партии пролетариата в этом процессе сводилась все к той же задаче, которую выдвинул В. И. Ленин в первое время после Февральской революции, — настойчиво раз'яснять широким массам задачи революции, шире организовывать массы против буржуазии, настойчиво и упорно раз'яснять им сущность политики соглашательских партий меньшевиков и эсеров. В этом направлении особенно большую и чрезвычайно важную работу проделали большевики на первом крестьянском съезде, и первым из таких работников был В. И. Ленин. Он настойчиво и упорно в статьях, в устных и письменных обращениях к крестьянам-делегатам звал их к сплочению, к организации сил, разоблачал обман крестьянства эсерами и меньшевиками. Эта политика дала свои результаты и подвела широкие массы рабочих и крестьян к дружному выступлению в октябрьские дни и в последующие месяцы — к полному слиянию советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в одну мощную организацию, которая выдержала тягчайшие затруднения в годы гражданской войны, и вышла из этой войны победительницей и в настоящее время под руководством коммунистической партии ведет эти массы по пути строительства, по пути развертывания социалистической революции.

А. Шестаков.

К истории „полицейского социализма“.

События 22 (9) января поставили перед самодержавием вопрос о рабочем движении с чрезвычайной остротой. Начало революции пошло от пролетариата — и это не могло не взбудоражить самодержавия и не повернуть его внимания к «рабочему вопросу».

Ответом на 22 (9) января принято считать назначение комиссии Шидловского. Это не совсем так. Логика самодержавия отчетливо раскрывается в другом акте, который с большим правом можно назвать ответом на январские события. Речь идет о назначении 24 (11) января Д. Ф. Трепова петербургским генерал-губернатором, должность которого была давно упразднена. Это назначение имело несомненно большое политическое значение. Это было — назначение военного диктатора. Так расценивала этот факт иностранная пресса. Ряд влиятельных иностранных органов сошелся на том, что Трепов не сумеет улучшить положения, что оно изменится в благоприятную сторону, если во главе будет стоять лицо, пользующееся всеобщим «доверием». Этим доверием не может пользоваться Трепов, как ставленник реакционных и военных кругов.

Официальное Петербургское телеграфное агентство поспешило разослать в иностранные газеты сообщение, что на петербургские официальные и биржевые сферы назначение Трепова генерал-губернатором произвело иное впечатление, чем за границей. «Оно выражалось в том, что цены на бирже сильно окрепли. Введение генерал-губернаторства рассматривается в Петербурге как мера временная, принятая в зависимости от чрезвычайных событий. Последние события указали, что полиция не была в состоянии предотвратить рабочее движение или руководить им, ибо рабочие пошли по пути политических требований. При таких условиях только лицо, имеющее чрезвычайные полномочия, может восстановить спокойствие, каковое является первым и необходимым

условием для введения реформ. Несправедливо полагать, что введение генерал-губернаторства является указанием на изменение правительственной деятельности в сторону реакции. То обстоятельство, что генерал-губернатор начал свою деятельность совместно с министром финансов и начал ее с обращения к рабочим с заявлением о ряде реформ в социальной области, указывает, что генерал-губернатор назначен не для репрессивных мер, и что порядок имеется в виду восстановить не только этими мерами, но и удовлетворением требований населения»¹⁾.

Заметка телеграфного агентства указывает нам, с чего начал Трепов свою деятельность. Для него, естественно, на первый план всплыл рабочий вопрос. 31 (18) января в первом же докладе по этому поводу Николаю он пишет, что «последние забастовки на петербургских фабриках и заводах выдвигают на ближайшую очередь вопрос общегосударственной важности об урегулировании взаимных отношений фабрикантов и рабочих и об устройстве быта рабочего люда».

«Считая разрешение рабочего вопроса краеугольным камнем общественного спокойствия и государственного порядка», он предлагает образовать особую вневедомственную комиссию для выяснения причин недовольства рабочих и для изыскания мер к устранению в будущем проявлений массового беспорядка.

Председательствовать он предлагает возложить на лицо, пользующееся доверием, и таким лицом намечает действительного статского советника К. В. Рукавишникову²⁾, а членами комиссии должны быть представители всех заинтересованных в рабочем вопросе ведомств, при участии представителей со стороны фабрикантов и самих рабочих³⁾.

Работу комиссии Трепов предлагает вести параллельно с разработкой того же вопроса в министерстве финансов, что является, по его мнению, гарантией «всестороннего освещения рабочего вопроса».

Одновременно Трепов сообщает, что министерство финансов подготавливает проект следующих мероприятий по рабочему во-

¹⁾ Цитируем по «Праву», № 3 за 1905 год, стр. 178—179.

²⁾ Черновик доклада в деле № 9, архива дворцового коменданта за 1905 г., №№ 1 и 2.

³⁾ В дальнейших бумагах Трепов тщательно избегает слов «представители рабочих», а пишет «выборные от рабочих».

просу: об уменьшении продолжительности рабочего времени до 10 или 9 часов, а где имеются три смены рабочих — и до 8 часов в сутки; о порядке назначения сверхурочных работ для согласования этого порядка с правилами о сокращении рабочего времени; о развитии касс взаимопомощи, о больничной организации, внутренней организации рабочего класса, третейском суде и изменении закона о стачках.

Настоящее положение вещей изложено в собственном докладе Трепова Николаю от 9 февраля (27 января). Приводим его целиком.

«Случайно ставшая мне известной всеподданнейшая записка министра финансов от 19 января [1 февраля], излагающая соображения о постановлениях, определяющих взаимные отношения промышленников и рабочих, внесена во исполнение воли вашего императорского величества на уважение комитета министров, в котором и будет заслушана 28 сего января [10 февраля].

Записка эта в большей своей части дает пристрастную, несправедливую ¹⁾, одностороннюю и весьма резкую ¹⁾ критическую оценку деятельности органов министерства внутренних дел и самым жестоким образом дискредитирует всю ²⁾ деятельность покойного министра внутренних дел В. К. фон-Плеве, являющуюся, по моему глубокому убеждению, к упорядочению и нормированию рабочего вопроса и к правильному направлению деятельности органов, ведающих это дело.

Заключительная же часть записки дает настолько туманные и неопределенные указания о предположенных в отдаленном будущем законодательных работах, что я почитаю своим священным долгом доложить вашему императорскому величеству, что опубликование этой записки не только не внесет успокоения в рабочую среду, но, напротив, даст основательный повод к агитации и возбуждению народных масс.

В силу вышеизложенных соображений повергаю перед вашим императорским величеством мое ходатайство: 1) о воспреещении публиковать или иными путями оглашать записку министра финансов и 2) о назначении в ближайший срок вневедомственной комиссии, возложив на нее исследование причин недовольства рабочих и изыскание мер к устранению таковых в будущем.

¹⁾ Зачеркнуто.

²⁾ Зачеркнуто со слов «и самым жестоким...» и сверху надписано: «осуждает».

В целях достижения скорейшего и успешнейшего результата работ этой комиссии и для обеспечения общего к ней доверия, председательствование в ней надлежало бы возложить на компетентное и независимое по своему положению лицо, а состав членов комиссии образовать из представителей всех заинтересованных в рабочем вопросе ведомств, при участии представителей со стороны фабрикантов и самих рабочих; кроме того, председателю комиссии должно быть предоставлено право приглашать к обсуждению подлежащих вопросов всех лиц, могущих быть полезными в этом деле.

В виду многочисленности и разнородности предполагаемого состава комиссии существенным условием правильной ее организации и успешного выполнения намеченной программы является распределение ее членов по отдельным группам фабрично-заводских производств. Этим путем все условия рабочего труда, во всех его видах, будут наилучше обследованы и дадут твердую почву для проектируемых мероприятий.

План Трепова вырисовывается в следующем виде: необходимо все дело поручить независимой от министерства финансов комиссии, все предположения и всю позицию министерства финансов провалить нажимом на Николая, а «вневедомственная» комиссия должна будет целиком опереться в своей работе на генерал-губернатора и на полицейское ведомство. Все это давало возможность воздействовать на рабочих «зубатовскими» методами. Эта вневедомственная комиссия, противопоставленная министерству финансов, с привлечением рабочих, несомненно, затевалась как новый опыт административно-полицейского руководства рабочим движением.

Трепову этот прием и этот опыт были достаточно знакомы. Его деятельность в роли московского обер-полицеймейстера охватила и борьбу с рабочим движением специфическими методами, до того неизведанными. Он и был одним из вдохновителей Зубатова и зубатовщины.

Зубатовщину не надо рассматривать как эпизодическое явление. Она меняла свои формы, но основное здесь то, что сама природа самодержавия неизбежно толкала от случая к случаю на эксперименты с рабочим движением. Зубатовщина и гапоновщина, прошедшие через горнило революции 1905 года, превратились затем, в годы реакции, в попытку создания черносотенных

рабочих организаций, вербуя их состав преимущественно из низшего, полутехнического и полуправительственного персонала.

Методы полицейского социализма, охранного воздействия на рабочих все больше становились неотъемлемой частью политики самодержавия. И, конечно, Трепов больше других мог считать себя компетентным в этом вопросе. Принято думать, что самодержавие сразу же после 22 (9) января отшатнулось от зубатовщины. Это неверно. Наоборот, мы имеем дело с попыткой, точнее — попытками, прощупать обстановку и наметить новые формы воздействия на рабочий класс.

Не рассчитывая на рост революции, Трепов мог предполагать, что при благоприятных условиях ему обеспечен успех нового зубатовского предприятия иного типа.

Первой такой попыткой была организация «представительства» рабочих в виде депутации к Николаю. Почин в этом деле принадлежал Трепову: он через органы полиции подобрал делегацию. 1 февраля (19 января) делегацию представили Николаю II, который прочитал речь, заранее составленную Треповым.

Следующим этапом, повидимому, должна была стать вневедомственная комиссия с участием рабочих. Комиссия послужила бы пробным камнем для экспериментов в более широком масштабе. Ясно, что инициативу в этом вопросе Трепов не хотел упустить из своих рук. Между тем министерство финансов вместе с большей частью буржуазии стало на позицию резкой критики практики полицейского социализма и чрезвычайно настойчиво требовало передачи «рабочего вопроса» в свое ведение.

Позиция министерства финансов получила свое выражение в докладной записке от 1 февраля (19 января)¹⁾. Об отношении к этой записке Трепова мы узнаем не только по приведенному нами докладу Николаю, но и по пометкам, сохранившимся на экземпляре докладной записки, принадлежавшем Трепову.

Эта записка, составленная не без участия самого Коковцева, им подписанная, в сопоставлении с заметками Трепова чрезвычайно интересна. Это — откровенная «дискуссия», дающая возможность развернуть картину того, как оформлялась политика самодержавия по рабочему вопросу, и в каком именно направлении.

¹⁾ «Рабочий вопрос в комиссии Коковцева», изд. «Вопросы Труда», сборник, составл. П. А. Романовым, документ № 1.

Предварительно одно замечание. Повидимому, «зубатовские» методы Трепова не вызвали сомнений и в среде очень чуткой к этому вопросу технической интеллигенции, близко стоявшей к промышленности.

5 февраля (23 января) 1905 года Витте была подана записка за подписью около 200 инженеров о современном положении промышленности. В этой записке между прочим говорилось:

«Принятие исключительных мер, изъятие из гласного обсуждения причин и последствий переживаемых промышленностью событий и одновременно с этим заявленное г. с.-петербургским генерал-губернатором намерение возобновить в еще более широком масштабе попытку организовать рабочих при посредстве администрации — не только не дадут стране необходимого успокоения, а, наоборот, внесут в ее промышленную и гражданскую жизнь еще более острые осложнения».

По этому поводу Трепов обратился с письмом к Витте, в котором сообщал, что никому не делал заявлений о намерении возобновить попытку организовать рабочих при посредстве администрации. Любопытно, что протест свой Трепов облекает в крайне уклончивую форму и адресует его Витте, вместо того, чтобы оповестить об этом более широкую аудиторию. Надо полагать, что Трепов хотел письмом к Витте скрыть свои настоящие намерения. Конкретные мероприятия по рабочему вопросу должны были проходить через комитет министров, где председательствовал Витте, и последний, наверняка, забил бы тревогу против деятельности Трепова и целиком поддержал бы министерство финансов. Тот самый доклад, о котором мы говорили выше, обозревая деятельность министерства финансов по рабочему вопросу в прошлом, противопоставляет ее деятельности полицейского ведомства. А речь шла о том периоде, когда министром финансов был Витте.

Докладная записка отмечает одну принципиальную линию в рабочем вопросе, идущую с 1882 года, с закона о труде малолетних, и проводимую министерством финансов, и другую — полицейского ведомства, проводившего с 1898 года свою политику¹⁾.

Вот что мы читаем в докладной записке Коковцева:

¹⁾ Записка эта была дважды напечатана: «Рабочий вопрос в комиссии Коковцева» и «Красный Архив», т. XI—XII, стр. 10—23.

«В 1898 году в Москве обнаружилось постепенное стремление административной власти усилить воздействие полиции в сфере разрешения вопросов, возникающих из взаимных отношений фабрикантов и рабочих. Исходя из того соображения, что революционные деятели за последнее время сосредоточили свое внимание на фабрично-заводской среде, и что, раз агитатор ведет свои происки, эксплуатируя недочеты в деятельности фабричной администрации, то, в интересах неотступного и безустанного создания преград его проискам, необходимо устранять поводы к неудовольствиям рабочих, — московская полиция, вопреки точного смысла закона, по которому посредником между фабрикантом и рабочим является фабричный инспектор, приняла на себя обязанность исследования всех недоразумений, естественно возникающих между нанимателем и нанимаемым, и изыскание мер к удовлетворению требований рабочих, не всегда в должном соответствии со степенью их законности».

Этот абзац явно намекает на доклад Трепова в бытность его московским обер-полицеймейстером великому князю Сергею Александровичу (московскому генерал-губернатору) от апреля 1898 г., в котором изложены принципиальные «основы» зубатовщины. «Если мелкие нужды и требования рабочих эксплуатируются революционерами для таких глубоко антиправительственных целей, то не следует ли правительству как можно скорее вырвать это благодарное для революционеров оружие из их рук и взять исполнение всей задачи на себя»... (курсив наш. — И. Т.) И дальше: «Чем занят революционер, тем обязана интересоваться и полиция».

Министерство финансов тогда возражало против этих взглядов, ибо это усиливало якобы у рабочих «притязательность» и «домогательства». В практике своей административная власть в большинстве случаев отдавала предпочтение рабочим перед предпринимателями.

«Независимо от сего, — пишут авторы докладной записки, — по инициативе местной полицейской власти стали учреждаться особые организации рабочих с целью улучшения их быта и отвлечения рабочей массы от влияния на нее революционных учений. Первые такие организации были учреждены в Москве в 1901 году. Назначение этих организаций мотивировалось начальником Московского охранного

отделения на образованном им совещании фабрикантов 26 [ст. ст.] июля 1902 года следующими доводами». (Подчеркнуто Треповым.)

Дальше идет изложение речи Зубатова, говорившего на собрании фабрикантов с ведома Трепова о своих проектах успокоения рабочих. Так как эти фразы явно относились к Трепову, то он пытается оправдаться и пишет на полях: «Фабриканты явились провокаторами и затем учинили донос».

По поводу следующего абзаца, что «для предохранения рабочих от влияния на них революционеров необходимо расширение прав рабочих, но отнюдь не в законодательном порядке, как на том настаивает министерство финансов, а в административном», — Трепов пишет: «Министерство финансов без действовало». Этим он хочет сказать, что вынудило московское охранное отделение пойти на организацию «комитетов». Излагая далее, авторы докладной записки сообщают, что расширение прав фабрично-заводских рабочих должно было состоять в организации выборных комитетов, объединяющих данное предприятие. «Эти комитеты имеют намечать желательные для рабочих изменения в расценках, таксах, распределении рабочего времени и вообще в правилах внутреннего распорядка». (Подчеркнуто Треповым.)

«Московское охранное отделение, — читаем мы дальше в докладной записке, — учредило два «совета» — рабочих механического производства и ткачей. Из утвержденной местной властью инструкции для «советов» усматривается, что целью их между прочим служит «обсуждение материальных нужд рабочих и мер, направленных к улучшению их экономического положения». (Подчеркнуто Треповым.)

Но, повидимому, больше всего министерство финансов возмущала практика этих советов, вмешивавшихся во все вопросы фабрично-заводской жизни. «Они занялись не только обсуждением нужд и интересов рабочих, но также приемом жалоб и разбирательством недоразумений между фабрикантами и рабочими, а засим приняли деятельное участие в организации стачек, имевших место в 1902 году на московских фабриках, при чем члены «советов» тем успешнее парализовали принимаемые фабрично-

инспекцией меры к успокоению волнений рабочих, что обыкновенно не только были снабжаемы письменными удостоверениями с приложением казенной печати от охранного отделения, но и являлись для разбора дел на фабрики в сопровождении полицейских чинов». (Подчеркнуто Треповым.)

Докладная записка рассказывает о деятельности других зубатовских организаций: указывается работа Мани Вильбушевич в Минске и Шаевича в Одессе. И, наконец, «в феврале минувшего года по министерству внутренних дел без сношения с министерством финансов был утвержден устав «Собрания фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга».

Авторы докладной записки намечают стройную картину: с одной стороны, министерство финансов при помощи фабричной инспекции пытается урегулировать взаимоотношения труда и капитала, с другой — полицейское ведомство систематически приводит своей деятельностью к забастовкам.

К докладной записке приложен полицейский отчет о стачке в Одессе, вызванной зубатовской организацией, из которого «усматривается полное тождество причин и состава с.-петербургской забастовки (т.-е. 22 (9) января. — *И. Т.*) с забастовкой, имевшей место в Одессе в 1903 году, с тем лишь различием, что в одном случае организатором всего дела являлся еврей Шаевич, а в другом — священник Гапон».

Совершенно недвусмысленно министерство финансов события 22 (9) января ставит в прямую зависимость от гапоновщины, как системы административно-полицейского руководства рабочим движением.

Вывод ясен. Нельзя полицейскому ведомству вмешиваться в тонкое дело взаимоотношений между рабочими и капиталистами. Зубатовщина и гапоновщина приводят только к стачкам и «прискорбным событиям» в роде 22 (9) января.

Министерство финансов претендует, чтобы рабочий вопрос был в его ведении, поскольку оно отвечает за состояние народного хозяйства.

Главным органом министерства, проводившим работу в этом направлении, была фабричная инспекция. Между тем министерство внутренних дел неоднократно уже пыталось подчинить фабричную инспекцию себе и тем самым вырвать у министерства финансов всякую почву для притязаний «ведать» рабочим вопро-

сом. Еще в начале 1887 года, через несколько месяцев после введения закона 16 (3) июня 1886 года, министр внутренних дел граф Толстой требовал передачи фабричной инспекции из министерства финансов в свое ведомство. Вопрос поднимался неоднократно и разрешался наполовину. Наконец, 11 июня (30 мая) 1903 года инспекция была подчинена губернаторам, как высшим в губерниях представителям власти.

По поводу жалоб докладной записки на дергание фабричной инспекции Трепов пишет: «Чины фабричной инспекции уклонялись даже от исполнения таких обязанностей, как совместные с чинами полиции осмотры фабрик в санитарном отношении, которые были предприняты в ожидании появления чумы, в таких же отказах для осмотра фабрик на предмет их открытия и т. д.».

Министерство финансов твердо настаивает на том, чтобы были устранены все колебания в рабочем вопросе и на финансовое ведомство была возложена целиком и полностью задача урегулировать взаимоотношения между рабочими и предпринимателями. За министерством финансов должна быть сохранена и фабричная инспекция. Только таким путем мыслимо достичь «общественного порядка» и установить нормальные отношения на предприятиях. Между тем существующие беспорядки в значительной степени вызваны отношением полиции.

Так, например, забастовки вызвали со стороны полиции крайне решительные действия вплоть до употребления войск и расстрела.

«В сущности, — читаем мы в другом документе, составленном на основе цитируемой записки, — всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насилием над имуществом или личностью) есть явление чисто экономическое и при известных условиях отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию» ¹⁾.

Министерство финансов считает, что если бы «к фактам прекращения работ» на фабриках и заводах было проявлено более спокойное отношение, то представилась бы возможность выяснить точно причины забастовок, принять меры к их предотвращению и взаимному соглашению. По этому поводу Трепов пишет: «В 1902 г. деятельность министерства финансов

¹⁾ Из представления министра финансов комитету министров от 21 января [3 февраля] 1905 г.

в этом вопросе была как раз обратна изложенному здесь».

Министерство финансов считает, что избежать таких событий, как 22 (9) января, возможно при условии «выполне искреннего отношения к интересам рабочего класса». Эта фраза несомненно имеет в виду зубатовские методы, ибо министерство внутренних дел центр тяжести вопроса видело в организации рабочих, а министерство финансов — в ряде мер, так или иначе улучшающих быт рабочих, как это, мол, делают западно-европейские государства.

Министерство финансов выдвигает свои практические предложения. Мы на них ниже остановимся, предварительно осветив один побочный вопрос.

Приводя записку 1 февраля (19 января), редакция сборника «Рабочий вопрос в комиссии Коковцева» указывает на существование особого «представления», адресованного комитету министров. Это представление редакция считает «утерянным» и оговаривается, что, повидимому, содержание его выдержано в плане записки от 1 февраля (19 января). Представление это в бумагах Трепова имеется, датировано оно 3 февраля (21 января) и действительно содержит основные положения записки 1 февраля (19 января). В представлении приведены практические предложения и к ним же существуют пометки Трепова.

В этом представлении министерство финансов ставит два принципиальных вопроса, разрешить которые необходимо, прежде чем будут выдвинуты практические предложения. Во-первых, министерство финансов ставит вопрос: «Признается ли необходимым сосредоточить ведение вопросами о взаимных отношениях между фабрично-заводскими промышленниками и их рабочими, изыскание мер, которые должны быть принимаемы в дальнейшем, в установленном порядке, развитие фабрично-заводского законодательства, а также наблюдение за точным выполнением на местах постановлений о взаимных отношениях между предпринимателями и рабочими в министерстве финансов, с сохранением в сем же ведомстве и органов надзора (фабричной инспекции)?».

На этом представлении рукою Трепова отмечено: «Нет, оставить вопрос открытым». «Оставить вопрос открытым» означало, что на эту сферу Трепов предпочитает распространить метод административного воздействия.

Второй вопрос касался следующей темы: как урегулировать взаимные отношения между предпринимателями и рабочими — в административном ли порядке или законодательном?

На это Трепов отвечает: «Предоставить третейскому суду».

Иными словами он пытается снова подкинуть «государство», а в отдельных случаях и чиновника, разумеется полицейского ведомства, в роли третьей силы, умиротворяющей враждующие стороны.

Практические предложения министерства финансов сформулированы в заключении представления: «... постановить: ведение вопросами о взаимных отношениях фабрично-заводских промышленников и их рабочих, изыскание мер, которые должны быть принимаемы в дальнейшее, в установленном порядке, развитие фабрично-заводского законодательства, а также наблюдение за точным выполнением на местах постановлений о взаимных отношениях предпринимателей и рабочих сосредоточивается в министерстве финансов, с непосредственным подчинением ему органов надзора (фабричной инспекции)».

По этому поводу Трепов пишет: «Оставить вопрос открытым».

Дальше — «...постановить: главные начальники ведомств и подчиненные им учреждения и лица в деле урегулирования взаимных отношений промышленников и рабочих руководствуются в точности подлежащими узаконениями и изданными в развитие их установленным порядком правилами, избегая вмешательства в эти отношения, упомянутыми законами и правилами не предусмотренных».

На это согласен и Трепов.

Затем в представлении указывается, что министерство финансов приступит немедленно к разработке вопросов «а) об организациях для обсуждения и разрешения возникающих в промышленных заведениях на почве договора найма вопросов, а также для улучшения фабрично-заводского быта рабочих, б) о дальнейшем, сравнительно с законом 2 [15] июня 1897 года, сокращении рабочего времени, в) о пересмотре законов, карающих забастовки и досрочные расторжения договора о найме, г) об обеспечении рабочим больничной помощи, а равно и других вопросов, кои могут выясниться при обсуждении вышеозначенных мер.

Для составления законопроектов по указанным в ст. 2 предметам учредить при министерстве финансов, по отделу промышленности, комиссию, под председательством министра финансов и вице-председательством товарища министра, заведывающего делами торговли и промышленности, из чинов министерств: финансов, внутренних дел, императорского двора, земледелия и государственных имуществ, военного, морского, путей сообщения, юстиции, главного управления торгового мореплавания и портов, а равно православного духовного ведомства с приглашением в оную в качестве сведущих лиц представителей различных отраслей отечественной промышленности» ¹⁾.

И у Трепова есть свои предложения. Он согласен ввести третейский суд и кассы взаимопомощи, не возражает против «десяти, девяти и даже восьми часов». Но он считает необходимым разработать вопрос о забастовках. Дальше он намечает необходимым: больничную организацию, столовые, чайные, потребительские лавки, жилища, пересмотр законов о старостах, общеобразовательные чтения для рабочих и чтения по предметам их специальности. Наконец, в комиссию министра финансов Трепов предлагает пригласить «всех тех лиц, которые своими указаниями и распоряжениями могут быть полезными». Трепов вынужден выставить некоторые «реформы», хотя и не все, намеченные министерством финансов. Зато у него мы видим и то, чего нет в предложениях министерства финансов: предложение об общеобразовательных чтениях.

С виду незначительное предложение, оно на деле имеет совершенно определенное значение. С «чтений» зачинались зубатовские организации, «общеобразовательные» цели были положены в основу гапоновской организации.

Введение в законодательство такого пункта для Трепова не могло иметь другого значения, как попытки найти прикрытие для новой, быть может, еще большей организации полицейского социализма.

¹⁾ Приводим одно место из представления, характерное для позиции министерства финансов в связи с предложением о комиссии: «Министр финансов считает долгом присовокупить, что он со своей стороны признавал бы полезным по некоторым из намеченных вопросов предварительно ознакомиться и с пожеланиями самих рабочих, как, например, по вопросам о формах и организации различных касс взаимопомощи».

Свои пометки Трепов делал накануне заседания комитета министров. Комитет заседал 10 и 13 февраля (28 и 31 января). Одновременно было объявлено о комиссии Шидловского, в которую должны были быть очень широко привлечены рабочие. Пробный шар новой зубатовщины был пущен Треповым, но на этой попытке и замер, повидимому, грандиозный план Трепова.

Прежде всего он не встретил сочувствия в среде министров.

В особом журнале комитета министров, заслушивавшего представление министра финансов о постановлениях, определяющих взаимные отношения промышленников и рабочих, мы находим изложение прений, направленных так или иначе против политики Трепова по этому вопросу.

С большим обвинением против политики министерства внутренних дел и Трепова выступил Витте ¹⁾.

Политика организации рабочих союзов ему, Витте, всегда представлялась опасной. А идя по одному пути с революционерами, стремящимися к низвержению капитализма, правительство может достигнуть обратного результата: оно нарушит «полное и справедливое» равновесие между трудом и капиталом.

«Ясною представлялась статс-секретарю Витте ²⁾ и крайняя государственная опасность этой мысли: выделение целого класса населения в особые группы, организованные и действующие вне закона».

Комитет министров согласился с предложением сосредоточить в министерстве финансов «заведывание направлением промышленной жизни». «Комитет вполне согласился с тем положением, что взвесить влияние различных мероприятий на все стороны промышленной жизни и осторожно провести их на практике может с успехом лишь то министерство, которое ведает торгово-промышленную политику государства», т.-е. министерство финансов.

Не получив поддержки в комитете министров, Трепов потерпел фиаско в осуществлении своих планов в ближайшие же недели. Комиссия Шидловского, которая должна была служить пробным камнем, ни к чему не привела, благодаря все революционизирующемуся настроению рабочих и деятельности социал-

¹⁾ «Рабочий вопрос в комиссии Коковцева», стр. 22—23.

²⁾ Мы приводим протокольное изложение речи Витте, излагавшего на заседании комитета министров свою позицию, когда он был министром финансов.

демократической организации, сумевшей под своим руководством провести знаменитую кампанию «выборов» в комиссию Шидловского.

Самодержавие несколько раз в 1905 году вставало перед вопросом о необходимости сделать шаг по пути к буржуазной монархии. Эти попытки до указа 22 (9) ноября 1906 года быстро сметались нарастающей революционной волной. Все эти колебания помещичье-самодержавного государства происходили в пределах замкнутого круга, где противоположными точками были министерство финансов и министерство внутренних дел. Все были согласны с необходимостью бороться против революционного движения, спор шел о выборе средств в связи с пониманием обстановки. Этой обстановки все более революционизирующихся масс не понял Трепов, как не поняли и меньшевики, упорно цеплявшиеся за стихийность в рабочем движении. Только большевистская организация верно оценила разгром полицейского социализма. В напечатанной на страницах «Пролетарской Революции» переписке Петербургского комитета с Лениным мы находим изложение тактики большевиков, верно понявшей сущность того процесса, который сейчас выясняется в порядке уже исторического исследования ¹⁾.

И. Татаров.

¹⁾ «Пролетарская Революция» №№ 2 (37), 3 (38), «Переписка Н. Ленина и Н. К. Крупской с С. И. Гусевым», «Переписка Н. Ленина и Н. К. Крупской с Петербургской организацией».

Революция в Венгрии (1918—1919 гг.) ¹⁾

Мировая война привела Австро-Венгрию к тяжелому политическому кризису. Стоявшее у власти помещичье-капиталистическое правительство оказалось не в силах задавить рабочего движения.

К этому времени не только в Австрии, но и в Венгрии уже существовал многочисленный городской пролетариат. Профсоюзы и социалистическая партия стали серьезным фактором в политической жизни Венгрии. Деятельность социал-демократической партии и профсоюзов, кроме борьбы за повышение заработной платы и сокращение рабочего времени, была главным образом направлена на завоевание всеобщего избирательного права. Мировая война застала венгерское рабочее движение в борьбе за это право.

Венгерская социал-демократия с начала войны играла в политической жизни только роль левого крыла радикальной буржуазии, сдав окончательно самостоятельность своих политических позиций, и главным лозунгом ее и во время войны осталось требование всеобщего избирательного права. Но добиться его не удалось; дело о заключении мира также ни на шаг не продвинулось вперед. Недовольство рабочих и недоверие их к социал-демократическим вождям, пошедшим на соглашение с буржуазией, по мере продолжения войны и роста вызванной ею нищеты усиливались изо дня в день.

Губительность соглашательского поведения партии сказалась с особенной остротой в конце 1917 года, когда с победой пролетар-

¹⁾ Изучение венгерской революции 1918—1919 гг. весьма своевременно и несомненно представляет огромный интерес. Правда, отсутствие материалов не всегда делает возможным исчерпывающе осветить отдельные вопросы. Редакция надеется, что помещение статьи т. И. Грейнера, к сожалению, не всегда полно освещающей отдельные моменты деятельности коммунистической партии Венгрии, послужит толчком к должному изучению венгерских событий 1918—1919 гг.

ской революции в России вопрос о мире стал в центре внимания масс. Известие о большевистской революции всколыхнуло надежды венгерского пролетариата. Широкие массы с напряженным вниманием следили за попытками русских рабочих масс окончить войну. С особым вниманием венгерский пролетариат следил за мирными переговорами в Брест-Литовске. Так как русское советское правительство предварительным условием начала мирных переговоров выставило требование открытого совещания, пресса, несмотря на цензуру, могла подробно освещать брест-литовские события. Речи Троцкого, радиотелеграммы советского правительства из Петрограда находили путь к венгерскому пролетариату. Австро-венгерско-германский милитаризм диктовал Советской власти в России тяжелые условия. Вожди социал-демократической партии, сложив руки, следили за борьбой молодого Советского государства с империалистами.

Рабочие массы были настроены значительно революционнее. В январе 1918 года вспыхнула крупная антимилитаристская забастовка с лозунгами: «Долой войну», «Мы требуем мира!», «Да здравствует русский пролетариат!». Рабочие начали стачку без ведома и против воли вождей с.-д. партии. После трехдневной забастовки большая часть рабочих однако вынуждена была вернуться обратно к станкам. Депутация ЦК с.-д. партии посетила министра-президента Векерле, который и на этот раз, как и много раз прежде, обещал мир и избирательное право и уверял, что участники забастовки не будут подвергнуты репрессиям. Но значительная часть рабочих, в противоположность вождям, не доверяла словам министра и продолжала борьбу. Руководство рабочим движением выскользнуло из рук вождаков. ЦК партии был вынужден отказаться от своих полномочий.

Эта забастовка была первым революционным шагом венгерского рабочего класса за время войны. Революционная волна из Будапешта перебросилась и в провинцию. В Надьяканиже главный военный врач Евгений Гамбургер призывал рабочих к продолжению забастовки. Он печатал и распространял первые ленточки, с большой симпатией упоминавшие о русских большевиках. «Довольно человеческой бойни! — писалось в ленточках. — Сегодня мы посылаем братский привет русским революционным товарищам и ультиматум богачам-фабрикантам, подстрекателям к войне, желающим ее продолжения. Рабочие! Женщины! Бейте в колокола! Настали последние кровавые судороги войны. Наша смерть будет

жертвой на алтаре лучшего будущего. Наша жизнь не стоит ни гроша. Нам нечего терять. Либо немедленно настанет мир, либо пусть все сметет всеразрушающий поток!»¹⁾.

Тов. Гамбургер, несмотря на обещание министра-президента Векерле о неприкосновенности бастующих, был после январской забастовки арестован. До его ареста была брошена в тюрьму антимилитаристская группа студентов, принадлежавшая к клубу имени Галилея (под руководством Елены Дучинской, Теодора Шугара, Иосифа Келена и др.). Эта группа распространяла плакаты с изображением солдата, ломающего надвое свое ружье, со следующей надписью: «Ни гроша, ни человека больше армии!».

В одной из лентушек содержался следующий призыв к революционной борьбе за мир:

«Должны ли мы еще дальше терпеть и страдать только потому, что германский кайзер хочет закабалить другие народы? Единственная сила может победить крепко организованную реакцию: единодушное революционное выступление за мир со стороны международного пролетариата. К этой идее примкнул революционный пролетариат Петрограда и Москвы. 19 мая в ответ на смертный приговор Фридриху Адлеру вся Россия затаила дух. Наши товарищи в Милане и Турине стоят под огнем пулеметов. Братья, очередь за нами!»²⁾.

Лентушка в конце призывала рабочих ко всеобщей забастовке и к саботажу. Она была подписана: «Венгерская группа примкнувших к Циммервальду социалистов». Бешенство реакции против антимилитаристской агитации не знало границ. Министр юстиции Валзони, которого социал-демократическая партия посадила в министерское кресло, заявил: «Я растопчу большевизм» и продолжал преследования с неслыханной жестокостью.

Антимилитаристская пропаганда революционизировала армию. Вернувшиеся из России военно-пленные не захотели больше терпеть тяготей войны. Восстания в войсках вспыхивали друг за другом. Маршевые батальоны отказывались идти на фронт. Полки в городах Пече и Тренчене пошли против офицеров с оружием в руках. 1 февраля³⁾ 1918 г. вспыхнуло восстание в Каттаро на военных кораблях. Восставшие подняли на судах красные флаги, арестовали часть офицеров и образовали матросский совет; власть его призна-

¹⁾ Nepszava, 13 сентября 1918 г.

²⁾ Подлинник в архиве автора.

³⁾ Всюду даты по новому стилю.

вали почти все суда, находившиеся в Каттаро, к революционным морякам присоединились некоторые сухопутные части. Матросский совет выставил ряд требований; самым важным из них было требование скорейшего заключения мира, остальные носили экономический и правовой характер. Но часть судовых команд поддалась увещанию своих офицеров и сняла красное знамя; командование этими судами опять перешло к офицерам; подошли суда, верные правительству, и восстание было подавлено. Некоторые из его участников были казнены, остальные, около 1 500 человек, были преданы военно-полевому суду.

Все же австро-венгерский милитаризм не мог подавить постоянно растущее революционное движение. В июне повторилась массовая стачка будапештских рабочих. На государственном машиностроительном заводе начальник охраняющего завод отряда вздумал ружейным залпом, направленным в толпу рабочих, разрешить разногласия между ними и администрацией. Убитые и раненные лежали во дворе фабрики. Рабочие бросили работу, и через несколько часов весь будапештский пролетариат примкнул к забастовке. Остановились трамваи, исчезли газеты. Рабочие в провинции присоединились к стачке.

Забастовка длилась восемь дней. Социал-демократическая партия не использовала революционного настроения рабочих масс. Снова начались аресты. Правительство еще пыталось запугать рабочих процессами против руководителей антимилитаристского движения. Но катастрофа была уже неизбежна. В конце сентября разгром болгарской армии и выход Болгарии из союза центральных держав нанесли германскому империализму смертельный удар. Начался распад Австро-Венгерской монархии.

Катастрофическое положение на фронтах принудило австро-венгерское правительство обратиться 4 октября к Соединенным Штатам Северной Америки с нотой, в которой, на основании 14 условий Вильсона, оно просило немедленного перемирия и начала мирных переговоров.

8 октября в газете «Нэпсава» было опубликовано воззвание социал-демократической партии «К венгерским народам», перечисляющее ближайшие задачи партии:

«1) Мы требуем немедленной отставки нынешнего правительства и образования такого правительства, в котором были бы представлены все демократические классы и все национальности страны.

2) Новое правительство должно немедленно распустить парламент и созвать новый для установления конституции независимой Венгрии, на основании всеобщего, равного, тайного, распространяемого и на женщин, избирательного права.

3) Правительство должно обратиться с предложением заключения мира ко всем враждующим государствам на основании принципов Вильсона и русской пролетарской революции (!), без аннексий и контрибуций, на основе права самоопределения наций, и вступить в ту Лигу наций, которая будет образована под лозунгом разоружения, третейского суда, свободы торговли и мирного сотрудничества».

В области внутренней политики социал-демократическая партия требовала прекращения угнетения национальностей, демократизации управления, свободы союзов и собраний, раздела земли, социализации крупнейших заводов, справедливой налоговой политики, охраны труда и подготовки к введению 8-часового рабочего дня.

8 октября на заводах столицы, на многочисленных митингах рабочие присоединились к требованиям социал-демократов.

Между тем австро-венгерская армия потерпела на фронтах новые поражения. 24 октября организации журналистов постановили отказаться от контроля цензуры. 25-го была опубликована в газете прокламация Национального совета, который в эти дни был образован из представителей различных оттенков радикальной буржуазии и вождей с.-д. партии. Национальный совет, опираясь на условия Вильсона, требовал немедленного заключения мира, роспуска парламента и восстановления законного порядка.

Открытый 14 октября внеочередной партийный съезд уполномочил ЦК социал-демократической партии вступить в буржуазное правительство, несмотря на запрещение прежних съездов. Партийная пресса пропагандировала лозунг объединения всех демократических сил и требовала образования коалиционного правительства.

28 октября один из хорватских полков поднял восстание и занял Фиуме. В Загребе происходили большие демонстрации. Образовалась Югославская национальная республика. Правительство Векерле под влиянием этих событий подало в отставку. 30 октября происходили большие массовые демонстрации в Вене и Будапеште. В этот день власть выскользнула из рук правительственных органов. Государственные чиновники, почтово-телеграфные служащие, даже сама полиция признали Национальный совет. Социал-

демократическая партия радостно приветствовала присоединение к Национальному совету той полиции, которая еще накануне стреляла в участников демонстрации. Объединения торговцев и промышленников и разные военные части одни за другими примыкали к Национальному совету.

30-го, поздно вечером, через весь Будапешт тянулись массовые демонстрации. Демонстранты призывали солдат «к присяге новой независимой Венгрии». Сотни солдат тут же присягали, срывая со своих фуражек королевские гербы. Улицы гудели от криков тысячных масс: «Да здравствует Венгерская республика!», «Мы провозглашаем сегодня Венгерскую республику».

Масса двинулась к отелю, где заседал Национальный совет. От его имени многие выступали с речами, между ними и граф Михаил Карольи, призывавший демонстрантов разойтись спокойно по домам и увещевавший солдат охранять народ от пролития крови. Между тем количество демонстрантов все увеличивалось. Летучки с знаменитым стихотворением Жени Варнаи, с призывом к солдатам не подчиняться властям, летели в толпу и рвались из рук. Затем демонстрация двинулась в улицу Ракоци, к Восточному вокзалу, к идущим на фронт солдатам. Солдаты снимали с правительственных зданий монархические вывески и требовали от офицеров снять с фуражек королевские гербы. На Восточном вокзале разоружили стражу и ее оружие роздали демонстрантам. Шествие двинулось к казармам на улице Иллеи, чтобы привлечь на сторону революции находившиеся там войска. Маршевый батальон, шедший по улице, в ответ на призыв демонстрантов примкнул к революции. Через несколько минут солдаты оглашали улицу приветственными возгласами по адресу республики. Уже не могло быть речи о том, чтобы они возвращались на фронт.

От имени Национального совета Владислав Фенеш и Мартин Ловаси призывали массы «вернуться домой и спокойно ждать дальнейших событий». От имени социал-демократической партии выступил Иосиф Погань. Он благодарил солдат за поддержку революции и заявил, что «присоединение всех казарм и всех отрядов к нам, к армии Национального совета, вопрос ближайшего будущего». Он призывал солдат «не отдавать оружия; солдаты должны сейчас же разойтись, организовать, избрать делегатов, имена

которых должны быть сообщены военному совету». После речей демонстранты разошлись.

Ночью примкнувшие к революции войска подошли к зданию градоначальства и заняли его. Они разоружили стражу, арестовали командующего генерала Варкони вместе с его адъютантами и привели их в Национальный совет. Новым градоначальником Национальный совет назначил майора Штегера. В ту же ночь отряды военного совета, разоружив стражу, заняли здание главного почтамта и двух телефонных станций.

К полудню был образован Будапештский совет рабочих депутатов. Рабочие на заводах столицы устраивали митинги, на которых избирали делегатов в совет. Настроение митингов было воинственное.

Характерно, что в представленной социал-демократической партией резолюции ни словом не было упомянуто требование о провозглашении республики. Социал-демократическая партия все еще готова была образовать — «венгерское королевское демократическое правительство». Освобождение из тюрьмы Фридриха Адлера «Нэнсава» изобразила в виде «помилования кайзером».

31 октября газеты опубликовали обращение Национального совета к солдатам. Обращение знакоило с происшедшими в соседних странах событиями и содержало в себе требование немедленного мира, полной независимости, самостоятельной венгерской армии, самостоятельного ведения иностранных дел, народной власти, социальной справедливости для трудящихся и страдающих масс и призывало солдат «не поднимать оружия против своих сограждан».

Газеты были полны известиями о венских событиях. «Немецкая Австрия — республика! Национальный совет Австрии провозгласил республику! Крупные демонстрации на улицах Вены! Войска присоединились к революции!» Уже всем было ясно, что пришел конец старой Австро-Венгерской монархии. Но реакции еще не сдавалась. В Будапеште она пыталась прикрыть свое подлинное лицо образованием нового правительства во главе с графом Гадиком. «Нэнсава» сообщает, что в Будапеште был организован «Союз защиты нации» по примеру союза русских Марковых и Пуришкевичей. Но старому режиму не удалось удержаться. В ночь на 1 ноября вновь назначенный министр-президент граф Йоган Гадик вызвал по телефону председателя Национального совета

графа Михаила Карольи и заявил ему, что желает вступить в переговоры с Национальным советом. Карольи в сопровождении одного из вождей социал-демократической партии, Сигизмунда Кунфи, явился к министру-президенту Гадику. Совместно они посетили эрцгерцога Иосифа, который сообщил им, что он по поручению короля назначает Карольи министром-президентом. Карольи принял это назначение. Кунфи от имени социал-демократической партии успокаивал эрцгерцога, что организованные рабочие делают все возможное, чтобы сохранить порядок. Михаил Карольи еще в тот же день образовал свое правительство. Социал-демократическая партия получила два министерских портфеля. Редактор «Нэпсавы» Эрнст Гарамби был назначен министром торговли, а редактор «Социализма» Сигизмунд Кунфи — министром труда. Члены нового правительства, между ними и социал-демократические министры, еще в тот же день присягнули уполномоченному королю, эрцгерцогу Иосифу. Вечером неизвестные солдаты убили главу реакции, графа Стефана Тиссу, в его квартире, хотя Национальный совет принимал все меры к тому, чтобы успокоить гнев и ненависть масс против виновников преступной войны. Члены правительства, между ними Карольи и Кунфи, спасли даже общезвестного убийцу дезертиров, генерала Лукачича, от мести масс.

3 ноября, в воскресенье, состоялись похороны жертв революции. В тот же день «Нэпсава» опубликовала как ценное завоевание революции, что союз хозяев металлических предприятий постановил, «принимая во внимание исключительно преданную работу металлистов, понизить рабочий день до 9 часов». Национальный совет так же, как и социал-демократическая партия, на огромнейших плакатах и в газетах возвещал необходимость порядка и покоя. Были опубликованы постановления об аресте бежавших из тюрьмы воров и грабителей. Но ни в одном постановлении не упоминается об аресте виновников войны. «Нэпсава» ни словом не обмолвилась о разделе помещичьих земель.

Уже первые дни четко выявили, что новое правительство и социал-демократическая партия делают все возможное, чтобы воспрепятствовать дальнейшему органическому развитию революции. Массы скоро разочаровались. Пролетариат требовал республики, а социал-демократические вожди присягали Габсбургам. Под давлением масс социал-демократическая партия была вынуждена поднять вопрос о республике. Ход событий диктовал решительность

в этом вопросе. 6 ноября отказался от престола кайзер Вильгельм, и весть о провозглашении Германской республики поставила в центре политической жизни вопрос о провозглашении Венгерской республики. 12 ноября объявила себя республикой Австрия. При таких обстоятельствах нетерпение рабочих масс в Венгрии достигает своего апогея. 16-го была торжественно провозглашена республика. Сигизмунд Кунфи выступил с речью от имени социал-демократической партии, в которой заявил, что «пролетариат должен прекратить классовую борьбу на шесть недель». «Мне, убежденному социал-демократу, — сказал Кунфи, — тяжело заявлять, но все же я заявляю, что мы против применения средств классовой ненависти и классовой борьбы. И мы требуем, чтобы все, отбросив в сторону классовые интересы и религиозные распри, поддержали нас в предстоящей нам великой работе». Социал-демократы пытались обратить день провозглашения республики в праздник классowego сотрудничества.

В осуществлении этого плана им, однако, помешала «группа революционных рабочих», образовавшаяся в дни революции из левого крыла рабочего движения. Эта группа сбросила с аэропланов в толпу легучки, содержавшие радиотелеграмму председателя Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Съезда Советов т. Свердлова, в которой Российская Советская Республика посылала революционный привет венгерскому пролетариату. Телеграмма выражала надежду, что венгерский пролетариат не остановится на полпути, а, следуя примеру русских рабочих и крестьян, создаст социалистическую советскую республику. Правительство Кароли не опубликовало телеграммы т. Свердлова, сохранив ее в тайне. «Революционное» правительство испугалось революционного голоса и призыва из Москвы.

Венгерская социал-демократия у власти.

По намерениям Национального совета и социал-демократической партии ноябрьская революция должна была быть предвестницей мира. Новый режим преследовал две цели: заключение внешнего и осуществление внутреннего междуклассового мира. Для достижения этих целей буржуазия пыталась как на внешнем, так и на внутреннем фронтах заключить перемирие. В заключении внутреннего мира социал-демократическая партия добросовестно

помогала новому правительству. «Нэпсава» сразу же после победы ноябрьской революции приступила к борьбе против левого крыла рабочего движения, обнаружив в большевизме главного врага социал-демократии. После победы буржуазной революции социал-демократическая партия поняла, что революционное движение может легко выйти из рамок программы правительства Карольти и что руководство массами может легко ускользнуть из ее рук, если «радикальные лозунги» встретят отклик у пролетариата. Этим объясняется борьба социал-демократов с левым течением. Военный совет под влиянием социал-демократов уже 3 ноября запретил населению держать оружие; этот приказ означал разоружение пролетариата.

«Нэпсава» в резком тоне начинает критиковать методы и результаты пролетарской революции в России. В своем номере от 7 ноября она опубликовала под заглавием «Годовщина большевистской власти» большую статью, в которой автор на основании интервью с вернувшимся из русского плена вождем австрийской социал-демократии Отто Бауэром подробно описывает большевизм и русскую революцию. «Отто Бауэр, — пишет газета, — выразил свое мнение следующими словами: *«Большевистская власть сможет продержаться всего несколько недель»*. Большевизм есть теория о государстве просвещенного абсолютизма». Под конец автор делает такой вывод: «Мы совершили бы огромную ошибку, если бы венгерский пролетариат, живущий в экономическом отношении еще в менее благоприятных условиях, сделал серьезную попытку по-большевистски завоевать политическую власть». Макс Адлер в номере «Нэпсавы» от 22 ноября называет большевистскую партию «сумасбродной».

Социал-демократы скоро убедились, что наилучшим средством революционизирования пролетариата является Совет рабочих депутатов. Поэтому они шли на все, чтобы умалить значение Совета и ограничить его правом представления проектов на рассмотрение партии. 5 ноября «Нэпсава» публикует «Устав Совета рабочих депутатов», главные пункты которого следующие:

Социал-демократическая партия «организует Совет рабочих депутатов при неприкосновенности решений съезда, правления и делегатского собрания партии».

«Совет рабочих депутатов созывается правлением партии».

«Членами Совета рабочих депутатов могут быть избраны только такие лица, которые не менее года состояли членами социал-демократической партии и профсоюзов, а также не менее года являются подписчиками партийного органа».

«В Будапештский совет рабочих депутатов избираются 126 членов по назначению партийных и профсоюзных органов и 239 членов избираются непосредственно рабочими».

Это организационное построение Совета рабочих депутатов ясно показывает, что Совет не мог быть представителем воли революционных масс.

Руководящий штаб социал-демократической партии и профсоюзная бюрократия дрались из-за постов и назначений. Протекционизм заразил ряды социал-демократического движения.

Этому разложению с.-д. партии в значительной мере способствовал массовый приток в с.-д. партию представителей буржуазных слоев. О разложении социал-демократии могут свидетельствовать и такие факты:

В номере от 5 декабря жирным шрифтом напечатано письмо в редакцию священника, в котором слуга церкви заявляет, что «низшее духовенство считает социал-демократию своей подлинной партией. Социал-демократия не противоречит религии». Письмо призывает священников примкнуть к социал-демократической партии и заканчивается так: «И так как всякая честно проведенная работа одинаково нужна и полезна, то государство должно всему духовенству выплачивать одинаковое жалованье... Во всех вопросах мы с радостью, искренно и честно присоединяемся к программе международной социал-демократической партии».

Номер от 14 декабря пытается доказать, что у рабочего класса и офицерства одни и те же интересы. В этом номере под заглавием «Цель и значение профсоюза офицерского актива венгерской социал-демократической партии» помещено письмо офицера, который, с согласия редакции «Нэнсава», так развивает свои политические взгляды.

«Довольно образовывать новые партии. Вся страна должна слиться в одну партию и всем без исключения объединиться под знаменем социал-демократической партии, единственно призванной к устройству социального государства, к охране страны от полной моральной и материальной разрухи, от анархии... Задача профсоюза социал-демократического офицерского актива — разъяснение офицерским активам целей социализма».

Образованием профсоюзов: полицейских (восторженно приветствуемого с.-д.), офицерского актива, агрономов, прокуроров и судей, сама социал-демократическая партия и совет профсоюзов легализировали движение и организацию контр-революции. Последствия этой предательской политики заставили себя скоро почувствовать. Созванное 4 января министром по военным делам офицерское собрание носило ярко выраженный контр-революционный характер. Несмотря на это, «Нэпсава» заявляет: «Мы должны констатировать, что среди офицерского актива очень много современных и передовых элементов и даже много серьезных и убежденных сторонников социал-демократической идеи».

Контр-революционному выступлению офицерства последовало и духовенство. Епископ Прохаска на собрании духовенства резко напал на республику и призывал духовенство быть «спартаками Христа». Контр-революция организовывалась все шире и шире. 16 января в самой партии Карольи был обнаружен контр-революционный заговор, во главе его стоял бывший министр правительства Карольи Мартин Ловаси.

Как правительство, так и социал-демократическая партия были заняты в первую очередь «ликвидацией левой опасности». Они считали большевизм своим опасным врагом. Между тем образовалась Венгерская коммунистическая партия. Вернувшиеся в ноябре из русского плена гг. Бела Кун, Карл Вантош, Франц Янчик, Иосиф Рабинович, Александр Кельнер и другие вступили в связь с «Обществом имени Эрвина Сабо», образовавшимся в дни октябрьской революции из группы революционных рабочих с целью создания коммунистической партии. Новая партия была образована 21 ноября, когда и было решено издание центрального органа партии «Красной Газеты».

Социал-демократическая партия немедленно начала борьбу против коммунистического движения. Ложью и клеветой «Нэпсава» пыталась создать погромное настроение против коммунистов. Но напрасны были все ее ухищрения: коммунистов нельзя было заставить молчать. Под руководством т. Бела Куна они непоколебимо продолжали борьбу против соглашательской политики социал-демократов. 31 декабря т. Бела Кун явился в казармы к солдатам и выступил с речью против министра по военным делам, графа Фештетича. После речи т. Куна в казармах начались демонстрации. Уполномоченный правительства при военном совете за-

цинал графа Феитетича, но через несколько недель он сам выступил с обвинением министра в контр-революции. Предательские заявления социал-демократических министров облегчали разоблачительную работу коммунистов. Так, например, социал-демократический министр торговли Эрнст Гарамы 12 декабря в речи о правах заводских комитетов заявил:

«Предприниматель будет обязан прислушиваться к мнению заводского комитета во всех касающихся условий труда вопросах, как, например, об изменении рабочего времени, заводской гигиене, о питании рабочих, об учреждениях рабочего призрения и т. д.... Заводский комитет не имеет права вмешиваться в вопросы о персонале и не может распределять должностей... Я хотел бы подчеркнуть, что образование заводских комитетов и введение заводской конституции вообще еще не является социализацией. Заводские комитеты не имеют права вмешиваться в коммерческое управление заводов и в коммерческие дела администрации. Завод остается и дальше частным предприятием»¹⁾.

После такого заявления вождя социал-демократической партии и члена правительства «Нэпсава» тщетно помещала статьи о социализации крупных предприятий и напрасно стремилась заглушить голос коммунистов.

При обсуждении законопроекта о разделе земли партия Карольи заявила, что она «стоит на точке зрения частной собственности... Максимум земельного владения не должен превышать 500 десятин, и для совершеннолетних и несовершеннолетних детей владельца может быть оставлена та же норма. Если бы встретилась необходимость в понижении этого максимума (в случае перенаселения и недостатка земли в районе), владельцу предоставляется право на приобретение участка в другом месте».

Чтобы не возбудить в крестьянах надежды на получение от правительства земли в безвозмездное пользование, партия Карольи постановила: «При установлении цен на часть отнятой у помещиков земли принять в основу рыночную стоимость земли 1913 года». В связи с этим партия Карольи считает необходимым положить конец «ложным слухам о безвозмездном разделе земли и для этого довести до всеобщего сведения, что земля, полученная крестьянами при разделе, должна быть оплачена». Министр земледелия Барна Буза о подготовляемом законопроекте высказался в этом же роде.

¹⁾ Napszava, от 13 декабря 1918 г.

«Нэпсава» в номере от 4 января без всякой критики поместила постановление партии Карольи и заявление министра земледелия. Коммунистическая партия повела агитацию против этого законопроекта и стала издавать крестьянскую газету «Бедняк», в которой разоблачала обман правительства; ее агитация находила благодарную почву в крестьянской массе.

Социал-демократическая партия в течение февраля решила принять более решительные меры против коммунистов. Уже в январе «Нэпсава» выставила лозунг — покончить с большевиками, как с врагами революции.

«С большевиками, с красной контр-революцией, — действует передовая от 5 января, — нужно бороться так же, как с белой контр-революцией. Им не должно быть места для работы в наших организациях. Нужно выбросить их из нашей среды: пусть они где угодно устраивают свои партии; мы посмотрим, кто пойдет с ними, с этими лживыми, низкими клеветниками, сторонниками бессовестного террора».

Голос этой статьи был уже сигналом к новому плану социал-демократических вождей, по которому они решили исключить коммунистов из профсоюзов и из Совета рабочих депутатов. Однако для проведения этого плана нужна была подготовка настроения масс. Поэтому «Нэпсава» и профсоюзная печать одна за другой клеветали на коммунистов и главным образом на русскую пролетарскую революцию. Вернувшиеся из России военно-пленные социал-демократы «один за другим рассказывали о своих переживаниях» на столбцах «Нэпсавы». Вожди социал-демократической партии слишком скоро забыли, как писали они о большевиках во время войны. Еще два месяца тому назад, 3 сентября 1918 г., «Нэпсава» писала о Ленине:

«Только русский пролетариат мог с таким гигантским напряжением сил стоять во главе событий, чтобы дать новых вождей социалистическому движению. Имена Ленина и Троцкого навеки вписаны на страницы истории социализма. Имя Ленина стало мировым лозунгом, с этим именем нераздельно, вечно будет связано со времен французской революции самое значительное событие мировой истории: захват власти русским пролетариатом. Имя Ленина будет написано на щите нового мира, осуществления социалистического строя, и это имя будет жить до тех пор, пока люди будут записывать события своей истории... Ему удалось достигнуть

самого большого, чего только может достичь рыцарь идеи социализма, которая спасет мир: он смог достигнуть осуществления социалистического общества в России, он повел русский пролетариат в обетованную землю социализма. В настоящий момент Ленин истекает кровью и, может быть, отдает свою жизнь за социализм... Мы сможем сейчас вполне объективно констатировать, что из всех социалистических партий в России только большевики могут утверждать, что они являются массовой партией пролетариата. Меньшевики постепенно остались вождями без борцов так же, как стоящий на правом фланге социалистов-революционеров Савинков и вождь центра социалистов-революционеров Чернов. В последнее время даже сторонники левого крыла социалистов-революционеров, так называемой группы Спиридоновой, примкнули к Ленину. Чем дальше пролетарские массы отходили от социалистических партий, враждебных большевикам, тем более подпадали эти партии под мелкобуржуазное, крестьянское и интеллигентское влияние. С большевиками пришел к власти фабричный пролетариат, и когда разные оттенки социалистических партий все же продолжали борьбу против Ленина, на самом деле они боролись против попытки осуществления социализма».

Опасность социалистической революции в собственной стране толкала с.д. вправо. Этим объясняется и отход рабочих масс от с.д. и рост влияния коммунистической партии. В борьбе с ней социал-демократы предприняли наконец решительные шаги: исключили коммунистов из профсоюзов и Совета рабочих депутатов. Исключением коммунистов из Совета они хотели сорвать успехи коммунистической агитации, а исключением из профсоюзов сочувствующих коммунистам рабочих и, главным образом, безработных — запугать их. Исключение из профсоюзов означало потерю возможности получать работу и лишение пособий. Исключение коммунистов встретило, однако, отпор со стороны рабочих. Делегатское собрание металлистов постановило не мешать своим членам вступать в коммунистическую партию.

Социал-демократы, сознавая свое бессилие, стали прибегать к репрессиям. 3 февраля полиция и сыщики явились в редакцию и контору «Красной Газеты», увезли часть принадлежавшего редакции имущества и произвели разгром. Венгерские социал-демократы следовали примеру правительства Эберта-Шейдемана, уже имевшего опыт в подавлении германских спартаковцев.

Правительство Венгерской республики выступило против коммунистов по образцу графа Стефана Тиссы. Это не помешало «Националу», в номере от 11 декабря гордиться тем, что «Венгерская

народная республика стоит на платформе демократии, поэтому не следует бояться того, что она средствами террора и произвола закрывает рот большевикам». Коммунистическая печать была разгромлена, но буржуазная пресса могла свободно продолжать свое контр-революционное дело, хотя 17 января сама «Нэпсава» констатирует, что «дух контр-революции появляется прежде всего в контр-революционной печати».

В течение февраля борьба между коммунистами и социал-демократами все более обострялась. Открытый 9 февраля съезд социал-демократической партии объявил войну «правой и левой контр-революции». Спровоцировав 20 февраля перед зданием редакции «Нэпсавы» кровавое столкновение рабочих с полицией, результатом чего и было много жертв, правительство использовало этот повод для похода против коммунистической партии. В тот же день начались преследования руководителей коммунистической партии: гг. Бела Куна, Бела Ваго, Бела Санто, Евгений Ласло, Отто Коровин, Матиас Ракоши, Франц Янчик были арестованы и брошены в тюрьму. При аресте гг. Кун и Ваго были подвергнуты тяжелым пыткам.

Пока коммунисты в тюрьмах испытывали прелести меньшевистской демократии, социал-демократическая партия хоронила с большой пышностью полицейских, убитых у здания редакции «Нэпсавы».

Кровавый план социал-демократов подавления коммунистов был осуществлен. «Левая контр-революция» была «ликвидирована». Социал-демократы могли спокойно приступить к выполнению своей пацифистской программы. Приближались мирные переговоры. Но в это время было уже ясно, что обращенные к державам Антанты пацифистские мольбы «Нэпсавы» оказались напрасными. Антанта сбросила с себя маску и открыто показала свое империалистическое лицо. Венгрии грозил раздел. Уже не было речи о плебисците, о праве на самоопределение народов и других, не менее благородных фразах Вильсона. Победители диктовали, а побежденные должны были им подчиняться.

Тов. Бела Кун еще по возвращении из русского плена выступил с докладом о политическом положении под названием «Ленин или Вильсон?». Само название доклада показывает правильность постановки вопроса: либо подчинение пролетариата капитализму и империализму, либо революционная классовая борьба до конца. Дальней-

шие события показали, что только такая постановка вопроса является единственно правильной. История задала венгерскому пролетариату неизбежный вопрос, на который пролетариат неминуемо должен был ответить: влево или вправо, с социализмом или с капитализмом, с Лениным или с Вильсоном?

Провозглашение пролетарской диктатуры.

Правительство Карольи арестом вождей коммунистической партии хотело добиться разгрома нарастающего коммунистического движения. Социал-демократы делали все возможное, чтобы представить коммунистов перед пролетариатом как обыкновенных преступников, нарушителей общественного порядка и прислужников контр-революции. «Нэпсава» в своем номере от 21 февраля назвала коммунистическое движение «контр-революцией» слева и призывала пролетариат к решительной борьбе с коммунистами. Социал-демократы при помощи прессы, летучек, митингов и демонстраций стремились отвоевать массы у коммунистов.

Все эти меры, однако, были бессильны заглушить коммунистическую агитацию. Через два дня после ареста товарища Бела Куна и других коммунистов на улицах появились воззвания коммунистической партии, разоблачавшие перед пролетариатом предательское поведение социал-демократов, готовившихся в это время к выборам в Учредительное собрание. Массы, разочарованные в обещаниях правительства Карольи, не верили социал-демократическим предвыборным лозунгам. Кроме того, рабочие негодовали, что при аресте Бела Кун и другие были подвергнуты пыткам. 24 февраля митинг безработных металлистов, на котором присутствовало свыше пяти тысяч человек, единогласно принял резолюцию, где избивание арестованных коммунистов определялось как предательство всего пролетариата. Заводские рабочие требовали освобождения коммунистов. Правительство было вынуждено освободить двадцать девять коммунистов, а с остальных снять обвинение в призыве к убийству. Вместо этого прокуратура сфабриковала против них обвинение в государственной измене.

Социал-демократическая партия в своей борьбе с коммунистами не брезгала никакими средствами. Рабочим одного из авиазаводов, примкнувшим к коммунистам, социал-демократы угрожали

прекращением правительственных заказов и, следовательно, безработицей, если эти рабочие не вернутся в социал-демократическую партию. Такие методы борьбы достигали обратного действия. 9 марта общее собрание токарей по железу стало на сторону коммунистов.

Зашевелилась и крестьянская беднота. Правительство Кароли разделило крупные помещичьи владения меж крестьянами, взимая с них плату за пользование участками, но в округе Шомодь батраки и бедняки стали проводить собственную аграрную политику, выгнав владельцев и взяв усадьбы в пользование на кооперативных началах. Правительство было бессильно справиться с этим движением революционного крестьянства, несмотря на объявление в некоторых районах осадного положения.

Наблюдалось быстрое полевение профсоюзов. Делегаты рабочих один за другим посещали Бела Куна в сборной тюрьме и обсуждали с ним дальнейший ход борьбы. От имени печатников Игнат Богар, Рудольф Маус и Иосиф Шобек вели переговоры с коммунистами. Игнат Богар призывал т. Бела Куна к составлению платформы, на основе которой могло бы быть восстановлено единство венгерского рабочего движения. Тов. Бела Кун изложил в письменной форме требования и стремления коммунистической партии и передал Игнату Богару письмо (см. приложение), представляющее огромнейший интерес.

Письмо т. Бела Куна указало верный путь венгерскому пролетариату. Основной тон письма — единый фронт революционного действия против буржуазии — вполне соответствовал настроению пролетариата. Приблизжавшиеся выборы в учредительное собрание пролетариат уже не принимал всерьез. Рабочие на собраниях напали на одного из членов правительства, министра исповеданий Иоганна Ваш. Рабочие не хотели слушать даже известнейших вождей с.-д. партии. Бывали случаи, что их выбрасывали из зала. Лозунги же коммунистической партии завоевывали себе широкую популярность. «Не платите квартирной платы», «5.400 крон за выслугу демобилизованным солдатам!» — эти лозунги дезорганизовали власть буржуазии и особенно пошатнули дисциплину армии.

В середине марта положение правительства Кароли и с.-д. партии пошатнулось. 18 марта больше десяти тысяч рабочих амуниционного завода на огромном митинге протестовало против ареста коммунистических вождей и в принятой резолюции констатировало, что «арест коммунистов означает только полицейское преследование и

имеет целью лишить коммунистическую партию ее вождей и агитаторов. Большинство арестованных принимало горячее участие в международной пролетарской революции и в венгерской антиимпериалистской и революционной пропаганде во время войны, за что вынесло немало преследований и арестов. В виду этого собрание постановляет потребовать немедленного освобождения коммунистов и готово это постановление немедленно провести в жизнь».

Социал-демократы, несмотря на явно революционное настроение пролетариата, продолжали свою политику коалиции с буржуазными партиями. Социал-демократический министр торговли Эрнст Гарамб обсуждал с представителями крупных капиталистов вопрос о восстановлении свободной торговли. Социал-демократический министр по военным делам Вильгельм Бем доставлял амуницию контрреволюционной Польше. Социал-демократический министр просвещения Сигизмунд Кунфи произносил тосты на банкетах буржуазных партий; с.-д. министр труда Юлиус Пайдль, которому была поручена «подготовительная работа по социализации», заявлял, что о социализации может быть речь только в том случае, если производство достигнет довоенного уровня.

20 марта, в 11 часов пополудни, подполковник Ви, начальник антантовской миссии в Будапеште, передал президенту республики графу Михаилу Карольи ноту, содержащую намеченную Антантой новую демаркационную линию, и было заявлено, что державы Антанты считают указанную в ноте демаркационную линию окончательной политической границей. Карольи созвал в тот же день, в 5 часов вечера, совет министров, на котором правительство обсуждало ноту Антанты. Правительство отклонило требуемое Антантой отступление венгерских войск и решило подать в отставку. На том же заседании было решено, что президент Карольи назначает чисто социал-демократическое правительство.

На совещании 20—21 марта большинство социал-демократических вождей заявило, что для отпора антантовскому империализму нужно ориентироваться на Советскую Россию и искать соглашения с преследуемой коммунистической партией. Пока же вожди коммунистической партии сидят в тюрьме, образование социал-демократического правительства признавалось невозможным, так как его деятельности стали бы препятствовать сочувствующие коммунистам массы. Правление социал-демократической партии большинством против трех голос (Эрнста Гарамб, Эммануила Бухингера и Юлиуса

Пайдля) решило «примириться» с коммунистической партией и вступить с ней в соглашение.

В последующие часы события стали разворачиваться лихорадочным темпом. 21 марта, пополудни, лидер профсоюза железнодорожников Евгений Ландлер навестил арестованных коммунистов в сборной тюрьме и заявил от имени социал-демократической партии, что она принимает без всяких изменений платформу коммунистов, намеченную Бела Куном в своем письме к Игнатию Богару. Ландлер сообщил Бела Куну, что правление социал-демократической партии еще в тот же день посетит ЦК коммунистической партии в сборной тюрьме, если коммунисты согласятся вести переговоры с социал-демократами относительно объединения обеих партий. В результате соглашения между Ландлером и ЦК коммунистической партии в 3 часа дня уполномоченные правления социал-демократической партии: Евгений Ландлер, Яков Вельтнер, Сигизмунд Кунфи, Иозеф Погань и Иозеф Гаубрих явились в сборную тюрьму для переговоров с коммунистами. Первым говорил Яков Вельтнер, заявивший, что социал-демократическая партия считает свою политику неправильной и из трудного внешнего и внутреннего положения видит лишь один выход: восстановление единства рабочего движения, присоединение к III Интернационалу и образование пролетарского, т.-е. советского, правительства.

В результате длившихся очень короткое время переговоров между коммунистами и социал-демократами было отредактировано и подписано представителями обеих партий следующее постановление:

«Венгерская социал-демократическая партия и Венгерская коммунистическая партия сего числа на общем заседании своих правлений постановили провести полное объединение обеих партий. Объединенная новая партия, пока революционный Интернационал не установит для нее окончательного наименования, носит следующее название: «Венгерская социалистическая партия». Объединение проводится на такой основе, что обе партии сообща участвуют в руководстве партией и правительственной властью. Партия от имени пролетариата немедленно берет в свои руки всю власть. Пролетарская диктатура будет проведена через советы рабочих, крестьян и солдат. Поэтому, естественно, отменяются проектируемые выборы в учредительное собрание.

Немедленно должна быть организована классовая армия пролетариата, которая полностью разоружит буржуазию.

Для обеспечения власти пролетариата, против империализма Антанты должен быть заключен полнейший и искреннейший военный и идейный союз с русским советским правительством.

Будапешт, 21 марта 1919 г.

За Венгерскую социал-демократическую партию: Евгений Ландлер, Яков Вельтнер, Сигизмунд Кунфи, Иозеф Погань, Иозеф Гаубрих.

За Венгерскую коммунистическую партию: Бела Кун, Бела Санто, Бела Ваго, Франц Янчик, Карл Вантуш, Эдуард Хленко, Эрнст Зейдлер, Иозеф Рабинович¹⁾.

В тот же день вечером заседал Будапештский совет рабочих депутатов, который должен был утвердить соглашение, подписанное представителями социал-демократической и коммунистической партий в сборной тюрьме. Заседание совета было открыто председателем его Мор Прейсом, который в своей вступительной речи заявил, что «исторические события созвали членов совета». Докладчиком выступил вождь профсоюза строительных рабочих и член правления социал-демократической партии Александр Гарбаи, сообщивший совету об изменении политики социал-демократической партии в следующей речи:

«Уважаемые товарищи! Уважаемый Совет рабочих депутатов! Мы стоим перед новой исторической эпохой. Мы должны взвесить события при обсуждении и принятии решения. Не без причины произошло то, что правление и делегатское собрание партии предлагают новую политику. Мы, пережившие войну и наблюдавшие Антанту, думали, что Антанта принимает демократию серьезно и желает ее осуществления. Антантовский империализм стал под знамя демократии и за право народов на самоопределение, но теперь, когда он имеет возможность осуществить это, он поступает иначе. 30 октября, в день революции, революционное правительство решило сложить оружие. Вскоре после этого антантовское командование и венгерское правительство заключили договор о перемирии, установив демаркационную линию. Из существа договора о перемирии вытекает, что эту линию нельзя считать окончательной, а мирная конференция должна вынести решение по вопросу о новых границах. Из права на самоопределение вытекает, что отдельные территории лишь тогда смогут отделиться от страны, если живущие на тех территориях народы согласятся на это. Правительство до шести часов вечера должно было дать ответ Антанте, согласится ли оно на отдачу новых частей страны и признает ли окончательной границей линию, прорезывающую города Сатмар, Надьварадь и Арад. Правительство должно было решить эвакуацию, кроме этой, и другой тер-

¹⁾ Nepszava, 22 марта 1919 г.

ритории, в которую входит город Дебrecин. После этого ультиматума нельзя было сомневаться в том, что в данном случае излишни всякие объяснения и обсуждения, и что этот ультиматум приходится только принять. Правительство стало перед вопросом: как быть? Оно постановило единогласно: не выполнять и не принимать к сведению этих новых условий и приказов Антанты. (Аплодисменты). Правительство считало принятие этих условий равносильным самоубийству. До сих пор мы были убеждены в том, что Антанта создает справедливый мир, но этот приказ опровергает наши надежды. Те, кто сидят в Париже, намерены создать империалистический мир. Это уже доказано захватом Дуная. Из этого чудовищного факта нужно сделать соответствующие выводы. Этот поступок Антанты — не демократичен и не дает оснований к тому, чтобы социал-демократия и в дальнейшем придерживалась демократической политики.

Правительство подало в отставку, потому что не может взять на себя ответственность за эти действия. Нам нужно вынести решение о том, что предпринять. Антанта не дала никаких обещаний. Она не признала правительства и продолжает политику обмана. Мы не можем ждать от Запада ничего, кроме диктаторского мира. Это обстоятельство вынуждает нас отказаться от выборов в учредительное собрание. У нас нет иной возможности, как принять иную форму диктатуры...

Это заявление Гарбаи, вызвало продолжительные аплодисменты. Раздавались возгласы: «Надо было бы раньше начать». Гарбаи продолжал:

«На возгласы я отвечаю, что каждое политическое направление должно вызреть. Я подчеркиваю, что Антанта принудила социал-демократическую партию пойти по новому руслу. Это новое русло заключается в том, что мы хотим получить от Востока то, чего не получили от Запада. Мы должны сообразоваться с ходом событий. Борющаяся армия русских пролетарских масс приближается. Буржуазное правительство не может управлять государством. Кроме социал-демократической партии, никто не может взять на себя этой трудной задачи. Мы должны стать на платформу социалистической власти и провозглашения диктатуры пролетариата. Это новая линия нашей политики. Мы хотим бороться новыми средствами и методами. Наша политика, однако, может увенчаться успехом только в том случае, если мы создадим мир между социал-демократической и коммунистической партиями. Если Совет рабочих депутатов не возражает, уже ничто не может препятствовать миру, так как соглашение уже готово. Мы должны объединиться в одной воле и пойти вместе к цели по трудному пути. Если Совет рабочих депутатов утвердит достигнутое соглашение, тогда товарищи коммунисты должны быть еще сегодня освобождены. (Продолжительные аплодисменты). И завтра или послезавтра, но во

всяком случае через самое короткое время надо известить по радио весь мир о том, что у нас произошло. Нужно известить, что в этой стране пролетариат взял в свои руки управление своей судьбой и что венгерский пролетариат предлагает братский союз российскому советскому правительству». (Бурные овации).

Гарбаи в своей речи указал еще на то, что новый шаг венгерского пролетариата не лишен риска.

«Наибольшей опасностью является голод. Кроме этого, внешняя и внутренняя контр-революция угрожают пролетарскому государству. Но осадное положение, связанное с диктатурой пролетариата, сможет справиться с этими опасностями. Первой задачей является установление социалистического порядка. Мы должны беспощадно покончить с грабителями. Должна быть организована могучая Красная армия из лучших слоев пролетариата. Мы должны выполнить все эти задачи, так как иного пути у нас нет. Если бы социал-демократическая партия стала в сторону от событий, были бы массы довольны этим? Нет. То, что уже назрело в массах, нельзя искоренить, тем, что наша партия отойдет в сторону. Массовая стихия прорвется и тогда, когда партия будет в стороне. Нам нечего делать, кроме того, как приспособиться к событиям. Мы должны создать советы рабочих, солдат и крестьян»¹⁾.

После речи Александра Гарбаи выступил председатель военного совета Йозеф Погань, заявивший о том, что военный совет на своем последнем заседании с величайшим энтузиазмом присоединился к соглашению, заключенному между коммунистической и социал-демократической партиями. «Все вооруженные силы страны служат только образуемому венгерскому советскому правительству»¹⁾.

От имени коммунистической партии с короткой речью выступил Алексей Болгар, подчеркнувший важность для дальнейшей судьбы Средней Европы провозглашения венгерской пролетарской диктатуры¹⁾.

На этом же заседании Совет рабочих депутатов утвердил список членов Совета народных комиссаров в следующем составе: председатель — Александр Гарбаи; народный комиссар внутренних дел — д-р Евгений Ландлер; заместитель его — Бела Ваго; коллегия, возглавляющая народный комиссариат земледелия: Александр Чизмадя, Карл Вантуш, д-р Евгений Гамбургер и Георгий Нистор; народный комиссар финансов — д-р Евгений Варга, заместитель его —

¹⁾ Népszava, 22 марта 1919 г.

Бела Секели; народный комиссар просвещения — д-р Сигизмунд Кунфи, заместитель его — д-р Георгий Лукач; народный комиссар труда — Дезидер Бокани, заместитель его — Рудольф Фидлер; народный комиссар иностранных дел — Бела Кун, заместитель его — д-р Петр Агоштон; народный комиссар торговли — д-р Евгений Ландлер (временно), заместители его — Матиас Ракоши и Иозеф Гаубрих; народный комиссар по военным делам — д-р Иозеф Погань, заместители его — Бела Санто и Тибор Самуэли; народный комиссар юстиции — д-р Зольтан Ронаи, заместитель его — д-р Стефан Ладаи; народный комиссар по социализации — Вильгельм Бем, заместители его — Юлиус Гевеши и Анатолий Довчак; народный комиссар немецкого национального меньшинства — Генрих Кальмар; народный комиссар русинского национального меньшинства — д-р Орест Сабо, народный комиссар продовольствия — Мор Эрдели, заместитель его — Артур Иллеш.

Совет рабочих депутатов единогласно при бурных рукоплесканиях принял предложенную президиумом резолюцию о провозглашении пролетарской диктатуры. После заключительного слова т. Дезидер Бокани члены Совета разошлись под пение революционных песен. Совет народных комиссаров немедленно приступил к работе.

Первые недели советской власти.

Уже вечером 21 марта в Будапеште прошел слух об освобождении коммунистических вождей и провозглашении пролетарской диктатуры. На другой же день утром в газетах были опубликованы официальные сообщения о происшедшем перевороте. На первой странице всех газет была напечатана прокламация президента республики графа Михаила Карольи:

«К венгерскому народу!

Правительство подало в отставку. Те, кто до сих пор управляли — по воле народа и с поддержкою венгерского пролетариата, пришли к убеждению, что непреодолимая сила обстоятельств диктует новое направление. Порядок производства может быть обеспечен только в том случае, если пролетариат возьмет власть. Кроме угрожающей анархии производства, и положение внешней политики критическое. Мирная конференция в Париже тайне решила оккупировать почти всю территорию Венгрии. Антантовская миссия заявила, что демаркационная линия считается политической границей.

Открытой целью дальнейшей оккупации страны является превращение Венгрии в территорию для похода и военных действий против русской советской армии, борющейся на румынской границе. Отнятые у нас территории служили бы наградой румынской и чешской армиям, долженствующим уничтожить русскую советскую армию.

Я, как временный президент Венгерской народной республики, протестую против этого решения парижской конференции, обращаюсь к мировому пролетариату за помощью и справедливостью и, уходя в отставку, передаю власть венгерскому пролетариату.

Михаил Кароли» ¹⁾).

Венгерское советское правительство и Венгерская социалистическая партия в первый же день пролетарской диктатуры обратились к населению страны с декларацией, указывающей на ближайшие задачи, стоящие перед молодой советской властью. Отметив важность восстановленного единства пролетариата, как решающую предпосылку пролетарской диктатуры, декларация отмечает, что с настоящего момента, «вместо двух партий, одна пролетарская партия, т.-е. Венгерская социалистическая партия, объединяет всех трудящихся мужчин и женщин страны».

В этой же декларации советское правительство заявляет, что оно немедленно приступит к социализации помещичьих владений, шахт, заводов, банков и транспорта. Вместо земельного раздела правительство наметило образовать советские хозяйства.

В первые часы существования пролетарской диктатуры были опубликованы постановления советского правительства. Первое постановление Совета народных комиссаров гласило о наказании за контр-революционные действия. «Все, оказывающие вооруженное сопротивление приказам советской республики или подстрекающие к мятежу против нее, караются смертью. Бандиты и грабители также караются смертью. Преступники привлекаются к ответственности революционным трибуналом». Второе постановление запрещало продажу и употребление спиртных напитков. В следующие дни были опубликованы соответствующие постановления об учреждении революционных трибуналов, о социализации владений и всех заводов, где было свыше 20 рабочих. Дома в городах объявляются государственной собственностью. Совет народных комиссаров социализирует все банки и издает распоряжение об открытии сейфов. Титулы

¹⁾ NépSzava, 22 марта 1919 г.

и ранги отменяются. Внебрачные дети объявляются законными. «Венгерская советская республика не знает незаконных детей!» — гласит постановление Совнаркома. Советское правительство выносит решение о том, что в пролетарском государстве право на жительство имеют только трудящиеся.

Венгерской советской республике с первых же дней ее существования угрожала опасность войны со стороны окружающих ее империалистических государств. Венгерская советская власть, зная, что руку империалистических палачей может удержать только активная помощь международного пролетариата, обратилась к нему с призывом о поддержке и помощи. Народный комиссар по иностранным делам т. Бела Кун обратился по радио с воззванием к международному пролетариату на французском, английском, немецком, румынском и чешском языках, в котором просил чехо-словацких и румынских солдат отказаться от подчинения и призывал их к мятежу против их собственных угнетателей. «Обращаемся к пролетариату всех стран, — гласит воззвание т. Бела Кун, — к рабочим Англии, Франции, Италии и Германии и требуем от них беспощадной борьбы со своими капиталистами, намеревающимися задуть голодом венгерскую пролетарскую революцию. Мы ставим венгерскую пролетарскую революцию под защиту международного социализма и готовы до последней капли крови защищать ее от всяких нападений».

22 марта, в 5 часов вечера, Совет народных комиссаров через Чепельскую радиостанцию известил Российскую советскую республику о происшедших в Венгрии событиях.

Чепельская радиостанция обратилась с призывом к Москве: «Венгерская советская республика просит т. Ленина к радиопарату».

Через двадцать минут Москва отозвалась:

«Ленин у аппарата. Прошу к аппарату т. Бела Куна».

Чепельская радиостанция ответила:

«Вместо Бела Куна, занятого на совещании, у аппарата Эрнст Пор. Тов. Ленин, здесь Эрнст Пор, член Центрального комитета Венгерской коммунистической партии. Вчера ночью венгерский пролетариат завоевал государственную власть, ввел диктатуру пролетариата и приветствует вас, как вождя международного пролетариата. Передайте наш привет и выражение нашей революционной солидарности русскому революционному пролетариату. Социал-демократическая партия приняла платформу коммунистов, обе

партии объединились, и, пока московский конгресс III Интернационала не установит окончательного наименования для новой партии, мы зовем себя Венгерской социалистической партией. В этом отношении мы просим указаний. Сейчас заседает Совет народных комиссаров, Бела Кун — народный комиссар по иностранным делам. Венгерская советская республика предлагает русскому советскому правительству вооруженный союз против всех врагов пролетариата. Просим немедленного сообщения о военном положении».

Вечером, в 8 часов, московская станция радиопередачи сигнализировала, что ей вследствие атмосферных препятствий не удалось принять полностью телеграммы венгерского советского правительства, на что Чепельская станция повторила недостающие части телеграммы. В 9 часов вечера Москва ответила, что она поняла все. 10 минутами позже Москва телеграфировала снова:

«Здесь Ленин. Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской советской республики и особенно т. Бела Куну. Ваше приветствие я передал съезду Российской коммунистической партии большевиков. Огромный энтузиазм. Решение московского конгресса III Коммунистического Интернационала, как и сообщение о военном положении, мы пошлем вам как только возможно скоро. Безусловно необходимо постоянное радиосообщение между Будапештом и Москвой. С коммунистическим приветом и рукопожатием *Ленин*» ¹⁾.

VIII съезд РКП (б), заседавший в дни провозглашения венгерской пролетарской диктатуры, послал следующую приветственную телеграмму венгерскому советскому правительству:

«Правительству Венгерской советской республики, Будапешт. VIII съезд Российской коммунистической партии шлет пламенный привет Венгерской советской республике. Наш съезд убежден в том, что недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм. Рабочий класс России всеми силами спешит к вам на помощь. Пролетариат всего мира с напряженным вниманием следит за вашей дальнейшей борьбой и не позволит империалистам поднять руки на новую советскую республику. Да здравствует международная коммунистическая республика! От имени съезда *Ленин, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Преображенский*» ²⁾.

Опасаясь империалистической войны, Совет народных комиссаров уже 24 марта опубликовал постановление об образовании

¹⁾ Népszava, 23 марта 1919 г.

²⁾ Népszava, 23 марта 1919 г.; в протоколах VIII съезда этой телеграммы нет.

Красной армии для обороны социалистической страны. Венгерская Красная армия по постановлению советского правительства должна была состоять из организованных рабочих и находившихся уже в армии солдат пролетарского происхождения. В Красную армию можно было вступить только с рекомендацией партийной или профсоюзной организации или советов рабочих и крестьянских депутатов.

В ближайшие же дни началась вербовочная кампания. Для объяснения трудящимся необходимости вступления в Красную армию были организованы уличные митинги, фабричные собрания и демонстрации.

23 марта, в воскресенье, социалистическая партия и советское правительство созвали большой массовый митинг на площади перед парламентом. Свыше ста тысяч трудящихся с красными знаменами, музыкой и пением собрались на месте митинга, где народные комиссары выступали с речами, объяснявшими будапештскому пролетариату значение крупных революционных событий.

В 3 часа пополудни на парламентском здании взвился красный флаг; крики «ура» тысячной толпы сопровождали его поднятие. Через несколько минут на лестнице парламента появились члены советского правительства: Бела Кун, Гарбаи, Бела Санто и Тибор Самуэли. Оркестр исполнил «Интернационал». Первым выступил председатель Совета народных комиссаров Александр Гарбаи, приветствовавший рабочих от имени советского правительства.

Затем выступил т. Бела Кун, обратившийся с большой речью к рабочим:

«Товарищи, сегодня венгерский пролетариат слился воедино. Мы, венгерский пролетариат, являемся передовым отрядом мировой революции в международной борьбе мирового пролетариата. С гордостью и радостью завоевали мы эту святую роль, которая вслед за русским революционным пролетариатом осуществит вечную, непобедимую власть мирового пролетариата. На сегодняшнем празднике единого венгерского пролетариата мы получили приветствие из Москвы от VIII съезда русских коммунистов. Русские братья шлют вам, товарищи, горячий привет в той святой борьбе, которую мы начали за упрочение пролетарского государства. Трудна будет эта борьба, товарищи. Вечная слава венгерскому пролетариату, объединившемуся в решающий момент. Обе пролетарские партии слились. Теперь еще город должен слиться с деревней в крепкий братский союз. Мы стоим перед огромными боями с империалистическими грабителями. Пролетарская диктатура — это не страна кисельных берегов и молочных рек. Мы не давали больших обещаний, но мы обещали уста-

новить такой порядок, при котором все, кто трудится, будет иметь хлеб. Этого нельзя сделать в несколько дней, но от имени Венгерской советской республики мы обещаем провести этот порядок. Пока же мы будем знать, что если мы голодаем, то мы делаем это только ради нашего свободного, счастливого будущего. Да здравствует Венгерская советская республика! Да здравствует международная пролетарская диктатура!»¹⁾.

После речи т. Бела Куна выступил т. Дезидер Бокани, призывавший рабочих к вступлению в Красную армию. Народный комиссар земледелия т. Евгений Гамбургер с балкона здания народного комиссариата земледелия произнес речь, заявив: «Если мы хотим освободиться от власти хозяев старого мира, надо отнять у них землю»¹⁾.

Советское правительство лихорадочно работало над осуществлением своей программы, т.-е. превращением капиталистического государства в социалистическое государство трудящихся. Было опубликовано множество постановлений, приказов и решений, подрывавших господство буржуазии.

За социализацией заводов, шахт, транспорта и помещичьих владений следовали другие постановления советской власти. Золото и драгоценности были конфискованы. Буржуазные квартиры были реквизированы и переданы рабочим семьям. Все школы были объявлены государственными. По постановлению советского правительства, просвещение целиком переходило в ведение государства. Для рабочих народным комиссариатом просвещения были организованы высшие учебные заведения. Для крестьян же стали доступными агрономические институты. В Будапеште был организован рабочий университет имени Маркса и Энгельса. Народным комиссариатом просвещения были приняты срочные меры для образования рабочей молодежи. Преподавание религии в школах было воспрещено. Театры были социализированы и стали доступными для рабочих. Страхование и социальное обеспечение рабочих было поставлено по новейшим требованиям социальной политики. Аптеки, больницы и санатории были объявлены государственным имуществом. Курорты были предоставлены в пользование рабочих. Организовались ясли и детские дома. Принимались срочные меры к изжитию беспризорности. Казармы были переименованы в казармы имени Маркса, Эн-

¹⁾ Népszava, 25 марта 1919 г.

гельса, Ленина, Либкнехта, Розы Люксембург и других вождей пролетарской революции. Город Эржебетварош близ Будапешта был переименован в Ленинварош (Ленинград).

В первые дни буржуазия почти апатично принимала удары советской власти. Спустя же некоторое время она начала распространять ложные слухи направленные против советской власти с целью вызвать панику среди населения; правительство постановило сурово наказывать распространителей этих слухов. Революционные трибуналы уже в первую неделю приступили к выполнению своих обязанностей. Рядом с организацией Красной армии шла организация Красной милиции. Бывшие полицейские и охранники спешили признать советскую власть, ежедневно посылая приветствия Совету народных комиссаров. Даже прокуроры и судьи просили оставить их на службе в революционных трибуналах. Социал-демократы, сделавшиеся теперь членами советского правительства, проповедывали необходимость безболезненного перехода к социалистическому обществу и для этой цели стремились завоевать поддержку интеллигенции. В советских учреждениях, в судах, в милиции и даже в Красной армии бывшие чиновники и офицеры монархического строя оставались на работе не только в качестве специалистов, но часто как руководители этих учреждений.

Венгерская коммунистическая партия после слияния ее с социал-демократической перестала существовать самостоятельно. Новая объединенная партия, лишенная дисциплины и централизации, не могла руководить ходом событий и следить за работой государственных учреждений. Вступление в партию было доступно всем. От членов партии не требовалось никаких обязанностей, кроме уплаты членских взносов. При таких обстоятельствах партийные организации, разумеется, были переполнены чуждыми пролетариату элементами. Помещики, капиталисты, торговцы, домовладельцы записывались в партию и в профсоюзы. Венгерские коммунисты не поняли ленинского учения о построении революционной партии пролетариата, как централизованной и дисциплинированной организации передовой части пролетариата.

Характерным примером непонимания необходимости большевистского построения партии может служить заявление одного из виднейших вождей новой партии, напечатанное в «Нэпсаве» 30 марта, в котором с восторгом сообщается, что «бывшая крестьянская партия вступила в целом в коммунистическую партию, что при на-

стоящем положении означает принадлежность ее к единой социалистической партии».

В партийной прессе и в руководящих партийных учреждениях никогда не затрагивался вопрос о роли и значении коммунистической партии в управлении советским государством.

Укреплению единства объединенной партии было посвящено множество статей и речей, пытавшихся изжить недоверие коммунистов к социал-демократам. Утренний орган новой партии, «Нэпсава», в номере от 28 марта, не стеснялся утверждать, что объединение коммунистов и социал-демократов произошло «по воле и совету сердца и разума мировой революции, нашего великого учителя Ленина». «Нэпсава», редактируемая социал-демократами, чтобы ввести в заблуждение венгерский пролетариат относительно предательской роли русских меньшевиков, не стеснялась в клевете на русскую большевистскую партию, утверждая, что и русские большевики примирились с меньшевиками и социалистами-революционерами.

Против этой лжи повела борьбу «Красная Газета» — подлинный орган коммунистов.

Совет народных комиссаров 2 апреля издал постановление о выборах советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Первая статья этого постановления устанавливает цель, преследуемую Венгерской советской республикой. «Целью Венгерской советской республики является упразднение капиталистического порядка и общества и создание социалистического производственного и общественного порядка. Средством к осуществлению этой цели является обеспечение власти трудящихся над эксплуататорами».

По постановлению советского правительства «высшая власть принадлежит съезду советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. В Венгерской советской республике все национальности, сосредоточенные в одном месте, образуют национальные исполнительные комитеты». По конституции только трудовое население имеет избирательное право. В выборах могут участвовать и быть избраны членами совета все мужчины и женщины, приносящие своим трудом пользу обществу, как рабочие, служащие и т. д., или занимающиеся домашней работой, в том случае, если они достигли восемнадцати лет; кроме того, красноармейцы и лишенные полностью или частично трудоспособности лица. Трудящиеся в равной мере

пользуются избирательным правом и в том случае, если они состоят гражданами других государств.

Избирательного права лишены лица, пользующиеся в целях дохода наемным трудом, а также торговцы, духовенство, сумасшедшие, состоящие под опекой и лица, лишенные гражданских прав.

Выборы в советы были назначены Советом народных комиссаров на 7 апреля. Совет народных комиссаров постановил провести тайное голосование. В официальных списках кандидатов, выдвинутых социалистической партией, в подавляющем большинстве были представлены социал-демократы. Весь партийный и профсоюзный аппарат находился в руках социал-демократов, и даже комиссии, руководившие проведением выборов, состояли почти полностью из социал-демократов. Неудивительно, что членами советов были избраны лица, не имевшие ничего общего с пролетарской революцией. В одном из будапештских районов был, например, избран в совет один из вождей социал-демократической партии Эммануил Бухингер, открыто высказывавшийся против пролетарской диктатуры. По требованию коммунистов, протестовавших против избрания стоящих на контр-революционной почве меньшевиков, Совет народных комиссаров вынужден был аннулировать выборы в этом районе.

Первое пленарное заседание Будапештского совета рабочих и красноармейских депутатов состоялось 11 апреля. Зрительный зал Народной оперы не вмещал явившихся на заседание членов совета. По предложению председателя Совета народных комиссаров, Александра Гарбаи, почетными председателями Будапештского совета были избраны Ленин, Зиновьев, Троцкий, Бухарин, Радек, Мак Лин, Паннекук, Лорио, Серрати, Муна, Штивин, Раковский, Филиппович и Лалчевич.

На заседании Совета т. Бела Кун выступил с речью о задачах советов. «Советы рабочих, — сказал он, — должны быть не говорящими, а действующими органами. Мы здесь продолжаем нашу классовую борьбу и с помощью советов разрушаем капитализм и строим коммунизм. Пусть же работают советы. Ленин отпустил меня в дорогу со следующими словами: «Ни на минуту не отрывайтесь от пролетариата, так как это будет отступлением назад к буржуазии. Хороший революционер черпает силы у масс»¹⁾.

¹⁾ Népzsava, 12 апреля 1919 г.

Первое заседание Центрального совета Будапешта состоялось 15 апреля. Яков Вельтнер, открывший заседание как председатель совета, своей вступительной речью пытался добиться смягчения пролетарской диктатуры. Тов. Бела Куну пришлось выступить с резкой ответной речью и защищать методы классовой борьбы пролетариата. «Буржуазия еще жива, и поэтому я считаю неправильным здесь, на заседании Будапештского совета, устраивать сцену примирения. Мы, товарищи, не примиримся, и пролетариат не может примириться, пока существуют классы и не устранены классовые разногласия».

На этом заседании выступил с приветственной речью т. Теодорович, прилетевший по поручению русского советского правительства из Киева. Его речь, встреченная овацией, была переведена на венгерский язык т. Самуэли.

В своей речи т. Теодорович заявил, что он не оратор, а солдат международной революции. Он прибыл в Советскую Венгрию, чтобы передать искреннейший привет революционного пролетариата России венгерским товарищам. «В Киеве мы впервые прочли в газетах известие о том, что венгерский пролетариат поднял красное знамя революции. Теперь я вижу в действительности, что венгерский пролетарий взял власть в свои руки, чтобы уничтожить власть буржуазии. С величайшим восторгом приветствую венгерскую пролетарскую революцию. Я счастлив, что могу быть очевидцем первого заседания совета будапештского пролетариата».

Яков Вельтнер в заключительном слове ответил на речь т. Бела Куна, пытаясь доказать необходимость «человеческого подхода» к буржуазии.

Эти попытки с.-д. смягчить режим диктатуры пролетариата красной нитью проходят во всей истории господства Советов в Венгрии.

Среди крупных ошибок советской власти следует отметить неправильное разрешение ею аграрного вопроса, в понимании важности которого не было ясной позиции и у коммунистов.

Не понимая необходимости удовлетворения требований крестьянства, советское правительство постановило конфисковать помещичьи владения с площадью свыше ста десятин и передать их сельскохозяйственным кооперациям, состоявшим из батраков и бедняков. Советское правительство решило удержать помещичьи владения в целости для ведения в них хозяйства на кооперативных

началах. Оно считало возможным прямо перейти к осуществлению социалистической организации сельского хозяйства.

Членом этих сельскохозяйственных коопераций мог состоять каждый крестьянин, принимавший участие (не менее 120 рабочих дней в году) в обработке земли данного хозяйства. Члены сельскохозяйственных коопераций получали все необходимые продукты и в конце года положенную часть с чистой прибыли кооперации. До конца апреля около трех миллионов десятин помещичьих владений были обращены в сельскохозяйственные кооперации. Ближайшей задачей сельскохозяйственных коопераций советское правительство считало непрерывную обработку земли, чтобы обеспечить снабжение города продовольствием. Поэтому управляющие имений, а часто и сами помещики, графы, бароны были оставлены в имениях в качестве производственных комиссаров. Они руководили сельскохозяйственными кооперациями, и батраки должны были учиться у них ведению хозяйства. Крестьянство, разумеется, не было удовлетворено таким подходом советской власти к земельному вопросу. Однако советское правительство считало раздел помещичьих владений противоречием принципу коммунизма. Таким образом крестьянство не чувствовало, что советская власть внесла изменение в его жизнь.

Последствия ошибочного разрешения земельного вопроса советским правительством вскоре дали себя остро чувствовать. Точка зрения советского правительства повлекла за собой потерю политического союзника в крестьянстве. Отношение крестьянства к городскому пролетариату стало недоверчивым и даже враждебным. Результаты этой враждебности вскоре сказались в столице. Будапешту угрожал голод. Жены рабочих часто простаивали в очередях у пустых продовольственных лавок. Пищевых продуктов, закупленных или реквизированных в провинции, было недостаточно. Советские деньги обесценились. Все, особенно же крестьянство, отказывались их принимать. Так произошел разрыв между городом и деревней, угрожавший советской власти. Советское правительство заметило эту опасность, но считало ее временной и вытекающей лишь из последствий переходной стадии развития на пути к социализму. Поэтому Совет народных комиссаров настаивал на своей точке зрения, продолжая организацию сельскохозяйственных коопераций.

По заявлению народного комиссара земледелия т. Евгения Гамбургера, в первые недели существования советской власти только в одном округе Шомодь было образовано 270 сельскохозяйственных

коопераций, обнимающих собою площадь в 600 000 десятин. Как указывал Гамбургер —

«Советское правительство в разрешении земельного вопроса в кооперативной форме руководствовалось прежде всего интересами крестьянства. Все другие формы привели бы к раздроблению земли. И таким образом, разумеется, спустя короткое время образовался бы класс середняцких и мелких владельцев, который действовал бы не только против интересов пролетариата, но упорно препятствовал бы созданию коммунистического общества. Вторым доводом, свидетельствующим против раздробления, раздела и всех других форм разрешения этого вопроса, является то обстоятельство, что в коммунистическом обществе интенсивнейшие промышленные и сельскохозяйственные предприятия должны быть снабжены самыми усовершенствованными оборудованиями, чтобы с затратой минимального количества рабочего времени можно было добиться максимальной производительности. На маленьких участках едва ли возможно интенсивное хозяйство» ¹⁾.

На вопрос, есть ли существенная разница между венгерскими и русскими земельными преобразованиями, народный комиссар Гамбургер ответил:

«В основных принципах не может быть расхождений, так как в отношении построения коммунистического общества не может возникнуть противоречий между точками зрения русской и венгерской на аграрный вопрос. На практике, однако, существенной разницей является то обстоятельство, что русский безземельный пролетарий, захватив помещичью землю, разбил ее на мелкие участки. Правда, русское крестьянство этим революционным действием подавило и вполне уничтожило контр-революцию русских помещиков, но этим же создало такую земельную реформу, которую позже и русские товарищи вынуждены были исправить. Освобожденный русский пролетариат через короткое время тоже перейдет к той же хозяйственной системе, которая у нас уже находится на пути к осуществлению» ¹⁾.

Это заявление народного комиссара земледелия ярко иллюстрирует всю ошибочность аграрной политики венгерской советской власти. В результате этой политики все попытки, направленные к завоеванию доверия бедноты и среднего крестьянства, должны были потерпеть поражение. Деревня обособилась от города и, потеряв доверие к государственной власти, отказалась продавать свои

¹⁾ Népészava, 25 апреля 1919 г.

продукты и перешла к обмену их на промышленные изделия. Даже реквизиционным комиссиям не удавалось собрать необходимое продовольствие для голодающей столицы. В результате блокады, организованной окружающими советскую Венгрию империалистическими державами, советское правительство было вынуждено при снабжении населения продуктами опираться исключительно на внутренний рынок. Поэтому Совет народных комиссаров постановил ввести новую систему товарооборота. В деревнях были открыты государственные лавки, в которых крестьянское население могло получить необходимые для него промышленные товары не за деньги, а лишь за сельскохозяйственные продукты. Эта политика принесла с собой новый вред советскому государству. С одной стороны, этим мероприятием само советское правительство фактически признало обесцененность советских денег. С другой стороны, промышленные товары были доступны только богатому слою крестьянства, имевшему лишние продукты для обмена. Беднота же была лишена возможности приобретать промышленные товары. Из этой системы товарообмена вытекало, что богатые крестьяне спекулировали полученными ими из государственных лавок промышленными товарами, перепродавая их беднякам, оплачивая таким образом наемный труд.

Советская власть в опасности!

Венгерские коммунисты, участвуя в советах, понимали, что советская Венгрия, представляющая собой маленький социалистический остров в империалистическом окружении, изолированно не может обеспечить себе существования. Они рассчитывали на активную поддержку международного пролетариата, особенно на рабочих государств, окружающих Венгрию. Венгерские коммунисты ни на минуту не сомневались в том, что антантовский империализм сделает все возможное, чтобы изолировать и задушить пролетарскую революцию в Венгрии. Антантовские державы спешили подтвердить правильность этих расчетов венгерского советского правительства. Уже 4 апреля будапештский представитель Антанты генерал Сметс вручил ноту народному комиссару по иностранным делам т. Бела Куну, в которой были перечислены требования Антанты относительно установления венгерских границ и предпосылок для приглашения представителей венгерского правительства на мирную конференцию. Антанта требовала отступления венгерских войск на

установленную демаркационную линию. В случае выполнения этого требования генерал Сметс обещал «предложить собравшимся в Париже великим державам прекратить блокаду Венгрии и облегчить ей ввоз товаров первой необходимости, особенно жиров и угля».

Венгерское советское правительство обратилось к антантовским державам с ответной нотой, в которой указывало, что предъявленные в ноте Антанты требования являются приказом, выполнение которого означало бы нарушение права народов на самоопределение. Совет народных комиссаров предложил Антанте установить нейтральную зону между советской Венгрией и враждебными ей государствами, отодвинуть назад линию, занимаемую оккупационными войсками, оставить в силе конституцию советской республики и в нейтральной зоне и отказаться от вмешательства в созданные советской властью экономические и социальные взаимоотношения. Нота советского правительства упоминала также о преследованиях, которым подвергалось на оккупированной территории рабочее движение.

Было ясно, что империалистические державы не могут принять предложения советского правительства, заключавшегося в признании права народов на самоопределение. Они ждали только удобного момента для нападения на советскую Венгрию. Армия румынских бояр уже 17 апреля перешла демаркационную линию и начала наступление на пограничные отряды Красной армии. Наступление произошло на линии Синервараль — Зилах — Чуча, где слабые части войск были вынуждены отступить назад. Весть о нападении румынских войск в тот же день распространилась по Будапешту. Советское правительство в официальном сообщении доводило до сведения населения об угрожающей пролетарской стране опасности. Всюду шла усиленная вербовка в Красную армию. Советское правительство обратилось к пролетариату с воззванием: «Революция в опасности!».

23 апреля будапештский пролетариат по поводу мобилизации рабочего класса устроил демонстрацию. Шествие из шестнадцати тысяч вооруженных рабочих, организованных в красные полки, показало преданность революции будапештского пролетариата. Рабочие и красноармейцы с цветами, приколотыми у острий штыков, тянулись по улицам к зданию центрального клуба социалистической партии, на балконе которого принимали парад т. Бела Кун и другие члены советского правительства. Одни за другими проходили рабо-

чие Чепельского металлического завода, мясники, рабочие заводов Липтака, Гофгер-Шранца, Тайдлов-Дитриха, железнодорожники, рабочие электрического и судостроительного заводов. Затем шли печатники, строительные рабочие, деревообделочники и батальоны других профсоюзов. Рабочие полки остановились на улице Андраши. Пятиверстная улица была полна вооруженных рабочих. Над толпой парили аэропланы красного воздушного флота, бросая летучки. Народные комиссары во главе с Александром Гарбаи и Бела Куном проходили мимо рабочих полков, обращаясь с речами к рабочим.

Демонстрация вооруженного пролетариата Будапешта произвела сильное впечатление на массы и на руководителей советской власти. Вожди венгерской революции поняли, что советская власть может опираться лишь на вооруженные силы пролетариата. Демонстрация показала ошибочность тактики социал-демократов, колебавшихся в провозглашении пролетарской диктатуры и пытавшихся искать мирного соглашения с внешними врагами пролетарского государства. Один из колеблющихся народных комиссаров, бывший министр правительства Карольи, Сигизмунд Кунфи, под впечатлением вооруженной демонстрации пролетариата поместил в «Нэпсаве» передовицу, в которой писал, что теперь только он понял «ту ненависть и гнев, с которыми русские коммунисты говорят и пишут о социал-демократах западных государств. Большевицкая Россия в течение полутора года строит пролетарскую революцию и в течение полутора года видит, как мировая буржуазия душит пролетарскую революцию с помощью и при активном участии западной социал-демократии».

Народным комиссариатом по военным делам были приняты срочные меры для усиления пограничных войск Красной армии. Совет народных комиссаров постановил половину своих членов послать на фронт. Главнокомандующим Красной армией был назначен народный комиссар Вильгельм Бем, командующим тылом — народный комиссар Тибор Самуэли, главной задачей которого было подавление контр-революционного движения и обеспечение порядка и дисциплины. Тов. Самуэли был в русском плену и имел таким образом возможность наблюдать зверства белого террора; в первом же из своих воззваний к населению он предупреждал буржуазию о последствиях всяких контр-революционных действий.

«К классовому врагу пролетариата, буржуазии, — писал т. Самуэли, — я не обращаюсь с какой-либо просьбой. Я хотел бы только, чтобы буржуазия запомнила следующее: кто поднимет руку против власти пролетариата, кто открыто или тайно будет подстрекать к контр-революции, либо поддерживать и скрывать ее агентов, кто не будет выполнять всех приказов Совета народных комиссаров и главного командования, тот подпишет свой собственный смертный приговор. Исполнение приговора — наша задача»¹⁾.

По официальным сообщениям «Венгерского телеграфного агентства», румыны 22 апреля продолжали свое наступление на линии между реками Тиссой и Марошем. Красные отряды во многих местах, особенно у города Дебречина, проявили недисциплинированность. При таких обстоятельствах Дебречин в течение ночи был эвакуирован. Дебречинские рабочие до последней минуты защищали советскую власть и мужественно, с полным сознанием революционной дисциплины, выполнили свой долг. 25 апреля вслед за румынами и югославы напали на Красную армию. Молодой советской власти пришлось вести острую борьбу с количественно сильными врагами. Положение Красной армии еще затруднялось тем, что контр-революционное движение буржуазии внутри страны оказывало поддержку внешним врагам. Представители венгерской аристократии и буржуазии, бежавшие за границу, возбудили ходатайство перед Антантой о военной интервенции против советской Венгрии. Венгерские офицеры, находившиеся на оккупированной территории, вступили во враждебные советской Венгрии армии, желая как можно скорей задуть пролетарскую революцию. При захвате городов красными войсками контр-революционеры нередко бросали из окон ручные гранаты в красноармейцев. Враждебные армии использовали венгерских контр-революционеров с целью шпионажа.

К наступлению румынской армии скоро присоединился и поход чешской армии против советской Венгрии. Первомайский праздник венгерского пролетариата прошел под знаком внешней опасности. Все же международный день рабочего класса был отпразднован в красной Венгрии с величайшей помпой и энтузиазмом. В красном Будапеште четверть миллиона рабочих и тридцать тысяч красноармейцев участвовали в первомайской демонстрации. Город был

¹⁾ Это воззвание было опубликовано тогда же во всех газетах Венгрии.

разукрашен красными флагами. На улицах выступали ораторы, актеры, художники. На площадях были воздвигнуты памятники Ленину и скульптурные произведения на революционные темы. Стены были сплошь заклеены плакатами: «В Красную армию!», «Организуйте на фабриках рабочие батальоны!», «Дрожи, прячущийся в темноте и шипящий по углам контр-революционер!». Улицу Андраши в самом ее начале пересекала огромная с красными колоннами арка с надписью: «Уничтожайте капитал, чтобы на его развалинах построить международное коммунистическое общество». Вместо четырех скульптурных изображений национальных героев, выставленных на площади Октогона, были сооружены четыре огромных, затянутых красной материей, шара. На крупнейших зданиях различные надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует пролетарская диктатура!», «Да здравствует Ленин, вождь мирового пролетариата!».

Праздновавшие в Будапеште рабочие не знали об угрожающей красной столице опасности. 1 мая Красная армия, боровшаяся на румынском фронте, потерпела катастрофическое поражение. В эту ночь главнокомандующий Красной армией Бем сообщил советскому правительству, что румыны перешли реку Тиссу. По официальным сообщениям генерального штаба Красной армии, румынская армия уже 30 апреля подходила к Тиссе, 1 мая же румыны заняли город Сольнок. В результате наступления чешской армии Красная армия была вынуждена эвакуировать город Мишкольц. Река Тисса была наилучшей опорой Будапешта. Поэтому переход румынской армии является непосредственной опасностью для столицы, лежавшей недалеко от Тиссы.

На заседании революционной политической комиссии Совета народных комиссаров главнокомандующий Бем предложил немедленно начать с румынами переговоры о перемирии. Члены политической комиссии — социал-демократы охотно высказывались за предложение главнокомандующего Бема и всеми силами стремились добиться соглашения с внешними врагами пролетарской революции. Но т. Бела Кун и другие коммунисты, состоявшие членами политической комиссии, энергично настаивали на том, чтобы обратиться к пролетариату с призывом к обороне социалистической республики. Социал-демократы, во главе с главнокомандующим Бемом, называли предложение коммунистов «революционным романтизмом». На пленарном заседании Совета народных комиссаров,

состоявшемся на другой день утром, социал-демократы — народные комиссары единодушно требовали отставки советского правительства и образования социал-демократического правительства из представителей профессиональных союзов. Кун, Ландлер, Погань, Санто, Самуэли требовали призвать пролетариат на защиту диктатуры. Делегация профсоюзов, появившаяся на заседании Совета народных комиссаров, неожиданно высказалась за принятие предложения коммунистов. В конце заседания, под нажимом коммунистов, было решено призвать пролетариат к вооруженной защите революции.

Городское собрание делегатов профсоюза металлистов после выступления коммунистических вождей приняло резолюцию о добровольном вступлении рабочих будапештских заводов в Красную армию. Но большинство одновременно заседавшего собрания красных командиров рабочих батальонов после пораженческой речи главнокомандующего Бема отвергло предложение коммунистов.

Будапештский совет рабочих и красноармейских депутатов вечером 2 мая обсуждал внешнее и внутреннее положение страны с точки зрения военной опасности. От имени Совета народных комиссаров выступил т. Бела Кун, открыто обрисовав всю опасность военного положения.

«Мы дошли до того, — заявил т. Кун, — что уже не румыны, а наши собственные войска угрожают Будапешту. Я не хочу вызывать отчаяния, так как сам я далек от него. Из моих уст вы никогда не услышите слов отчаяния, потому что я никогда, никогда не отчаиваюсь за судьбу пролетариата.

Наше военное положение, товарищи, обстоит таким образом: Сольнок уже занят румынами, мы взорвали мост, и наши войска на южном фланге из прекрасно укрепленной позиции, из окопов, выстроенных инженерами, бежали, увлекли за собой и те отряды, те два батальона, которые честно боролись, под командованием т. Зейдлера. Нашу первую и пятую дивизии, — если мы говорим о дивизиях, то нельзя думать, товарищи, о многочисленном войске, — отступившие от северной Тиссы, мы должны были разоружить, чтобы спасти для пролетариата, по крайней мере, оружие. У Мишкольца наши войска оказали кое-какое сопротивление, но и этот город, по всей вероятности, еще сегодня будет занят чехами. Кое-где еще имеются отряды, пытающиеся вести борьбу, руководствуясь пролетарским инстинктом, но большинство войск находится в таком состоянии, что Будапешт, оставшись без защиты, может ждать румынского наступления, потому что наши войска не способны даже к защите, не говоря уже о наступлении. Речь, това-

рищи, идет о том, отдать ли Будапешт или бороться за него, бороться ли будапештскому пролетариату за сохранение диктатуры в Будапеште. (Возгласы: «Бороться!»).

Товарищи, я уже не верю словам. (Возгласы: «Правильно!»). Я, товарищи, верю только действиям. Это не отчаяние, товарищи. Я говорю вам: если будапештский пролетариат не будет бороться сейчас, то он будет бороться после, платя во сто крат большей ценой а свою теперешнюю летаргию, отчаяние и позор. (Аплодисменты).

Есть две точки зрения, товарищи. Одна — временный отказ от диктатуры, другая же — борьба до последней капли крови. Бороться, пока от советской Венгрии останется хоть пядь земли. (Аплодисменты). Не аплодируйте... (Аплодисменты). Не аплодируйте, товарищи, нет никакого смысла рукоплескать. Я не обращаю внимания на возгласы, я доказал, — когда мы, маленькая группа, начали борьбу за диктатуру рабочего движения, против большинства, — что мне безразличны и брань и рукоплескания. Мы начали эту борьбу тем, что поверили в осуществление диктатуры. Диктатура была осуществлена, и осуществится еще раз, даже если советская Венгрия теперь будет разбита. Путь к социализму, к коммунизму идет только через диктатуру пролетариата.

Если диктатура будет теперь уничтожена, то только потому, что она стоила слишком мало крови пролетариату. (Возгласы: «Правильно! Правильно!»). Она обоилась нам слишком дешево, нам отдали ее даром. Если бы за нее было заплачено больше крови, больше оружия и больше борьбы, если бы наши противники в рабочем движении были более бесчестны, если бы и у нас были Носке и Шейдеманы, до конца державшиеся за носкеизм и шейдеманизм, тогда, может быть, мы завоевали бы диктатуру ценой больших жертв, но тогда не было бы того, что наблюдается теперь, товарищи, когда на некоторых заводах рабочие относятся к диктатуре так, будто не имеют к ней никакого отношения.

Товарищи, я говорю вам: пока есть возможность, нужно бороться изо всех сил за сохранение диктатуры пролетариата. Нужно бороться до тех пор, пока хоть одно ружье будет годно к стрельбе. Борьба, товарищи, — это стрельба из ружей, штыковой бой и организационная работа, а не рукоплескания, не овалы и не обещания.

Товарищи, Будапешт должен быть защищен во что бы то ни стало. Будапешт должен быть защищен, потому что мы должны защищать венгерское рабочее движение, эту славную часть международной пролетарской революции». (Аплодисменты.)¹⁾

В прениях по докладу т. Бела Куна выступили многие члены Будапештского совета. Коммунист Лайош Киш предложил призвать

¹⁾ Nepszava, 3 мая 1919 г.

рабочих к вооруженному сопротивлению. Коммунисты Кельнер, Кевеш, Лукач, Хирошк тоже высказывались за вооруженное сопротивление. Социал-демократ Рихард Шварц считал необходимым до сопротивления точно узнать численную мощь враждебных сил, чтобы избежать напрасного кровопролития. По мнению социал-демократа Якова Вельтнера, следовало бороться не против будапештской буржуазии, а против румын ¹⁾.

После речей главнокомандующего Вильгельма Бема и народного комиссара Гаубриха, с заключительным словом снова выступил т. Бела Кун, после чего Будапештский совет принял резолюцию о вооруженном сопротивлении пролетариата. Одновременно было решено половину членов совета послать на фронт ¹⁾.

На другой день был опубликован приказ Совета народных комиссаров о всеобщей мобилизации пролетариата. Коммунисты призывали на фабриках рабочих к защите пролетарской диктатуры. В результате постановления Будапештского совета и лихорадочной агитации коммунистов в тот же день больше ста тысяч рабочих собрались в казармах, чтобы вступить в Красную армию. В течение нескольких дней Красная армия была реорганизована. Вместе с тем шла организация крестьянских полков. Через несколько дней была организована сильная красная артиллерия. Красные полки рабочих и крестьян друг за другом выступали на фронт. Совет народных комиссаров главнокомандующими Красной армией снова назначил Вильгельма Бема, заместителем же его — Бела Куна; начальником генерального штаба был назначен полковник Штромфельд, командующим корпусом, борющегося с чехами, — Ландлер, командующим корпусом у Тиссы — Бела Ваго. В результате реорганизации и укрепления Красной армии через несколько дней удалось отогнать румынскую армию за реку Тиссу. Молодая Красная армия спасла Будапешт, сердце венгерской пролетарской революции.

И. Грейнер.

(Окончание следует).

¹⁾ Nèpszava, 3 мая 1919 г.

Приложение.

Письмо Бела Куна тов. Игнату Богару.

«Дорогой, уважаемый товарищ Богар!

При вашем посещении меня в сборной тюрьме вы обратились ко мне с просьбой наметить платформу, на основе которой, по моему мнению, возможно было бы объединить венгерское рабочее движение. К этому я еще добавляю, что настоящая платформа касается не только объединения, но и интернационализации этого движения.

Прежде всего, однако, я должен заявить, что, пока мы находимся под арестом, мы никаких переговоров не ведем. Обосновывать здесь, почему мы этого не делаем, по-моему, совершенно излишне.

Что касается самого единства рабочего движения, то моя точка зрения заключается в том, что только настоящее, а не кажущееся единство служит освобождению пролетариата. Я думаю, — и для этого не нужно никаких доказательств, — что единство пролетариата, которое, как пишет «Нэпсава» в своем номере от 9 марта, объединило бы пролетариат в лагере Шейдеманов, было бы только вредно. Полезным было бы только такое единство пролетариата, только такая единая организация рабочего движения, основой для которых является теоретическое и принципиальное единство, а не классовое сотрудничество. Я напоминаю вам точку зрения Маркса о том единстве, которое абортировало Готскую программу, вытекавшую из компромисса эйзенахцев и лассальянцев. В своем письме, обращенном к Бракке в связи с критикой Готской программы Маркс говорит следующее:

«Мы знаем, как самый факт объединения удовлетворяет рабочих, но они сильно заблуждаются, если думают, что этот успех не был куплен дорогой ценой».

В отношении тех эклектиков, которые все ссылки на Маркса называют догматизмом, талмудо-марксизмом, поклонением авторитетам, — между прочим они стремятся заменить Маркса собственной своей бессодержательностью, — спешу пояснить, что цитируемая мною фраза верна не потому, что сказана Марксом, — факты подтверждают ее правильность.

Если бы русские большевики не прекратили уже в 1907 году, — как говорит Ленин, — политической борьбы внутри партии, если бы Роза Люксембург, Либкнехт и Франц Меринг и даже малокровнейшие независимые социалисты во время войны не порвали с кажущимся единством германского рабочего движения, если бы итальянские социалисты во время войны в Триполи не сделали того же самого, и тем не создали бы себе свободу действия и на основе отдельной организации возможность пропаганды, тогда, я полагаю, история рабочего движения была бы беднее революционными событиями и, главным образом, удачами. Возможно, что так называемая братоубийственная борьба, борьба одной части пролетариата с дру-

гой, не была бы такой открытой, но пролетариат, несомненно, сберет лишние жертвы благодаря этой открытой борьбе. К этому нужно еще добавить, что каждый новый год капитализма возлагает на пролетариат все больше и больше жертв. И я спрашиваю: не является ли столкновение между организованным в профсоюзы и стоящим вне них пролетариатом тоже братоубийственной борьбой?

Есть и неизбежное, так называемое «необходимое» зло. То обстоятельство, что мне прошибли голову, и то, что это может еще повториться, — это и есть необходимое зло. Для меня это — зло, для рабочего движения же это в конечном результате будет преимуществом. Пусть и другие поднимутся до этой объективной исторической точки зрения.

Объединение рабочего движения должно быть осуществлено. Но чтобы это объединение стало возможным, рабочее движение должно было прежде расколоться. Это не игра слов, а выражение диалектической закономерности.

Перед или после победы пролетарской революции рабочее движение во всяком случае будет единым. Я чувствую себя не ближе к венгерскому пролетариату, чем, скажем, к американскому или русскому, или чешскому, но субъективно я чувствовал бы себя все же счастливым, если бы под единством венгерского рабочего движения созрела победа пролетарской революции, и если бы объединенными силами началось проведение переходных мероприятий, ведущих к социализму.

Я не виноват, но я смотрю на события с известным пессимизмом. Настоящее положение всего международного рабочего движения вынуждает меня к этому. Все же я думаю, что объединение в чисто пролетарское, т.-е. революционное, направление скоро наступит в Венгрии.

Платформа, которую вы желали, для уяснения нашей собственной точки зрения и точки зрения наших благожелательных противников, может быть начертана в следующих тезисах:

1. Никакой поддержки так называемому народному правительству. Воздержание от участия в правительстве буржуазного государства. Отклонение всякого сотрудничества классов. Превращение рабочих организаций в орган власти рабочих, солдатских и крестьянских советов.

2. Надо порвать с политикой так называемой территориальной или, как это принято называть в последнее время, народной неприкосновенности. Энергичное наступление против появившейся в результате классового сотрудничества так называемой революционной обороны страны; новой войне против чехов, румын или сербов во что бы то ни стало надо препятствовать. С революционной войной пролетарская партия может согласиться только в том случае, если бы:

а) вся власть фактически и полностью перешла в руки промышленного и сельскохозяйственного пролетариата;

б) всякая связь с капиталистическими интересами действительно прекратилась;

в) налицо имелись все гарантии для того, чтобы война не создала нового национального угнетения.

3. Можно констатировать, что венгерская революция в настоящее время находится в стадии переходного периода от так называемой общей и национальной к пролетарской революции, т.-е. к эпохе социальной революции. Венгерская революция является результатом выступления международных пролетарско-революционных сил, выступивших активно в результате общего банкротства капиталистического производства. Выводы этих утверждений надо использовать для следующих политических действий, необходимых в интересах пролетариата и Венгрии:

а) Не парламентская республика, а временно централизованная республика советов из представителей рабочих и крестьян.

б) Уничтожение постоянной армии и всех особых формирований вооруженных сил (полиция, жандармерия, пограничная полиция и т. д.). Замена их классовой армией вооруженного пролетариата; разоружение буржуазии.

в) Совершенное искоренение бюрократии. Самоуправление пролетарских масс таким образом, чтобы советы рабочих и крестьян были не только законодательными, но и исполнительными и судопроизводственными органами. Каждая должность должна быть выборной. Мандаты должны быть ограничены сроком и в любой момент аннулируемы. Жалованье лиц не должно превышать дохода квалифицированного рабочего. Больший доход на основании опыта русской революции может быть разрешен только специалистам. Политическая конституция, построенная таким образом, гарантирует проведение ведущих к социализму переходных мероприятий и возможность уничтожения контр-революционных стремлений буржуазии.

4. Еще до проведения ведущих к социализму переходных мероприятий и до завоевания государственной власти необходимо немедленно установить (в частности, вместо фабзавкомов) централизованный контроль рабочих советов и децентрализованный контроль ревизирующих рабочих советов над промышленным и сельскохозяйственным производством и над распределением продуктов. Одновременно должен проводиться точный учет имеющихся в наличии производственных сил, сырья и продовольственных продуктов с помощью советов рабочих и крестьян.

5. Переходные мероприятия, ведущие к социализму, в грубых чертах могут быть намечены так:

Конфискация земельных владений для пролетарского государства. Воспрещение наемного труда в частных хозяйствах. Вся земля должна быть объявлена государственной собственностью. Таким образом, вся земля, кроме обрабатываемой самим владельцем и его семьей, будет обрабатываться государством с помощью

крестьянских советов. Энергичная борьба против земельного раздела. В этом отношении и основание сельскохозяйственных производственных коопераций может быть временным, переходным средством.

6. Социализация банков для пролетарского государства, конфискация всех их доходов и сейфов.

7. Социализация промышленности и транспорта, в первую очередь, конечно, крупной промышленности, и концентрация ее средствами пролетарского государства. Во главе заводов и всего производства и транспорта должны стоять рабочие дирекции. (Состав дирекции может быть, примерно, таким: $\frac{1}{3}$ дирекции может состоять из представителей рабочих, занятых в данном предприятии, $\frac{1}{6}$ из делегатов профессиональной организации данной производственной отрасли, $\frac{1}{6}$ из делегатов потребительских организаций, $\frac{1}{3}$ из представителей руководящего народным хозяйством учреждения.)

8. Немедленная монополизация экспорта и оптовой торговли. Монополизация важнейших продовольственных продуктов. Распределение должно производиться только между трудящимися на основе трудовых карточек, через потребительские кооперативы или посредством соответствующих отделов рабочих и крестьянских советов. (Основой могут служить и группы, снабжающие заводы.)

С целью реализации трудового дохода зарплата должна быть превращена в натуральную (выдаваться натурой).

9. Немедленное проведение в жизнь всех требований по охране труда, содержащихся в переходной программе социал-демократической партии, и вместе с этим обеспечение трудовой дисциплины.

10. Государство должно вести пропаганду социализма. Немедленное отделение церкви от государства. Школа должна открыто стать на службу социалистического воспитания.

Вот та платформа, на которой, по моему мнению, вскоре объединится революционное крыло рабочего движения, а вслед за ним и все рабочее движение.

Опыт, накопленный во время господства демократии, точнее сказать, буржуазной демократии, думается мне, уже многих претрезвил и в Венгрии. Теперь уже ясно не только банкротство политики земельного раздела, но и так называемой реформы бюрократии так же, как и возложенные на учредительное собрание надежды оказались несостоятельными. Лживость теории о равенстве и буржуазной демократии, выставляемой как всеобщая демократия, и несостоятельность этой теории при проведении ведущих к социализму переходных мероприятий обнаруживаются тогда же при противопоставлении эксплуататора эксплуатируемому. Могут ли эксплуататор и эксплуатируемый вообще считаться равноправными?

Идея пролетарской диктатуры должна быть распространена еще шире, или иными словами, идея пролетарской диктатуры должна бы зреть в мозгу тех, кто серьезно желает уничтожения

эксплоатации; на платформе этой программы должны объединиться революционные элементы рабочего движения, так как и социалистические партии в Италии и в Швейцарии, независимые социалисты в Германии и сербские социалисты приняли эту программу.

Ссылка на недостаток угля и на распад капитализма, и лозунг «Не можем же мы социализировать ржавое железо», и выставление международного положения как страшного пугала — все это не может удержать ни одного революционно мыслящего социалиста действовать открыто и в этом смысле.

Ссылка на международное положение служит теперь только империализму Антанты, как и так называемая революционная оборона страны. Вернее, всякое утверждение, которое ссылкой на недостаток угля становится поперек дороги пролетарской революции, служит территориальной неприкосновенности. Кто вместо пролетарской революции, т. е. завоевания политической власти советами, пропагандирует революционную оборону страны против румын и чехов, чтобы капиталистические заводы получили уголь, тот во имя успешного завершения этой войны охотно отдаст венгерский пролетариат в услужение империализму Антанты.

По моему мнению, не американский спекулянт продовольствием и не уголь, купленный за амуницию у прислужников Антанты, польских и украинских контр-революционеров, принесут спасение венгерскому пролетариату, — так как они могут принести с собой только империалистическое рабство. Прежде всего нужен союз с русским, германским, латышским и украинским революционным пролетариатом. Это наша неотложная задача в отношении внешней политики, и только таким образом возможна речь о немедленном объединенном выступлении. Те, кто проповедывал, что спасение принесет Лига наций, доверяют теперь больше солидарности итальянского, французского, английского и чехо-словацкого пролетариата. Эти части международного пролетариата будут несомненно раньше солидаризировать с пролетарской Венгрией, чем с государством, возглавляемым президентом Карольи.

Международная революция — не обман, как Лига наций. В декабре еще, если память мне не изменяет, сторонники Вильсона в Германии и, главным образом, в Англии гордо хвалились тем, что в этих странах пролетарская революция невозможна. И вот германские спартаковцы уже не одни, и революционные пролетарские элементы из независимых социалистов и даже из социалистического большинства являются сторонниками пролетарской революции. Можно ли назвать братоубийственной войной ту войну, которая ведется сейчас в Германии? Состоят ли так называемые добровольные корпуса тоже из «братьев»? Интересуетесь ли вы, дорогой товарищ, тем, почему правительство отказывается опубликовать полученные в Чепеле радиотелеграммы о требованиях английских рабочих и солдатских советов и подробности лондонских волнений? Если вы встретите кого-либо из посвященных правительственных

мужей в момент откровенности, то, может быть, он и откроет вам, что содержат в себе эти радиотелеграммы.

С банкротством Лиги наций должно было наступить и банкротство Верна, так как международная политика Верна была лишь приложением к парижской политике. Это означает одновременно и новый шаг к победе революционного Интернационала. Это — первое условие успеха всякого стремления к единству.

В связи с единством в первую очередь, по моему мнению, должны быть разрешены следующие конкретные вопросы:

1. Общая конференция революционных элементов и обсуждение предложенной мною платформы.

2. Максимальная переработка партийной программы в том смысле, чтобы она содержала в себе:

а) оценку империализма как особой стадии капитализма; констатирование банкротства капитализма; борьбу с государственным социализмом и с государственным капитализмом;

б) отношение пролетариата к государству (мы, само собой разумеется, требуем советской республики);

в) переработку переходной программы в смысле вышеуказанных принципов.

3. Присоединение к революционному Интернационалу.

Еще одно. Так называемое правительство из социалистов не означает приближения к революционной диктатуре пролетариата, приближения к пролетарской демократии. При известных обстоятельствах это означает как раз уклонение от этого направления. Сама парламентарная система, организация буржуазного государства являются препятствиями для самоуправления пролетарских масс и для перехода к социализму. Утопия о возможности существования какого-то чисто социалистического правительства, которое могло бы осуществить пролетарскую демократию в парламентарной республике. Господство правительства, составленного из социалистов, так же мало можно считать пролетарской демократией и наличием политических предпосылок для устранения капитализма, как нельзя считать социализацией государственный социализм, начавший очень характерно в Венгрии с социализации сахарных заводов.

Я писал вам это, уважаемый товарищ, и я думаю, не подлежит никакому сомнению, что я при всех обстоятельствах буду бороться за эту программу, осуществление которой, по моему мнению, является предпосылкой к освобождению пролетариата. Я не стыжусь, а наоборот, горжусь тем, что в этой борьбе нас поддержал Ленин и даже, я не боюсь открыть этого, — германские спартаковцы. Я не стыжусь также поддержки, выразившейся в рублях, но я горжусь тем, что Радек и я оправдали оказанное нам доверие, которое мы постараемся оправдать и в будущем.

Кто в Венгрии будет персонально возглавлять диктатуру пролетариата? Этот вопрос, так много обсуждаемый некоторыми, яв-

ляется для меня второстепенным вопросом. Я думаю, что этот вопрос ни в коем случае не зависит от отдельных личностей, а что это дело самих пролетарских масс. И во главе станут те, у кого будет больше убежденности и смелости. Я спокойно могу сказать из тюрьмы, что для меня не важно быть в первых рядах при распределении власти, я только хотел бы и в Венгрии стоять в первых рядах борющегося пролетариата, как я боролся в них и в России. Действие — испытание революционеров.

Мы, называющие себя коммунистами и поэтому сидящие здесь, в этом органе насилия буржуазного государства, и ожидающие, что борьба между революционным и реформистским направлениями рабочего движения будет разрешена судом присяжных, состоящим из торговцев района Терезии, купцов Леопольдского района и мясников Иозефштадтского района, — мы, коммунисты, все хотим только этого.

Я знаю, что эта борьба, что эта конечная, решительная борьба для освобождения пролетариата, хотя, возможно, и не будет разрешена единой рабочей партией, все же сплотила рабочее движение всех стран в одно. После первого этапа борьбы рабочее движение станет безусловно единым, каким оно стало в России, где — во избежание ошибок я хочу отметить — не большевики приняли точку зрения меньшевиков.

От моего имени, как и от имени моих товарищей, знакомых с этим делом, остаюсь с товарищеским приветом.

Бела Кун.

Будапешт, 11 марта 1919 г.»¹⁾.

¹⁾ Bèla Szànto, Klassenkämpfe und Diktatur des Proletariats in Ungarn. Mit Vorwort von Karl Radek. Berlin 1920.

Большевистская организация в Вятке в начале 1917 г.

Февральская революция взметнула из недр вятской общности немало демократических организаций с различными целями и задачами. Ожили земство и городская дума. Организовались Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов, после оба Совета слились в один.

К моменту февральской революции в Вятке не было ни большевистских, ни меньшевистских подпольных комитетов. Всплыли отдельные социал-демократы, организационно между собой не связанные и не ведущие, повидимому, никакой партработы. Да и среди этих социал-демократов не оказалось ни одного большевика ¹⁾, — все были меньшевиками-оборонцами.

Вятка как будто была «чиста» от большевиков. Всюду сидели либералы, кадеты, трудовики, эсеры, меньшевики. Они бросались из района в район, с фабрики на фабрику, из казармы в казарму и везде призывали к продолжению войны, к поддержке временного правительства. «Война до победного конца!», «Все для обороны отечества!», «Все на фронт!», «Да здравствует временное правительство!» — такие лозунги сыпали эти «революционеры». И эти лозунги в первые дни революции находили отклик в массах.

Вскоре господами положения стали меньшевики и эсеры. За ними в первые дни шли не только обыватели, но и рабочие и солдаты. Социал-предатели упивались лаврами победы и были уверены, что они спасут Вятку от большевистской заразы.

Каково же было их удивление и неистовство, когда вдруг, как гром с ясного неба, загредел лозунг «Долой войну!». Бросавших этот лозунг считали провокаторами, немецкими шпио-

¹⁾ Себя не считаю.

нами; им улюлюкали, травили, как зверей. Мобилизовывались все силы и средства, лишь бы задушить большевизм.

Но большевистская зараза все же выползла на свет и стала распространяться. Она шла из Питера в виде «Правды», «Солдатской Правды». Небольшая большевистская ячейка гнездилась на углу Кукарской и Николаевской улиц, в 697-й пехотной дружине.

18 марта в дружину приехал член государственной думы, представитель «трудящихся» Вятской губернии, некто Калинин. Командир дружины приказом созвал на собрание всех солдат и офицеров. Калинин в страстной и длинной речи призывал солдат к поддержке временного правительства и к войне «до полной победы над бронированным немецким кулаком».

«Не верьте большевикам! — грозил он в воздухе кулаком. — Они хотят гибели России. Я уверен, что среди вас не найдется ни одного солдата, который бы стал сочувствовать им».

Каково же было его удивление, когда на трибуну вышел солдат и, вместо приветствия Калинин и временному правительству, начал большевистскую речь, клеймя предателей.

«Правильно-о-о!... Верно-о-о!...» — дружно поддержали солдаты большевика.

Начальство дружины растерялось от этого сюрприза. Еще больше растерялся Калинин. Он развел руками и отказался выступать, быстро удалившись. Об этой 697-й дружине мы и хотим рассказать несколько подробнее.

* * *

Затянувшаяся империалистическая война требовала все новых и новых мобилизаций. Миллионы людей заполняли траншеи, села, города. Прожорливый фронт поглощал пачками и офицерский состав. Военные школы нечем стало укомплектовывать, не хватало людей со средним образованием. Чтобы утолить голод в офицерах, военное ведомство понизило образовательный ценз для кандидатов в военные школы. Солдатам из рабочих и крестьян открыли двери этих школ. Но так как рабочие и крестьяне в серых шинелях были безграмотны, им было предоставлено право держать экзамены за курс городских или сельских двухклассных училищ. Выдержавших посылали учиться для получения чина прапорщика.

На основании этого приказа в военных частях образовались группы солдат, желавших подготовиться в школу прапорщиков. Этим группам приказывалось давать разные преимущества, как то: освобождение от дежурств, караулов, иногда от строевых занятий и т. п., чтобы оставалось время на подготовку.

Некоторые из солдат 697-й дружины захотели использовать это положение. У них была большая тяга к знанию, к просвещению. Да и нелишне было получение образовательного ценза, который мог пригодиться в условиях мирного времени.

Будучи солдатом этой дружины, я решил организовать кружок самообразования. Собралось человек пять. Начальству мы заявили, что хотим готовиться в школу прапорщиков. Нам разрешили. И мы начали «готовиться». Такие же кружки мне удалось потом создать во всех ротах. Но не о всех кружках, а тем более не о всех членах кружков, знало начальство. Мало того, не все члены кружков знали друг друга. Здесь я применил организационный принцип подпольных кружков. Всех членов кружков знал только я. Это необходимо было в целях конспирации, так как я рассчитывал подготовить некоторых членов этих кружков к революционной деятельности. Никто из членов кружков не знал об этой цели. Осуществлять ее нужно было очень осторожно, чтобы не провалиться. В кружках были такие, которые действительно хотели быть офицерами и готовы были встать грудью на защиту «родины» от немцев и от «внутренних врагов». Но все же в кружки втягивались и наиболее развитые солдаты, главным образом из рабочих и крестьян. Большинство из них и не думало стать прапорщиками; они хотели побольше почитать, чтобы быть грамотными людьми. А некоторые надеялись подготовкой в прапорщики отделаться от маршевых рот, идущих на позицию.

Кружки широко пользовались городской библиотекой имени Герцена. Социологический отдел библиотеки снабжал некоторых членов кружков марксистской литературой. По поводу прочитанного велись беседы. Было строго-настрого наказано молчать как о книгах марксистского направления ¹⁾, так и о беседах.

¹⁾ Эти книги читались тайно от начальства и от солдат. Порядки на военной службе были такие, что солдат не имел права читать какой бы то ни было книги, хотя бы это была грамматика, если на нее не было специального разрешения командира роты.

Постепенно я начал знакомить некоторых товарищей с программой и деятельностью социал-демократов. Говорил об исторической неизбежности общественного переворота, переустройства жизни на новых началах. Эти члены кружка стали увлекаться революционной литературой. Пошли в ход книги по истории революционного движения на Западе. Военские уставы, грамматика, геометрия, математика отошли на задний план.

Так под носом реакционного офицерства шла революционная работа.

Трудно было предполагать, что скоро, очень скоро члены этих кружков окажутся нужны для революции. Как только получились сведения о перевороте в Питере, из этих кружков образовался «комитет солдатских депутатов». К марту 1917 года в кружках было 20 человек. Вот некоторые фамилии: Иван Карнозов, Филипп Еремеев, Ромашев, Степан Афанасьев, Павел Долгалев, Игнатов, Петр Храмцов, Иван Калинин, А. Кучкин и др.

Комитет солдатских депутатов.

О перевороте в Питере я случайно услышал вечером 13 марта (28 февраля). Как ни старался вятский губернатор держать в глубокой тайне телеграмму ¹⁾ о событиях в столице, все же весть о них робкой тенью поползла с телеграфа по городу. В дружину я вернулся уже утром. Тут же информировал членов кружков о перевороте.

Начальство дружины в этот день ходило с вытянутыми физиономиями. А по всем углам, коридорам, в уборных солдаты уже обсуждали события, говорили о наделении крестьян землицей, хоронили войну, собирались домой.

Вечером 14 (1) марта командир дружины поставил в боевую готовность целую роту, заставив ее во всем боевом снаряжении продежурить всю ночь. Солдатам было сказано, что забастовщики хотят устроить забастовку, что внутренние враги подбивают «баб» на разгром магазинов и продовольственных запасов, что солдат хотят оставить без хлеба и что придется, вероятно, толпу разгонять пулями.

¹⁾ Она опубликована была только 15 (2) марта.

Хотя официальных сведений о происшедшем в Питере все еще не было и носились разноречивые слухи, все же мы решили действовать.

Рота была сборная — в нее входили солдаты из всех рот дружины. Все члены кружков были рассыпаны по роте, и каждый инструктировал своих товарищей, как они должны действовать, если их заставят стрелять по голодным людям. Немного требовалось усилий, чтоб распропагандировать роту. Солдаты говорили, что в своих жен, отцов и братьев они стрелять не будут. Товарищам был дан такой наказ: по команде «пли!» опустить ружья или же стрелять по своим офицерам, смотря по обстановке.

Всю ночь нервничали и не спали офицеры дружины. Всю ночь продержали наготове сборную роту. Но за ночь ничего не случилось. На утро рота была распущена, а утомленные офицеры разошлись из казармы.

Утром 15 (2) марта я собрал всех членов кружков и устроил с ними заседание. Базируясь больше на догадках о происшедшем в Питере, я выступил с кратким докладом о положении и призвал товарищей к действию. Мои предложения были горячо поддержаны. Собрание, в числе более 20 человек, объявило себя «комитетом солдатских депутатов». Был избран президиум комитета ¹⁾. Наметили план. Дали друг другу клятву — в случае провала, если офицеры будут арестовывать кого-либо из нас, поднять всю дружину на бунт.

План был таков: 1) немедленно освободить всех арестованных на дружинной гауптвахте; 2) связаться с другими воинскими частями гарнизона; 3) устроить в тот же день собрание всей дружины и провести на нем резолюцию о присоединении к революции, офицеров, голосующих против этой резолюции, немедленно арестовать; 4) после общего собрания двинуться всей дружиной — вооруженными, с красными флагами, с оркестром музыки и революционными песнями, — через город к казармам других частей, чтобы вызвать на демонстрацию всех солдат и отправиться к рабочим в железнодорожный район; 5) всем присутствующим на заседании комитета немедленно рассыпаться по ротам, информировать их об организации комитета солдатских депутатов

¹⁾ Велась протокольная запись. Судьба протоколов заседания комитета мне неизвестна.

697-й дружины, о его постановлении (плане) и подготовить солдат к общему собранию и демонстрации.

Только что мы закончили заседание, как в дружину явились офицеры и забегали по ротам. Вскоре было отдано распоряжение собраться всей дружине в помещении 1-й роты. Командир дружины прочел телеграммы о свержении Николая II и об организации временного правительства, а затем «держал» речь. После него выступил я. Моя речь по содержанию была совсем иной, чем речь командира дружины. Солдаты восторженно на нее реагировали. В заключение я прочел протокол заседания комитета солдатских депутатов. Власть из рук офицеров выпала, ее взял комитет.

Тут же выступили всей дружиной на демонстрацию. Вышли на площадь, построились; я произнес речь. И только хотели двинуться, как явились два человека, один — в гражданской форме, другой — офицер. Они заявили, что посланы «гражданским комитетом». У начальства дружины, видимо, хорошо была поставлена разведка и связь с кем следует, а потому все наши мероприятия быстро становились известными. Представители гражданского комитета сумели уговорить нас отказаться от устройства в тот день демонстрации, чтобы не случилось недоразумения и не пролилась невинная кровь, не все-де еще части гарнизона знают о перевороте в Питере. Мы поддались их уговорам и вернулись в казарму.

Я и Игнатов тут же бросились по казармам других частей, чтоб информировать о решении солдат дружины. Я бросился в учебную команду — самый «верный» оплот царизма. Туда набирались самые послушные начальству солдаты. Команда выполняла все распоряжения своего начальства беспрекословно. Дисциплина там была строжайшая. Эту-то команду и нужно было с'агитировать в первую очередь. С трудом удалось ее с'озвать. Первые мои слова о революции вызвали большое недоумение и удивление. Но потом все пошло хорошо. Стены казармы огласились криками: «Долой царя! Ура-а-а! Да здравствует революция!».

С неменьшим восторгом встречали наши сообщения и в других казармах. Но демонстрации все же не было, — она состоялась лишь 25 (12) марта по инициативе, кажется, гражданского комитета.

Потом была установлена связь и с рабочими; среди них ораторы из комитета солдатских депутатов были очень популярны.

У себя, в дружине, комитет был хозяином положения. Без его согласия не проводилось ни одно мероприятие начальства. Он брал под контроль все распоряжения командира дружины.

Во все демократические организации представителей от дружины посылал комитет солдатских депутатов. В первую очередь он посылал большевиков, а затем уже меньшевистствующих и эсерствующих. В главные «боевые» органы посылались большевики. Так, они входили в Совет рабочих и солдатских депутатов, в гарнизонный комитет, в гражданский комитет. Везде они проводили большевистскую линию, с первых же дней революции ведя борьбу с социал-соглашателями.

Ядром большевизма в Вятке являлся комитет солдатских депутатов в 697-й дружине. Дружинное начальство всячески старалось ликвидировать этот комитет или по крайней мере вырвать из рук большевиков руководящую роль. И то и другое потерпело неудачу.

Гражданский и гарнизонный комитеты.

В гражданском комитете по охране общественного порядка заправилами были деятели земства, городского самоуправления, адвокаты и пр. Были там представители от рабочих и солдат, но они играли больше роль заложников или информаторов. Правда, к голосу их прислушивались, их спрашивали, как отнесется к тому или иному решению гражданского комитета рабочая и солдатская масса. Но все делалось по желанию представителей буржуазии.

В первые дни революции этот гражданский комитет был фактически высшей властью не только в городе, но и в губернии ¹⁾. Организовавшийся потом Совет рабочих и солдатских депутатов был вначале чем угодно, но не властью. Все дела города и губернии решались в гражданском комитете. Комитет этот арестовал жандармское управление, разоружал полицию, боролся с самогонщиками, разрешал продовольственные дела, регулировал торговлю и т. д. Он руководил уездами и улажи-

¹⁾ После он, кажется, переименовался в губернский гражданский исполком.

вал конфликты с гражданскими властями в них. Так, например, его представители ездили в Котельнич, где организовалась своя самостоятельная «республика», не желавшая подчиняться Вятке. На устроенном котельничанами банкете обе стороны договорились, и подчиненность Котельнича Вятке была вновь установлена.

Обострение продовольственного вопроса возбуждало городскую бедноту. Она наступала на губернские и уездные власти; последние теряли голову, бросались за помощью и указаниями в Вятский гражданский комитет. Таким образом, к этому комитету началось целое паломничество из уездов. Сама жизнь заставила его быть руководителем общественно-экономической и политической жизни в губернии.

Гражданский комитет горой стоял за временное правительство. Его очень коробила деятельность Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

«Этот Совет узурпирует власть временного правительства! — вопили «отцы города». — Это — нетерпимо! Его следует разогнать. Он губит революцию!».

Большевиков же, особенно Ленина, заправилы гражданского комитета ненавидели всем своим существом, они не находили ругательных слов, чтобы выявить свою ненависть.

Что мог я делать в этой организации? Я посещал заседания гражданского комитета только с информационной целью. Узнавая, например, размер и остроту голода, незначительность продовольственных запасов, я уходил с заседания и обсуждал с товарищами, какой линии нам держаться. Мы выходили на улицы, ходили по казармам, по рабочим районам и пользовались продовольственными затруднениями для дискредитации власти, требуя перехода ее в руки Советов, и агитировали за поддержку большевистской линии.

Не знаю, по чьей инициативе был создан гарнизонный солдатский комитет; его правильнее было бы назвать офицерским, так как в нем преобладали офицеры, да и помещался-то он в доме офицерского собрания (на Московской улице). Входил я и в гарнизонный комитет представителем от 697-й дружины. «Серяков» здесь было мало. Да и из числа их большинство были либо писаря, либо солдаты, стоявшие близко к начальству (каптенармусы и т. п.) и послушные ему. Так что тут офицеры всецело гнули свою, в большинстве случаев эсеровскую, линию.

Вначале гарнизонный комитет повел было борьбу с гражданским комитетом. Делал он это под натиском солдатской массы, по которой больно ударял продовольственный кризис. Но скоро между обоими комитетами установилась дружба. Гражданский комитет поблажками и небольшими подачками приручил к себе большинство гарнизонного комитета; последний превратился, в сущности, в орган, уговаривающий солдат и сглаживающий трения между солдатами и офицерами. Он тормозил революцию, а не углублял ее. Он также стоял за временное правительство, за продолжение войны до победного конца и терпеть не мог большевиков. Но так как в гарнизонном комитете оказались два большевика, то заседания его всегда были бурными. Большевики отстаивали свою линию. Они толкали комитет на революционные мероприятия, грозя солдатской массой.

Мы видели, что не здесь наше поле деятельности, не здесь должны разрешаться наболевшие солдатские нужды, и шли из гарнизонного комитета в казармы, рассказывали солдатам о предательской роли офицеров и всех тех, кто называл себя «социалистами». Солдатская масса все более и более прислушивалась к голосу большевиков.

Совет рабочих и солдатских депутатов.

Сначала организовался Совет рабочих депутатов, вскоре слившийся с Советом солдатских депутатов. Масса не участвовала в выборах в Советы. Депутатами посылались члены президиумов или правлений разных рабочих и солдатских организаций.

Исполнительный комитет Совета был в руках меньшевиков и эсеров, они кооптировали туда своих людей, ибо, дескать, исполком очень нуждался в культурных силах, в грамотных людях. Председателем исполкома и Совета был Войтов, товарищем председателя — Алеев (учитель гимназии); оба — ярые оборонцы.

В своей работе Вятский совет не хотел руководствоваться работой Петроградского совета, наоборот, он резко осуждал последний и проводил свою меньшевистскую линию.

В дела местных властей Совет не хотел вмешиваться; скорее он был конфликтным и культурно-просветительным органом. Сюда приходили обиженные генералы, заводчики, лавочники и часто находили здесь удовлетворение своих жалоб.

Рабочих исполком держал в узде. Недопустимо, чтобы рабочие в такое ответственное и тяжелое время вздумали выражать недовольство порядками в своих предприятиях: это — удар в спину революции! На это способны-де только большевики.

Но конфликты у рабочих с администрацией, с хозяевами возникали тут и там. Большевики из Совета старались действовать уговорами; они приглашали в исполком администрацию предприятия и представителей рабочих, сажали их за красный стол и мирили. Так, например, долгое время они улаживали конфликты рабочих с администрацией и хозяевами на Вахрушевских кожевенных и шубно-овчинных заводах и на бумажной фабрике в Вятском уезде.

Но разве можно примирить непримиримое! Стоило только покинуть представителям «примиренных» сторон помещение Совета, как на местах снова вспыхивало недовольство, ибо требования рабочих в полной мере не удовлетворялись. А требования эти были тогда поразительно скромны: небольшое увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня, вежливое обращение, увольнение какого-нибудь самодура-мастера.

Нас, большевиков, в Совете было два-три ¹⁾. Сделать здесь что-либо существенное мы были бессильны. Поэтому мы свою деятельность переносили главным образом на заводы. Мы разжигали конфликты между рабочими и хозяевами, толкали рабочих на забастовки, и нам это иногда удавалось. Мы раскрывали перед рабочими соглашательскую, предательскую роль меньшевиков и призывали следовать большевистской тактике.

Пользуясь мандатом члена исполкома, я раз'езжал по всем заводам Вятского уезда, устраивал собрания рабочих и выступал с большевистской платформой. Везде я убеждал рабочих предъявлять хозяевам требования увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, рабочего контроля над производством, права свободных собраний, посылки своего представителя в Совет и т. д.

Эти об'езды и выступления были всегда успешны. Большевистская тактика находила отклик в головах рабочих. Неоднократно мне приходилось на мелких овчинных заводах, где эксплуатация была чрезвычайно жестокая, тут же предъявлять хозяину

¹⁾ В исполком входил только один большевик; в Совет — от 697-й дружины двое: Еремеев и я.

от имени рабочих требования (вплоть до установления рабочего контроля), большей частью удовлетворявшиеся.

Нечего и говорить о том, что в исполкоме все решения принимались в духе меньшевиков. Мой голос был здесь гласом вопиющего в пустыне. Несколько иное положение было в Совете (пленуме). Здесь к нашим голосам прислушивались рабочие и солдаты. Правда, в первые дни все наши предложения единогласно проваливались. Меньшевики торжествовали. Но мы тоже не унывали. В перерывы пленумов и заседаний Совета мы энергично вели индивидуальную обработку некоторых членов; среди них мы распространяли «Правду», «Солдатскую Правду». Постепенно вербовались таким образом одиночки, голосовавшие с нами.

Помню, когда меньшевики внесли предложение послать от имени Совета приветственную телеграмму Плеханову, мы внесли предложение послать приветствие не Плеханову, а Ленину. Вокруг этих предложений развернулись прения. Меньшевики перечисляли заслуги Плеханова и порочили Ленина. Мы не отрицали заслуг Плеханова в прошлом, но резко клеймили его и его последователей за измену пролетариату в критические моменты, за поддержку империалистической войны, за социал-шовинизм. О Ленине говорили как об истинном борце за интересы рабочих и крестьян, за пролетарскую революцию, как о ярком противнике империалистической войны. Голосование нашего предложения собрало уже несколько голосов. Это была первая наша победа в Совете, вторая потом стала расти.

Часто бывало, что хозяева шли на уступки под давлением рабочих, а потом жаловались в исполком на наши действия, якобы разрушающие производство. Но вырванного в борьбе вернуть обратно уже нельзя было, и исполком (меньшевики и эсеры) мирился с положением.

А популярность большевистской партии в рабочей массе росла с каждым днем...

Собрание социал-демократов.

Меньшевики в марте торжествовали; влияние их на массы было огромное. Но у них не было организации и руководящего органа. В начале апреля по этому вопросу состоялось в исполкоме совещание, на котором решено было объявить в местной газете «Вятская Речь» о собрании всех социал-демократов, без различия

оттенков и течений. Группа меньшевиков написала объявление. Его предложили подписать и мне. Я заколебался было: не хотелось ставить свою подпись рядом с оборонцами-плехановцами. Но все же я подписался, надеясь, что моя подпись соберет на это собрание большевиков, каких я еще не знаю.

Зная, что меньшевики готовят декларацию, я набросал и для себя план выступления. Оно должно было носить характер заявления. Суть его сводилась к тому, что большевикам не по пути с меньшевиками. Я пришел на собрание пораньше, чтобы выяснить, сколько придет большевиков или им сочувствующих. «Тут, может быть, удастся заложить основы большевистской организации», думал я.

Помещение наполняли элегантно одетые мужчины и дамы. Все друг друга хорошо знали. Большевиков ругали самой отборной руганью, не отставая от черносотенцев.

Здесь я познакомился с реалистом Капустиним, о котором уже слышал, что он выкидывает в училище «большевистские фокусы». Мы с ним договорились, что уйдем отсюда, предварительно выступив с речами. Меньшевики, узнав об этом, отвели меня в другую комнату и долго уговаривали отказаться пока от тактики раскола.

После вступительного слова была прочитана декларация, вызвавшая бурную овацию. Нужно было выступить, но не хотелось: не было того воодушевления, каким я загорался на рабочих или солдатских собраниях.

Выступил с речью. Был краток. Сказал о расхождении с меньшевиками еще с 1903 года, — расхождении, превратившихся теперь в пропасть. Покидая собрание, призывал сочувствующих большевизму сделать то же. Иронические улыбочки, блеск смеющихся лорнетов и пенсне, непонятное бормотание сопровождали мой уход. Со мной вышли два товарища из дружины и, кажется, трое учащих.

Связь с ЦК.

В нашей борьбе с меньшевиками и эсерами остро сказывалось отсутствие связи с руководящими партийными органами. Некому было инструктировать нас в работе. Руководство черпали только из «Правды».

Связь с ЦК РСДРП (б) удалось установить, когда я был послан делегатом на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Один уже этот факт, что из Вятки поехал на крестьянский съезд большевик, говорит за те успехи, которые мы проделали в борьбе с эсерами и меньшевиками.

Подготовка к выборам на этот съезд началась в апреле. От солдат требовался представитель один на 150 000 человек. Все воинские части, расположенные в городах Вятской и Пермской губерний, должны были послать одного представителя. Система выборов была двухстепенная. Сначала каждая воинская часть должна была от определенного количества солдат послать выборщика в Пермь, а там выборщики из своей среды выбирали делегата в Питер.

В Вятке завязалась борьба за мандаты выборщиков. Эсеры мобилизовали всю свою ловкость по подтасовке выборов. Они стали внушать солдатам, что на этот съезд должны выбирать и быть избранными только крестьяне, только те, кто связан с землей. Рабочим нечего туда соваться, это не их дело. Чтобы провалить рабочих, офицеры в своих частях дали задание канцеляриям составить списки только на солдат-крестьян. В выборах будто бы могли участвовать только попавшие в списки.

Такой же тактики держались и офицеры 697-й дружины. Они всячески старались провалить кандидатуры большевиков. И на какую только демагогию и подтасовку не пускались они! Говорили, что большевики — рабочая партия и в крестьянском вопросе ничего не смыслят. Пускалась в ход и клевета о подкупе большевиков немцами. И все же в числе троих выборщиков дружина послала одного большевика.

Большевики из дружины держали связь с частями вятского гарнизона и по вопросу выборов на съезд. Сочувствующим большевизму был дан совет: выставлять свои кандидатуры в выборщики и горячо их отстаивать на собраниях и, чтобы обеспечить себе успех, вести среди солдат предварительную агитационную кампанию. Работа эта не прошла даром.

В Перми на съезде выборщиков завязалась ожесточеннейшая борьба за депутатский мандат. С мест привезли указы, что надо требовать по крестьянскому вопросу от Всероссийского съезда. Все эти указы должны были найти свое выражение в одном общем наказе депутату. Вокруг выработки этого наказа и завязалась

залась борьба. Бились в течение нескольких дней. С декларативными речами выступали по каждому пункту наказа. Выразителю того или иного партийного течения хотелось средактировать пункт в духе своей партийной программы.

Составленный наказ был конгломератом программных требований. Тут были кусочки программы эсеров, меньшевиков, большевиков, максималистов, анархистов. После выработки наказа приступили к выборам. Закрытой баллотировкой, к великому удивлению эсеров, оказался избранным я. Прошел незначительным большинством голосов. Эсеры подняли страшный шум. Они говорили, что тут дело нечистое, и требовали переголосования. Эсеров поддерживали меньшевики. В открытом голосовании за мою кандидатуру высказалось уже подавляющее большинство. Выборщики из вятского гарнизона сыграли тут решающую роль.

И вот я — в Питере на с'езде. Впервые здесь, после высылки меня из Уфы в Вятку, я встретился со старыми большевиками. Впервые на заседании большевистской фракции с'езда я слушал руководящие указания вождя партии — Ленина. И здесь я понял, что совершил ошибку, не создав в Вятке большевистской организации.

За время с'езда я связался с ЦК партии, помещавшимся во дворце Кшесинской. Связался там и с военной секцией. В секретариате ЦК тов. Стасова дала мне указания, что и как должен я делать по возвращении в Вятку. Эти же указания я получил и в военной секции. Тов. Стасова снабдила меня комплектом «Социал-Демократа» заграничного издания, книгами, брошюрами и письмами ЦК.

Эта связь с ЦК и лихорадочная борьба с враждебными партиями на улицах Питера при выборах в городскую думу обогатили меня новыми впечатлениями, зарядили новой энергией. В Вятку я вернулся уже с твердым решением создать большевистскую организацию.

Создание и работа нашей организации.

Не помню — где и как, я познакомился с прибывшими в Вятку на каникулы студентами. Приехали они из Питера, Казани, Харькова. Это были жители Вятки, вернувшиеся к себе домой. Их было несколько человек: Вера Зубарева, Ольга Гребенева,

Виктор Грязев, Андрей Карпов. Все они об'явили себя большевиками и выступали на митингах с большевистскими речами. Помимо их к маю еще несколько человек определились как ярые сторонники большевистской партии.

Медлить с оформлением организации было преступно. Было решено созвать организационное собрание, пригласив на него небольшое число товарищей, преданных большевизму, избрать партийный комитет.

Организационное собрание назначено было в конце мая. Присутствовали: Вера Зубарева, Ольга Гребенева, Михаил Попов, Трубинский, Андрей Карпов, Барышников, Виктор Грязев, А. Кучкин и еще кто-то. Собравшиеся познакомили друг друга с партийной работой, которую вел каждый из них. Особых докладов не было. Ограничились беседами. На этом собрании избрали партийный комитет. В него вошли: Зубарева, Попов, Грязев, Трубинский, Кучкин и др. Председателем комитета был избран я, товарищем председателя — Попов, секретарем — Трубинский. Тройка эта составляла президиум комитета.

Коллективно был намечен план ближайшей работы. Зубарева взяла на себя распространение газет и работу среди рабочих. Она целые дни проводила на железной дороге и мечтала стать работницей, чтоб успешнее шла ее большевистская пропаганда.

Партийный комитет развернул большую работу. Члены комитета отдыхали только во время короткого сна. Жгучие вопросы момента решались на ходу. Помещения у комитета не было. Он собирался то у Зубаревой, то у Грязева. Все члены комитета беспрерывно находились среди рабочих, солдат, выступая с докладами, с речами, полемизируя с социал-предателями.

Война за массу велась жестокая. Комитет посылал своих ораторов на все митинги и собрания. Они появлялись там, где их меньше всего ждали.

Деятельность комитета распространилась далеко за пределы города. Большевистские ораторы раз'езжали по заводам и фабрикам Вятского и Слободского уездов. Не было ни одного, кажется, рабочего пункта в Вятском уезде, где не выступал бы комитетчик. А через мелкие кожевенные и овчинные заведения, где работали местные крестьяне, партком влиял и на деревню. Большевистская тактика в крестьянском вопросе, особенно требование

немедленного захвата помещичьих земель и лозунг «Долой войну!» воспринимались крестьянами восторженно.

Теперь на всех этих заводах и фабриках были группы рабочих, шедших за большевиками. Они держали с парткомом тесную связь. Как только меньшевики или эсеры организуют где-нибудь собрание, в комитет сейчас же летит сторонник большевизма, и наш оратор мчится на бой.

Такое же влияние партком имел и на солдат. Серые шинели тянулись к большевикам все более и более. Социал-предатели неистовствовали, видя, как солдаты уплывают из-под их влияния. Неоднократно они натравливали обывательскую массу на большевиков, не раз пытались стащить с трибуны большевистского оратора, не раз пытались избить большевиков. Но каждый раз стена солдат грозно вырастала перед носом разъяренной толпы и заставляла ее ограничиться лишь изощренными ругательствами.

Однажды исполкомом был устроен общегородской митинг на площади у Александровского сада. Здесь меньшевики подняли вопрос о военно-пленных немцах. Немцы, мол, свободно разгуливают по улицам и сеют в умах народа смуту, проповедуют пораженчество России. Меньшевики высказывались за то, чтобы посадить их в тюрьму или в концентрационный лагерь.

Против этого выступил большевистский оратор. Он резко критиковал соглашателей.

В толпе поднялся шум. Понеслись крики: «Немецкий шпион!.. Долой его!». Свист, гвалт не давали возможности говорить оратору.

На трибуну вскочил солдат, замахал нервно фуражкой и кричал, чтоб его выслушали. Толпа стихла немного. Солдат возбужденно заявил, что он не признает никаких партий, но что теперь свобода слова и никто не должен мешать оратору высказаться до конца.

«Правильно!» — подхватило несколько голосов. Большевик стал было продолжать речь. Но стоило ему сказать несколько слов, как толпа снова пришла в бешенство.

«Предатель! Предатель!.. Бей его!» — неслось по адресу оратора. Потянулись к трибуне зонтики, трости, кулаки.

Председествовавший на митинге меньшевик Алеев кричит в ухо большевистскому оратору: «Уходите с трибуны! Видите, как народ против вас настроен. Уходите, пока целы, — убьют!»

А из толпы несло: «В тюрьму его вместе с немцами! В тюрьму!...».

Тогда на трибуну взлетают несколько солдат и в возбуждении что-то кричат. Гул стал стихать. Один из солдат зычно бросил в толпу: «Если вы арестуете оратора, то 106-й полк по камешку раскидает тюрьму. А бить вы его не смеее. Какая же это свобода?! Мы дали знать нашим товарищам в казармы, и они сейчас придут сюда вооруженными. Попробуйте-ка тронуть оратора!».

С ропотом, проклятиями стала расходиться трусливая толпа. А большевистский оратор, окруженный кольцом солдат, был сопровождаем до своей квартиры.

Партком принимал участие и в организации профсоюзов. Помню, как одна из сознательных работниц военно-обмундировочной фабрики Гейлиса ¹⁾, тов. Лисина, всегда прибегала к нашей помощи. Мы помогали рабочим в их борьбе за увеличение зарплаты и улучшение условий труда и организовали их в «Союз иглы» ²⁾. Усилиями большевиков была сорвана попытка организации Бочкаревой женского батальона из вятских работниц.

Не помню, выпускал ли партком какое-нибудь обращение к массам. Кажется, что не было выпущено ни одной листовки. О газете же и говорить нечего. Комитет вынужден был настоять перед редактором «Вятской Речи» поместить две или три наши декларации, разъяснявшие суть большевизма и большевистской тактики в революции. Вызвано это было травлей и клеветой, сыпавшейся с уст ораторов враждебных партий и со страниц той же «Вятской Речи». Если в первые дни революции о большевиках замалчивали, как будто их и на свете не существует, то теперь не было той грязи, какую ни выливали бы на них. Нас стремились дискредитировать в глазах рабочих, солдат и крестьян всеми способами. Нас называли мальчишками, юнцами, ничего в политике и классовой борьбе не понимающими, слепо идущими за Лениным.

«За нашими плечами, — говорили они, — революционный стаж, ссылка, тюрьма, каторга. Кому же больше следует верить: им —

¹⁾ Работниц было до 300 человек.

²⁾ Мы помогали организоваться еще какому-то союзу женщин, кажется, домашней прислуги.

молокососам, или нам?». А за этим шли обычные: «германские шпионы», «провокаторы», «предатели» и т. д.

Если раньше рабочие и солдаты единогласно выносили резолюции о поддержке временного правительства, о продолжении войны до победного конца, то с половины июня положение резко изменилось. Особенно его изменила отправка из Вятки маршевых рот на фронт, в связи с приказом Керенского о наступлении.

Сторонников большевизма было уже много. Большевистские лозунги: «Долой войну!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!» — подхватывались массой и увлекали ее на борьбу за пролетарскую революцию. Эсеры и меньшевики на некоторых собраниях и митингах стали проваливаться. Большевистские резолюции стали иногда проходить подавляющим большинством голосов.

Особенно памятно общее собрание 106-го полка (самой крупной части в Вятке), устроенное меньшевиками в Загородном саду. Полк этот в начале революции был эсеро-меньшевистской цитаделью. Но большевистская зараза проникла туда и вела свою «разрушительную» работу.

На собрание явилось до двух тысяч солдат. Председательствовал эсер (офицер). С докладом выступил меньшевик Алеев. Весь доклад его был, можно сказать, на тему: «Предательская роль большевиков в революции».

В списке ораторов — цвет эсеров и меньшевиков в военной и гражданской форме. Мобилизовано все офицерство. Зачитывались клеветнические телеграммы и провокационные выдержки из социал-предательских газет. Фигурировали пресловутые немецкие деньги, полученные большевиками. Атмосферу накалили. Солдаты поверили было грязной клевете.

Но стоило только выступить одному из членов большевистского комитета ¹⁾ и разоблачить клевету социал-предателей, как вся солдатская масса отвернулась от них. Офицеры, увидев, что их дело проваливается, рассыпались среди солдат и оттуда кричали по адресу большевистского оратора: «Долой! Немецкий шпион! Продажная шкура! Долой!...». Ничто не помогло.

А когда большевики предложили свою резолюцию, то меньшевики и эсеры всячески старались сорвать ее. Они пробовали высту-

¹⁾ Комитет чуть ли не в полном своем составе был на этом собрании.

пать против нее, пробовали предложить собранию свою резолюцию, но солдаты не давали им говорить. Эсеровский председатель был оттерт. По требованию солдат взял председательство в свои руки большевик. Во время чтения большевистской резолюции меньшевики и эсеры заставили играть оркестр, заглушавший слова большевистского оратора.

И эта обструкция проводилась не раз. Солдаты так расшвыривали, что готовы были тут же растерзать своих офицеров. И если бы большевики не сдерживали солдат призывами к спокойствию, офицеры были бы избиты. В конце концов резолюция большевиков была принята почти единогласно.

Помнится и еще один яркий случай. Комитету нужно было назначить общее собрание большевистской организации. Нет помещения. Куда ни сунется комитет, везде ему отказывают. Комитет обратился за помощью к железнодорожникам. Те дали для собрания железнодорожную школу. Узнав об этом, социал-предатели, сидевшие всюду на ответственных постах в органах управления, запретили давать под собрание большевиков эту школу. В назначенный для собрания день вся Вятская организация собралась у закрытых дверей школы. Обменявшись здесь мнениями, мы решили к зданию школы применить захватное право: проникли в школу и открыли собрание.

Во время собрания явилось какое-то лицо и потребовало от имени власти покинуть помещение. Большевики отказались. Лицо пригрозило применить вооруженную силу. Но присутствующие солдаты заявили представителю власти, что они сейчас же дадут знать в свои части и через 15 минут собрание будут охранять пулеметы.

Это были не пустые слова. «Власть» это знала и удалилась. Большевики спокойно провели свое собрание.

В Совете число большевиков увеличилось. Но они все же были в значительном меньшинстве, включая сюда и голоса сочувствующих. Однако день за днем давал новых сторонников большевизма и в Совете. Беспартийные рабочие и солдаты — члены Совета — постепенно отвоевывались большевиками у меньшевиков и эсеров.

Ни одного вопроса — ни продовольственного, ни рабочего, ни тем более крестьянского или солдатского — соглашатели не разрешили. Масса ждала, когда они будут проводить в жизнь свои

обещания, и не дождалась. У массы началось разочарование в них, отрезвление от их предательской политики. Избиратели давили на своих представителей в Совете, и те поворачивали в сторону большевиков. Позиция последних в Совете усиливалась. Предложения большевиков стали собирать уже значительное число голосов.

Передовая часть рабочих Вахрушевских заводов, Булычевской фабрики и ряда мелких заводов в городе и уезде была уже на стороне большевиков. Рабочие этих заводов требовали к себе большевистских ораторов. Идея перехода власти в руки Советов здесь глубоко пустила свои корни.

Наиболее туго поддавались большевистской агитации и пропаганде железнодорожные рабочие. Там вначале было засилие эсеров. Потом стали брать верх меньшевики. Большевикам же там и пикнуть не давали. Но и в эту соглашательскую крепость в июне мы пробили значительную брешь. Из среды железнодорожников уже входили несколько человек в нашу организацию. Они-то, главным образом, и вели большевистскую работу в среде железнодорожных рабочих. Медленно, но верно мы укрепляли свои позиции и тут.

Как ни сочувствовали рабочие и солдаты большевизму, но в партию шли туго (прием был по рекомендации двух членов организации, с утверждения общего собрания). Все знали, что пойти в ряды большевиков, это значит оставить свою семью, хозяйство и всецело уйти в тяжелую работу. Да и рисковать надо было головой. Немногие на это тогда решались. Действовала на рабочих и угроза хозяев. За большевизм грозили уволить с работы. А это значило, во-первых, попасть на фронт ¹⁾, во-вторых, оставить семью голодать. Кроме того помнили расправу после 1905 года. Думали, что в конце концов реакция победит. А вятский пролетариат не прошел такой школы классовой борьбы, как рабочие промышленных центров.

Что касается солдат, то они считали дни, сколько им еще осталось быть в казарме. Они рвались домой: дома видно будет, а пока что надо воздержаться от вступления в партию.

¹⁾ Много рабочих числилось на заводах как военно-обязанные, получившие лишь отсрочку. Как только рабочий увольнялся, он попадал в солдаты и посылался на фронт.

Да и партком не мог развернуть широкой работы по втягиванию сочувствующих большевизму в партию. Сил у комитета было мало, а опыт только выковывался. Все это сказывалось на росте Вятской организации большевиков. К июлю она насчитывала в своих рядах всего только около 70 человек. Были ли большевистские ячейки в организации, не помню. Но в уезде (на Вахрушевских, например, заводах) отдельные рабочие состояли членами организации.

* * *

Дальнейшая история Вятской организации мне неизвестна. В первых числах июля 1917 года (еще до июльских событий в Питере) я выехал на Урал и в Вятку уже не вернулся.

Вятская губерния не является промышленной ¹⁾. Население ее в огромнейшем своем большинстве занимается сельским хозяйством и кустарным промыслом. Особенно развит последний. Ряд заводов по выделке обуви, кожи, овчин сравнительно недавно вырос из кустарного промысла.

В Вятке и уездах промышленного пролетариата нет. Поэтому там меньшевистские и особенно эсеровские оборонческие течения нашли во время Февральской революции благоприятную почву. Продовольственная разруха, затягивание войны, отсталые формы жестокой эксплуатации заставили рабочих и солдат сравнительно скоро отрезвиться от эсеровско-меньшевистского угара. Отсюда быстрый рост влияния большевиков при наличии количественно и качественно слабых сил. Огромную роль, конечно, сыграли «Правда», «Солдатская Правда» и большевистские листовки, получавшиеся из Питера.

А. Кучкин.

¹⁾ В ней были два крупных завода: Ижевский и Воткинский. Но с первых же дней революции эти заводы как-то обособились и тянулись больше или к Перми или к Казани.

Ковенская организация РСДРП¹⁾ (1905—1907 гг.).

Ковно — небольшой городок, местами живописный, залитый зеленью садов, местами грязный и пыльный, разноплеменный и разноязычный, жил обычной суетливой жизнью городов «черты еврейской оседлости». Он делился резко на две части: старый и новый город. Старый — с узкими, кривыми и вонючими улицами, где жила еврейская беднота — мелкие торговцы и ремесленники. «Новый план», как называли его тогда, был резиденцией русского чиновничества, польской буржуазии и небольшой группы литовской интеллигенции. Там же находились комендантский дворец, штаб, крепостное управление, выстроенные на месте вырубленной прекрасной сосновой рощи; неподалеку от военных зданий дымились трубы заводов Тильманса, на одном из которых выделялись гвозди, а на другом болты, и другие железные изделия.

Ближе к кладбищу приютились еще два маленьких металлических завода: Шувала и Рекоша. Самый же большой завод Шмидта, на котором работало до 1 200 и более рабочих, был расположен за железнодорожным полотном. По городу были разбросаны также пивоваренные заводы, спичечные фабрики и другие промышленные предприятия.

Как разноплеменно и разноязычно было население города, так разноплеменно и разноязычна была его пролетарская часть: в нее входили поляки, литовцы, евреи, немцы и др. Разнообразие

¹⁾ В составлении этого очерка, кроме автора, участвовали: Н. Н. Крестинский, В. Ушацкий, Б. И. Троцкий, С. С. Пелявский, А. Д. Розовская, Э. Д. Шерешевская (в настоящее время Пашкевич), Ковальков, Е. И. Чистяков, последний одновременно является автором главы в которой описывается работа военной организации.

состава ковенских рабочих отразилось и на революционной работе: ее вели различные национальные партии, каждая на своем языке и среди своей национальности: ППС — среди поляков и литовцев, которые говорили по-польски, Бунд — среди еврейских рабочих.

События 22 (9) января 1905 года сильно отразились на развитии классового сознания рабочих Ковна. Выстрелы, направленные царским правительством против рабочих в Петербурге, разбили национальные перегородки в Ковне. К октябрю ковенские рабочие были готовы влиться в общее русло пролетарской борьбы всей России.

До 1905 года самой сильной и влиятельной организацией в Ковне был Бунд. Члены этой организации вербовались из ремесленников и приказчиков и в этой среде пользовались влиянием.

В течение 1905 же года с ростом забастовок заметно стало расти и значение больших заводов. В августе 1905 года возникла «русская группа», в которую входили: Пиотровский, Макс Коган, Лифшиц, Пашкевич и др. Это была преимущественно молодежь, большей частью студенты, учившиеся в столицах или за границей и соприкасавшиеся с социал-демократическими организациями ¹⁾.

В такую интеллигентскую группу, образовавшуюся летом 1905 года, было привлечено несколько рабочих, большею частью ремесленников, уже побывавших за границей и проникнутых революционным настроением. Бунд обратил внимание на эту группу и попытался оказывать на нее свое влияние. Обладая большими организационными связями — множеством нелегальных квартир для собраний и явок, адресами и тому подобными условиями для конспиративной работы, имея хорошо налаженный технический аппарат, Бунд подчинил себе эту группу в организационном отношении. Однако в массовую организацию она не волилась; октябрьское движение 1905 года прошло мимо нее.

А между тем рабочие Ковна в октябре проявили большую революционную активность. Город был мертв: не работал ни один завод, ни одна мастерская, все магазины, даже мелкие еврейские лавчонки были закрыты. В городе не работала электрическая стан-

¹⁾ Тов. Б. И. Троцкий уверяет, что такого рода группа была организована в Ковне еще в 1904 году и называла себя Ковенской группой РСДРП. Для связи с нею он был командирован комитетом РСДРП Северо-Западной области. Но эта группа, повидимому, не развернула работы и распалась.

ция, не бегала конка... Администрация совершенно растерялась. Хотя в городе не было крепкого, объединенного стачечного комитета, губернатор принимал делегации, которые состояли из революционно настроенных и имеющих некоторые связи с рабочими студентов, чиновников и даже гимназистов, и вел с ними переговоры. Наибольшую организованность в это время проявили металлисты. Городская жизнь замерла. В городе начались грабежи; темные элементы, при несомненном содействии полиции, старались использовать это время для своих целей. Вечером, особенно в дни забастовок, в городе раздевали прохожих, у рабочих отнимали последние гроши. Рабочие организовали дружину, которая разбила город на участки и повела борьбу с хулиганами и ворами.

В декабрьские дни, когда рабочие Красной Пресни дрались на баррикадах, рабочие в Ковне чувствовали, что решается судьба революции. Их организованность в эти дни приняла более определенный характер; часть их собралась в столовой, построенной молодым Тильмансом для насаждения «культурно-просветительной» деятельности среди рабочих; настроение было боевое, революционное. Снова поделили город на участки, и на этот раз выделили из среды рабочих комиссаров: одного для Зеленой Горы, другого в Алексоты и одного для центральной части.

22 (9) декабря состоялся огромный митинг в цирке, говорили ораторы на всех языках, а потом рабочие с пением «Красного знамени» (на польском языке) прошли по всему городу. На площади от имени социал-демократии выступал бундовец, по кличке Натан, призывавший рабочих к продолжению борьбы против самодержавия. На другой день войска в полной боевой готовности заняли все улицы и площади и так простояли три дня. От имени военной власти было объявлено военное положение с запрещением собраний и митингов. Снова поползли слухи о предстоящем погроме, на который, однако, не решились... Недавно проведенная рабочими чистка города была памятна всем хулиганам, и город был спасен от погрома.

* * *

В ноябре 1905 года вернулись из Женева Э. Д. Шерешевская (теперь Пашкевич) и из сибирской ссылки Геня Трахтенберг (меньшевичка)¹⁾, они примкнули к упомянутой выше «рус-

¹⁾ Что же касается Шерешевской, то ее можно отнести к «болоту».

ской» группе, пополненной еще рядом товарищей и объявившей себя инициативной группой РСДРП. Группа обратилась к широким рабочим массам. По всему городу были расклеены огромные афиши, в которых от имени инициативной группы РСДРП рабочие приглашались на собрание для создания Ковенской организации РСДРП. Первое собрание было в театре, куда явилась масса, главным образом заводских, рабочих. Выступали Потровский и Макс Коган, они говорили о программе партии и призывали рабочих вступать в ряды РСДРП.

Второе массовое собрание было в Народном доме около базара. С речью на русском языке выступила Шерешевская. Она была хорошим оратором, и зал с напряженным вниманием слушал ее, одобрительным гулом подчеркивая наиболее удачные места ее речи. Говорила она о необходимости единого фронта для всех рабочих в момент борьбы, возражала против стремления разобщить рабочий класс национальными перегородками и звала присутствующих в ряды единой рабочей партии.

Бунд, обеспокоенный присутствием в зале рабочих-бундовцев, слушающих «крамольные» слова, направленные против его позиции в национальном вопросе, выпустил на трибуну своего оратора — Натана, пользовавшегося успехом среди рабочих. Но здесь он потерпел полное поражение. Национальный вопрос не был лозунгом тех дней борьбы, когда впервые, под дружным напором всего рабочего класса, пошатнулось самодержавие. И потому заключительные слова Шерешевской, указавшей на значение единого фронта в момент борьбы с таким сильным врагом, как царское самодержавие, были встречены дружными аплодисментами.

Так удачно положенное начало получило организационное закрепление, когда в Ковно приехал С. З. Розовский. Хотя он приехал по особому поручению ЦК ¹⁾, но, увидав благоприятно создавшуюся конъюнктуру, он энергично принялся строить Ковенскую организацию РСДРП.

Инициативной группой (по составу меньшевистской) уже были установлены связи на заводах, организованы кружки среди ре-

¹⁾ По его словам, он имел поручение от ЦК наладить транспорт оружия через границу в связи с подготовкой к вооруженному восстанию, кроме того, он должен был устроить переправу через границу и товарищей. Транспортированием оружия ведал литовец по кличке Болайтис, убитый впоследствии анархистами.

ремесленников, устраивались агитационные собрания. С. З. Розовский («Август») создал руководящий орган Ковенской группы РСДРП, который стал называться «коллективом», и организовал при нем финансовую группу.

«Коллектив» состоял из представителей кружков и заводов, где были единичные связи. Работой всей организации и вновь созданного «коллектива» руководила тройка, состоявшая в первые месяцы из Розового (большевика), Шерешевской и Трахтенберг (меньшевички); эта тройка в то время составляла «Ковенскую группу РСДРП».

Второе, чему Розовский придавал большое значение, было создание кружка повышенного типа из интеллигенции. Розовский сам подобрал состав кружка и сам вел занятия. В этот кружок входили: две сестры Кузнецовы, Коверзнева, две сестры Измайловы, Валя Сокольская и я. От этого кружка я вошла представителем в коллектив. Наш кружок ¹⁾ и кружок из рабочих Розовский взял под свое руководство.

Тяга к организации в то время была сильна. Каждую неделю в «коллектив» вливались новые представители, устанавливались новые связи с заводами.

Кроме Розовского и вышеупомянутых товарищей, в Ковенской организации с февраля 1906 г. работали Розовская («Алта») и А. Шнеерсон. Тов. Розовская, кроме технической работы, вела кружок у пекарей, а т. Шнеерсон работала в кружках среди ремесленников и заводских рабочих. Техническая работа заключалась в доставке и распространении литературы, которую мы получали на русском языке из Вильны, из Областного Комитета РСДРП, в ведении которого находилась Ковенская группа.

С расширением работы перед нами встал вопрос об устройстве своей типографии. Нужно было усилить печатную и устную агитацию и давать конкретный материал из жизни заводов, — Вильна не могла удовлетворить этой потребности. Кроме того, в Ковне, помимо скопления промышленных рабочих, было сосредоточено огромное количество солдат, и для работы среди них тоже нужна была типография ²⁾. Тов. Розовский принял деятельное участие

¹⁾ Из этого кружка только я осталась в партии, все остальные отошли от революции уже в период реакции.

²⁾ Работу среди солдат вел в это время Парийский («Тарас»); он работал в Ковне недолго, в течение первой половины 1906 года. Ковню оста-

в постановке типографии, а Розовская была его ближайшей помощницей. Помогал в этом деле и Гриша Беленький, наездами бывавший в Ковне с грузами шрифта.

Но тут случилось одно обстоятельство, которое несколько затормозило работу. Из Областного Комитета РСДРП (во главе которого в это время был М. Л. Фрумкин-«Минай») по вызову Розовского приехал новый работник — «Сергей». Он был рекомендован С. З. Розовскому Социал-демократией Польши и Литвы как агитатор, владеющий польским и литовским языками, а это чрезвычайно облегчало работу на заводах, где большинство рабочих говорило на этих языках. Но скоро обнаружилось, что он не торопится приступить к работе, а старается узнать все явки, все конспиративные квартиры, и где налаживается типография. Познакомившись со всеми нами, Сергей особенное внимание обратил на т. Розовскую, работавшую по постановке типографии. Она была еще молодым работником, но сразу почуяла что-то неладное и разоблачила его, как провокатора. Он поспешил уехать. Все это заставило нас менять явки, замечать следы, а т. Розовский вынужден был покинуть Ковно, и устройство типографии затормозилось.

В апреле мы уже установили связи с рабочими завода Шмидта; помню, я ходила к ним проводить первомайское собрание.

Из-за отсутствия своей типографии мы дожидались первомайских листов из Вильны и послали за ними Анну Шнеерсон. Уже все организации: ППС, ЛСД, Бунд в изобилии распространяли свои листовки (они у них были готовы к 1 мая по повому стилю), молчала только РСДРП.

Накануне 1 мая, после окончания работ, фабрикант Тильманс явился на завод и стал нащупывать почву. Настроение на обоих заводах Тильманса было революционное. Когда рабочие стали выходить с завода, он остановился в группе рабочих и, помахивая первомайскими прокламациями, сказал:

— Я думаю, вы завтра не будете бастовать, — и он показал зажатые в руке листочки: они были на разных языках и от разных организаций, кроме РСДРП. — Ведь вы РСДРП больше всех слушаетесь, а от нее ничего нет...»

был в связи с провалом военной организации. В настоящее время о нем нет никаких сведений.

Не успел старик-фабрикант поострить о причинах отсутствия призыва от РСДРП, как у только что открытых для выхода ворот фонтаном брызнул целый ворох новеньких листочков. Рабочие, задетые насмешкой фабриканта, бросились к ним. У ворот произошел затор, давший возможность скрыться принесшему прокламации. Настроение рабочих приподнялось, раздались революционные возгласы.

Тильманс наклонился, поднял один из них и, посмотрев на подпись, сказал: «Ну, что ж, завтра и топить нечего»¹⁾.

На другой день мы провели массовку в лесу в Марвянке (на другой стороне Немана, ниже Алексот); присутствовало 100—150 человек рабочих с заводов. Шерешевская говорила о значении Первого мая для рабочего класса. Относительная малочисленность присутствовавших показывала, что наши связи на заводах были все еще не очень крепки.

* * *

В середине мая этого (1906) года приехал к нам из Вильны для руководящей работы Н. Н. Крестинский. Сейчас же после приезда он собрал совещание активных работников Ковенской организации. На этом совещании были обсуждены вопросы текущего момента и положение дел у нас в организации. Выяснялось, что с отъездом т. Розовского наша организация замкнулась в работу отдельных кружков и не вела массовой работы. Поэтому решено было к старым формам работы прибавить открытые митинги, открытые выступления.

После приезда Н. Н. Крестинского «коллектив» возродился, окреп и расширился. От заводов Тильманса подобраны кадры постоянных представителей: один из них — Тамалюнас, рабочий-слесарь, уже немолодой, очень активный и пользовавшийся на заводе большим влиянием, другой — молодой рабочий Паша Пашкевич; затем рабочие Ясь, Стась и Сухоцкий, бывший пепезовец. Среди

¹⁾ Эту сценку передал мне Паша Пашкевич, рабочий с завода Тильманса. Он и подстерег Шнейерсон, когда последняя возвращалась с литературой с вокзала. Она держала в руках корзинку, откуда выглядывали свертки с провизией. Эта корзинка, по его указанию, была подхвачена детьми рабочих, удачно подбросивших листки, как только открылись ворота завода.

представителей от ремесленников надо отметить Витольда Ушадкого, представителя от пекарей, организатора, а затем секретаря и председателя союза пекарей, представителя от сапожников — Карла, от столяров — Малиновского; также имелись представители от некоторых пивоваренных заводов и от всех металлических. Часть их сделалась рабочим активом организации. Из интеллигенции работали студенты: Владимир Случевский, ведущий пропагандистскую работу в кружках, два брата Сператоновичи. Ельницкий, Лившиц (Степан), Коцын, Цукерман и др. Продолжали работать в организации Эмма Шерешевская, Геня Трахтенберг и Михаил Шлихтер из Витебска.

Руководителями работы за это лето (1906 года) были: Н. Н. Крестинский, Б. И. Троцкий («Семен») и С. С. Пелявский — все большевики.

Стали проводить открытые выступления на заводах. Обычно группа наших рабочих из кружков и сочувствующих запирали только что открытые для выхода рабочих ворота завода, впустив оратора в свою кучу. Затем, пользуясь затором, который происходил от того, что ворота были закрыты, оратора поднимали вверх, и он, становясь на плечи окружавших его товарищей, произносил речь. Речь эта должна была быть короткой, но яркой и содержательной; должны были быть выброшены лозунги, которые остались бы в памяти рабочего. Вышедшие из завода рабочие слушали оратора, пока не спохватывалась администрация. Тогда ворота быстро открывались, и толпа растекалась в разные стороны, унося в своих рядах и оратора, который по внешнему виду не отличался от рабочих. Значение таких митингов было огромное: рабочие с глубоким интересом выслушивали оратора и знакомились с точкой зрения партии на переживаемые события. Затруднения создавались всюду сновавшими шпиками. Помню первое и удачное выступление Н. Н. Крестинского на заводе старого Тильманса. Ему удалось говорить минут 20 или больше. Администрация долго не могла сообразить, почему рабочие стоят так спокойно.

Такие выступления-митинги проводились в это лето и на других заводах, даже и на заводе Шмидта, где рабочие труднее поддавались революционной пропаганде. Особенно часто такие собрания бывали на небольшом заводе Шувала, где хозяин считал себя сионистом-социалистом.

Кроме Н. Н. Крестинского, ораторами на таких митингах были С. С. Пелявский, Б. И. Троцкий (ему удалось выступать и у Шмидта) и Шерешевская.

Среди ремесленных рабочих работа сделалась тоже массовой, но она приняла иной характер. За это лето были организованы четыре профессиональных союза: столяров, портных, сапожников и вышеупомянутый союз пекарей. Последний провел большую работу по объединению этих самых отсталых по условиям своего труда рабочих, распыленных по маленьким пекарням.

Проведя работу по объединению, союз перешел в наступление: он провел две забастовки среди булочников и среди хлебопек. Первая захватила все крупные булочные. Забастовкой руководили наша организация и союз пекарей, председателем которого был т. Ушацкий, член нашей организации, а от группы был выделен т. Семен (Б. И. Троцкий). Нелегальная организация и нелегальный профессиональный союз открыто руководили этой забастовкой. Собрания происходили на главной улице, в самой большой булочной, на глазах полиции. Выставленные требования были: увеличение зарплаты, воскресный отдых и урегулирование труда подростков. Наиболее неприемлемым для хозяев был воскресный отдых. Забастовка окончилась победой рабочих. Союз чрезвычайно окреп.

Кроме этой забастовки, наша организация руководила в это лето забастовкой служащих на конке и забастовкой паровой команды (последней совместно с ЛСД).

Эта работа по проведению забастовки на пароходах открывала нам новые возможности массовой работы. По праздникам мы снимали пароход с буфетом и, нагрузив его до отвала рабочими, с музыкой отправлялись вниз по Неману. Пароход приставал к пристани какого-нибудь небольшого дачного поселка, где отдыхала еврейская буржуазия, не охраняемая бдительным оком полиции. Рабочие, высадившись, отправлялись далеко в лес, где устраивался митинг.

Самым ярким эпизодом в это лето были демонстративные похороны рабочего, убитого городовым. В этой демонстрации рабочие хотели еще раз показать классовому врагу свою организованность и мощь. Все заводы, как и в октябрьские дни, стали, все магазины и лавчонки закрылись, остановилось коночное движение. Все вышли на улицу.

Квартира рабочего находилась в старом городе; из маленького домишка вынесли на руках гроб, покрытый красным, и торжественно понесли через весь город по главным улицам. В громадной толпе реяли красные знамена, и, как уверяет С. С. Пелявский, и красные хоругви, вытасченные рабочими из главного кафедрального костела. Хотя гроб сопровождал ксендз, все шло под пение похоронного марша; в похоронах принимали участие все организации. Процессия продолжалась несколько часов, все рабочие города были на ней.

Когда стали подходить к зданию окружного суда, вдруг появился эскадрон драгун и злобеще выстроился. При виде драгун в толпе поднялась паника: несущие гроб бросили его на землю, и все ринулись в разные стороны. Ксендз остался один беспомощный у гроба. Драгуны стояли неподвижно. Паника улеглась; рабочие организации скоро привели все в порядок, и гроб снова поплыл на руках под торжественное пение. Попытка полиции и войск оттеснить процессию на боковую улицу не удалась. Возле кладбища была выстроена в полной боевой готовности пехота, артиллерия, огромное количество полиции с губернатором во главе. Когда показался гроб, испуганная полиция выстроилась и взяла под козырек: настолько торжественно было шествие; губернатор проделал то же. Обывателю могло показаться, что рабочего хоронили с воинскими почестями: настолько необычна была картина. У могилы говорили речи. Все организации выставили ораторов, говорили на разных языках; от имени РСДРП выступал Б. И. Троцкий («Семен»). С кладбища рабочие отправились к тюрьме, и там снова произнесены были речи и раздавались революционные возгласы.

* * *

В сентябре 1906 г. т. Семен, окончательно «проваленный», вынужден был уехать из Ковна. На некоторое время жизнь организации замерла. В октябре администрация заводов совместно с военными и гражданскими войсками решила расправиться с рабочими и в особенности с требованием 8-часового рабочего дня. Тильманс закрыл свои заводы и приглашал последовать своему примеру Шмидта и Рекоша.

В это время и в организации произошли перемены. В Вильне Областной Комитет перешел в руки меньшевиков; нас стали также

награждать меньшевиками. Но Н. Н. Крестинский, который являлся в это время представителем Северо-Западного обкома в ЦК, старался, как мог, руководить из Петербурга работой Ковенской организации, ведя с нами деятельную переписку.

Локаут, объявленный Тильмансом на обоих заводах, переполошил все организации, так как ППС, ЛСД и наша организация были всего сильнее на этих заводах, и разгром мог постигнуть всех, а тут приближались выборы во вторую Государственную думу. Между тем Областной Комитет прислал к нам на работу меньшевика. Я не помню его имени, помню только, что он произвел очень неприятное впечатление. Он быстро сошелся с ППС и ЛСД. Организовали они стачечный комитет и приняли решение: в ответ на локаут капиталиста объявить всеобщую стачку рабочих на металлических заводах в Ковне и призвать к поддержке стачкой же рабочих завода Тильманса, находящихся в Петербурге, в других местах России и Польши и за границей, последних — через германскую социал-демократию.

Нереальность этого плана бросалась в глаза: можно ли было в Ковне бороться за 8-часовой рабочий день, когда он нигде не был проведен, и когда этот лозунг был снят с порядка дня? Для обсуждения этого вопроса решено было созвать заседание «коллектива», руководящего органа нашей организации.

Внутри этого органа, который уж давно не собирался, произошли перемены: интеллигенция разъехалась по столицам учиться, ремесленники увлеклись удачно развивавшейся работой в профессиональных союзах, что привело их на путь борьбы за легализацию союзов. Последние были популярны вследствие целого ряда удачно проведенных забастовок, значительно улучшивших положение рабочих и вселивших в них уверенность в свои силы. Успех профессиональной работы увлек и заводских металлистов. В сентябре, когда у нас еще работал Б. И. Троцкий («Семен»), нами были организованы на Слободке два больших собрания рабочих по вопросу об организации профессионального союза металлистов. Может быть, угроза создания профессионального союза среди рабочих заводов и побудила Тильманса объявить локаут.

Вновь созданный «коллектив» в тот период не представлял собой единого целого, как это было летом 1906 года. Накануне нашего экстренного заседания ко мне прибежал взволнованный

рабочий Тамалюнас с завода Тильманса, не работавшего уже три дня. В руках у Тамалюнаса было только что отпечатанное заводской администрацией об'явление, заключавшее 10 пунктов; подписав это об'явление, рабочий мог быть принят вновь на работу в заводе. Первые восемь пунктов были писаны широковещательным языком и направлены против пьянства на заводе, курения, игры в карты и т. п.

После этих восьми пунктов, против которых не мог возражать ни один революционер, притаились два пункта, вводившие 10-часовой рабочий день вместо 8-часового и запрещающие рабочим вмешиваться в дела администрации по вопросам найма и увольнения.

Пока я рассматривала этот свежее отпечатанный листочек, так напоминающий наши прокламации, которых мы уже давно не распространяли, Тамалюнас горячо доказывал, что во время «свобод», когда наем и увольнение в значительной степени зависели от рабочих, на завод попало много хулиганов, которые, по его мнению, вредили не только хозяину, но препятствовали развитию революционного сознания у рабочих. Так, вместо чтения газет рабочие за последнее время начали увлекаться карточной игрой и т. п.

— Конечно, последний (10-й) пункт действительно тяжел, — с грустью согласился Тамалюнас, но тут же стал уверять, что ни один рабочий, член нашей организации, не будет уволен.

Из сбивчивых об'яснений Тамалюнаса видно было, что квалифицированная часть давно работающих на заводе рабочих, представителем которых являлся Тамалюнас, примирилась с введением 10-часового рабочего дня. Оставалась небольшая часть протестантов, большую частью пепеэсовцев, принятых явочным порядком на завод под напором организации. Это вносило разлад в ряды рабочих, возникали острые конфликты, что и нужно было администрации заводов. Мы с Тамалюнасом выработали план проведения заседания «коллектива». Тамалюнасу поручено было дать информацию о положении на заводе, о настроении рабочих, затем огласить требования администрации, о которых никто еще не знал. На заседании присутствовали и представители ППС и ЛСД из стачечного комитета. Горячие прения возбудил 10-й пункт. Решено было целым рядом поправок обезвредить этот пункт, и в таком

виде предъявить его администрации, а главное — следить, чтобы ни один из организованных рабочих не был уволен.

* * *

Этой же зимой (1906—1907 гг.) началось наше сближение с Бундом. Бунд на IV Стокгольмском съезде (апрель 1906 г.) вошел в РСДРП. Пришло время на местах проводить это решение в жизнь. У нас была организована паритетная комиссия для выработки условий слияния. Эта же комиссия, пока это слияние не состоялось, обсуждала общепартийные вопросы. Фактически это был «разговаривающий» орган: каждая организация в своей текущей работе жила своей обособленной жизнью, пока интересы их не столкнулись. В эту комиссию от РСДРП вошла я и «Дмитрий», присланный ОК взамен отозванного, по моему настоянию, меньшевика. От Бунда входили Соловейчик, присяжный поверенный, член их комитета, и бундовец, имя которого нам не было известно.

Переговоры по слиянию бесконечно откладывались. Слияние отдавало нашу организацию в руки меньшевиков. Число членов, регулярно плативших членские взносы, у дисциплинированных и аккуратных бундовцев было гораздо больше. У нас все время был текучий состав, и мы никогда точно не знали, сколько у нас в организации членов. Сила наша заключалась в нашем влиянии на заводы. Главная причина, почему Бунд не торопился со слиянием, была в том, что заводские рабочие продолжали считать Бунд национальной организацией, а РСДРП — объединяющей рабочих всех национальностей.

* * *

Перед самыми выборами во вторую Думу я была вызвана Н. Н. Крестинским в Петербург. Ему хотелось более детально познакомиться с положением дел в организации — переписка в то время не могла вестись нормально — и дать инструкции по проведению избирательной кампании.

В ноябре была проведена конференция РСДРП, посвященная выборам во вторую Думу. На этой конференции обнаружились принципиальные разногласия между большевиками и меньшевиками в оценке предстоящих выборов. Обсуждался вопрос, допу-

стим ли блок социал-демократов с другими партиями при проведении кандидатов в Думу. Конференция приняла компромиссное решение — признала возможным блокирование с кадетами только при наличии черносотенной опасности.

Чтоб зарядить меня как следует, т. Крестинский помог мне через секретаря ПК попасть на совещание, которое происходило на квартире Ленина, на даче в Куакалло. Здесь я в первый раз увидела Ленина. Я наблюдала его за работой. Совещание состояло из большевиков, работников Петербургской организации. Оно было посвящено боевому вопросу дня: какой тактики держаться Петербургской организации на предстоящих выборах в Петербурге и Петербургской губернии — левый блок или чистый социал-демократический список? Я с удивлением наблюдала, с каким вниманием прислушивался Ленин к мнению спорящих товарищей. Затем, отобрав самое ценное, он ясно, четко и коротко формулировал свои выводы.

Я вернулась в Ковно выросшей и вполне оформившейся как большевичка. Наша организация, загнанная в подполье, первая открыла предвыборную кампанию устройством легального предвыборного собрания в зале городской думы. Выступал на нем т. Свидерский, который для этого приезжал из Петербурга, говорил он по-польски. Возможность открыто слушать на большом собрании партийного оратора произвела на рабочих сильное впечатление. Небольшой зал городской думы был переполнен рабочими ¹⁾.

Затем был созван «коллектив» для обсуждения вопроса о проведении выборной кампании. Собрание было многочисленное, присутствовали на нем и не-члены «коллектива». Вопрос был боевой, да и предвыборное собрание пробудило интерес.

Я познакомила присутствующих с работой ноябрьской конференции РСДРП и с принятой на ней резолюцией и на основании этой резолюции предложила план проведения выборной кампании в Ковне. Ковенская губерния посылала в Думу 7 депутатов. Выбирались они на собраниях выборщиков, избранных по уездам и по куриям: крестьянской, дворянской, городской.

Считая, что нет опасности избрания по Ковенской губернии во вторую Думу черносотенных депутатов, я предлагала выста

¹⁾ Я не могла попасть на это собрание: женщины были лишены избирательных прав и не могли присутствовать на предвыборных собраниях.

вить социал-демократический список, включив туда кандидатов Бунда и ЛСД.

Мои предложения были единогласно приняты. Голосовали за них и оба меньшевика, присланные ОК (кроме вышеупомянутого «Дмитрия» из ОК, приехал на работу меньшевик, по кличке «Иван»). Наше решение постановлено было опубликовать в местной газете. Последнее оказалось не так легко выполнить. Мы долго и безнадежно обсуждали с редакцией «Ковенского Телеграфа», как быть с полицейской цензурой. Наконец, придумали прибавить: «Русское Слово» сообщает, что Ковенская организация РСДРП постановила...», далее шло целиком наше постановление.

В 3 часа следующего дня я была вызвана вместе с «Дмитрием» на экстренное заседание «паритетной комиссии».

Перед Соловейчиком лежало вещественное доказательство нашего преступления: свеженький номер «Ковенского Телеграфа». Целый час Соловейчик произносил свою обличительную речь, полную возмущения и негодования, о недопустимом поведении двух членов паритетной комиссии. «Ведь бывшая Ковенская организация РСДРП не есть в настоящее время, — говорил он, — самостоятельная, независимая организация. Она сейчас только часть, и то весьма незначительная по числу своих членов... Это нарушение постановления IV партийного съезда» и т. д.

В тот же день вечером я узнала, что ЦК Бунда предложил своей Ковенской организации провести в депутаты думы по Ковенской губернии Абрамовича, теперешнего героя II Интернационала, а тогда члена ЦК Бунда, выдвинутого ими при вхождении Бунда в РСДРП — в члены ЦК РСДРП. Возможно, что это было согласовано с меньшевистской частью ЦК РСДРП, но хранилось в строгой тайне. Получив такое задание, Ковенский комитет Бунда устроил в одном из ближайших к Ковне местечек фиктивный ценз (в Думе была цензовая избирательная система) на имя Рейна (Абрамович) и стал добиваться внесения его в список партии еврейской буржуазии. Но тут встретилось препятствие: проводить «кандидатуру в тюрьму», члена ЦК нелегальной организации и т. д. буржуазия не хотела.

Между тем пущенное в газету сообщение о нашем постановлении вызвало большое оживление в среде рабочих: кучками собирались активные рабочие нашей организации и ЛСД, обсуждали выдвинутые нами лозунги и намечали кандидатов для

занесения в список. Дело это было нелегкое: рабочих курии по городу Ковну не было, и потому кандидаты должны были иметь некоторый ценз наравне с буржуазией. Тамалюнас, когда рабочие остановили на нем свой выбор, с'ездил в свою деревню, чтобы оформить свой земельный ценз. Наше решение выставить свой избирательный список имело совершенно неожиданный результат как для нас, так и для Бунда: комитетчики национальной буржуазной партии, так настойчиво отказывавшие Бунду во включении Рейна в список выборщиков, выставленный их партией, после опубликования нашего постановления вдруг согласились поместить его на первом месте.

В один из ближайших дней я зашла в бундовскую читалку, помещавшуюся на Петербургской улице, в двух шагах от губернаторского дома, чтобы срочно передать через кого-нибудь письмо в тюрьму. Как только я вошла, на лице члена комитета Бунда, сидевшего, как обычно, на приеме, отразилось волнение, и он быстро юркнул в маленькую дверь, которой я раньше не замечала. Через минуту и меня попросили туда. Ко мне поднялся навстречу невысокого роста человек с темнорыжеватой бородкой. «Абрамович» — услышала я около себя. Я с интересом поглядела на члена ЦК нашей партии, талантливого оратора и теоретика Бунда. Но, встретив недружелюбный взгляд, опустила глаза на протянутое мне незапечатанное письмо. За этим письмом сам Абрамович ездил в Петербург (как объяснили мне позже бундовцы). Это было письмо ЦК РСДРП, адресованное т. «Лидии» (моя кличка) ¹⁾.

В этом письме ЦК в мягких тонах напоминал т. «Лидии» резолюцию ноябрьской конференции о допустимости на местах блока с конституционно-демократической партией при наличии черносотенной опасности. Письмо кончалось предложением: все разногласия, возникшие в организации, решить на объединенной конференции делегатов, на которую избрать представителей пропорционально числу действительных членов организации.

Прочтя письмо, я раскрыла рот, чтобы высказать свое мнение, но Абрамович набросился на меня с объяснениями: «фракционные

¹⁾ Это письмо не осталось у меня на руках, Абрамович почему-то взял у меня его обратно, и я не помню, кем оно было подписано и каким числом датировано.

настроения», «фракционная политика», «вам наплевать на ЦК, у вас руководство фракции...», и т. п.

«Восходящая звезда» — мелькало у меня в голове (так называли его преклонявшиеся перед ним бундовцы). И мне вспомнилась дача в Куакалла: Ленин, спокойно и внимательно слушающий спорящих с ним товарищей, таких же рядовых работников-практиков, как и я... Абрамович отвернулся, аудиенция была кончена. Нервное возбуждение, вызванное письмом ЦК и встречей с Абрамовичем, росло по мере того, как я приближалась к своей квартире.

«Объединенная конференция», «пропорциональное представительство» — да ведь это диктатура Бунда над нами!... Я резко повернула назад и снова пошла в бундовскую читалку.

Я решила бороться и шла к бундовцам с предложением дискуссии и выборов на объединенную конференцию по платформам. Успех доклада на «коллективе», внимание, с которым слушали его рабочие, ободрили меня, и я решила предложить себя в оппоненты Абрамовичу, этому талантливому оратору. Уверенность в правильности большевистской точки зрения парализовала мой страх перед «восходящей звездой».

Но вызванный мною комитетчик не пустил меня в заветную комнатку, сказав, что Абрамовича нет.

Вечером я, «Дмитрий» и «Иван» обсуждали положение. Когда я кончила рассказ, сообщив и о моем предложении бундовцам относительно выборов на конференцию, «Иван», все время хранивший загадочное молчание, обронил резко: «Ну, бундовцы не поймут на это. Смешно!» Бросив тревожный взгляд на «Ивана», я замерла: у меня зародилось сомнение, что измена гнездится и в самой нашей организации. «Иван» несомненно побывал за дверью читалки, а может быть, и не раз... И я не ошиблась.

В Питер Н. Н. Крестинскому было послано письмо, не на шутку его встревожившее. Он уговорил С. С. Пелявского поехать в Ковно, чтобы помочь мне в такое трудное время. С. С. Пелявский приехал в самый разгар борьбы, но не с бундовцами (конференция уже прошла), а внутри нашей организации. Конференция прошла спокойно: бундовцы, при благосклонном согласии меньшевика «Ивана», отказались от дискуссии.

Делегатами на конференции были: я, Тамалюнас и «Дмитрий», и мы все трое голосовали против блока с буржуазной партией; бундовцев было, кажется, 7.

Все вопросы по существу были сняты с обсуждения бундовским большинством. Конференция, по их мнению, созвана была для решения вопроса: существует ли в Ковне черносотенная опасность, и допустим ли блок с еврейской национальной партией. Конференция дала утвердительный ответ на вопрос о необходимости блока, и это стало партийным решением для всей Ковенской организации РСДРП.

Но бундовцев ждало жестокое возмездие: за два дня до выборов стало известно, что полиция вычеркнула Абрамовича из избирательного списка. Еврейская национальная партия не протестовала, не сняла списка и даже не успела заполнить пробел.

В таком положении застал С. С. Пелявский нашу организацию. Надо было, на основании решения конференции, предложить членам «коллектива» звать рабочих голосовать за список еврейской национальной партии, в котором не было ни одного социал-демократа. Было созвано собрание «коллектива».

Это сумбурное заседание трудно описать. Помню отчаяние хозяйки конспиративной квартиры, которая клялась, что больше никогда нам не даст квартиры, какую бы мы цену ей ни предлагали. Наконец, мы стали расходиться. Вдруг Тамалюнас подскочил ко мне и поставил последний раз уже передо мной вопрос: «Скажите, Лидия, должен я завтра призывать рабочих на заводе голосовать за этот список, где нет ни одного социал-демократа?».

Тут неожиданно вынырнул С. С. Пелявский и, отстранив меня рукой, встал между мной и Тамалюнасом: «Товарищ Тамалюнас, это — постановление общепартийной конференции. Вы ведь сами были на ней...».

Тамалюнас, махнув рукой, выбежал из комнаты.

Мы с Пелявским бросились за Тамалюнасом и минут через 5 нагнали его. Он шел по улице и от волнения махал руками. Пелявский подошел к нему и заговорил с ним по-польски. Он сообщил ему о причине своего вмешательства, объяснив значение партийной дисциплины, а потом рассказал о положении в партии: о наличии двух фракций, о раздоре между ними, о роли фракции большевиков в деле защиты интересов рабочего класса. Они расстались друзьями, крепко пожав руки, как большевик большевику.

В день выборов Тамалюнас с утра был уже на площади перед зданием городской думы, где помещались урны.

Когда мы с Пелявским пришли на площадь, то увидели следующую картину: Тамалюнас стоял посредине площади с кучкой рабочих. Они вели агитацию за список ЛСД. Каждого рабочего, идущего голосовать, останавливали и допрашивали, за кого он собирается голосовать. У некоторых рабочих в руках был польский клерикальный список. На таких рабочих производилась атака, и через короткое время они обрабатывались: польский список оставался в руках агитаторов, а рабочий уходил со списком ЛСД. Тамалюнас уверял меня потом, что он своей рукой написал 150 бюллетеней, когда нехватило напечатанных.

Таким образом из всей этой истории выиграла в агитационном отношении литовская социал-демократическая организация. Большинство же голосов по городу Ковну получил список еврейской национальной партии.

* * *

Недели две спустя после отъезда Пелявского меня позвали на заседание «коллектива». Я несколько запоздала, отыскивая новую неизвестную мне квартиру, и когда вошла, собрание уже началось. Председательствовал «Иван» (первый раз за все время пребывания его в Ковне). Я оглянулась кругом — все незнакомые лица: более двух третей «коллектива» было из новых представителей.

«Иван» пространно объяснил, какие непорядки и какая неорганизованность царили до сих пор в Ковенской организации: выборных членов комитета не было, кто хотел, тот и распоряжался. Цель настоящего собрания, — объяснил он, — покончить с подобным положением, выбрать комитет и завести порядок. После этого предложено было наметать кандидатов.

Выбрали «Ивана», «Дмитрия», Витольда Ушацкого (от пекарей), Сухоцкого с завода Тильманса и еще кого-то пятого. Обо мне никто не вспомнил. Лица настороженные, недружелюбные... Вспомнили, что надо выбрать кассира, и кто-то робко произнес мое имя. «Иван» грозно осмотрел аудиторию и назвал другую кандидатуру. Голоснули, прошла кандидатура, выставленная председателем. Собрание было закрыто, мне было предложено, если у меня есть денежные суммы, сдать новому кассиру. Так ликвидирована была меньшевиками большевистская опасность в Ковенской организации.

Новый выборный комитет не спас нашу организацию от развала. Сухоцкий перекочевал к ИПС. Тамалюнас эмигрировал в Англию, так как работать с меньшевиками он не мог; кроме того, полиция стала преследовать его за то, что он был выставлен в списке как социал-демократ. Связи с заводами порвались. Среди активных рабочих-ремесленников началось разложение: они начали принимать участие в экспроприациях, напр. Малиновский, представитель от столяров. Только союз пекарей, руководимый т. Ушацким, держался крепко, да работала военная организация.

Незадолго до V съезда приехал в Ковно большевик, видный военный работник, по кличке «Анатолий» (т. Трилиссер). У него была явка от большевистской фракции, и он пришел ко мне. Официальной целью его поездки было ознакомление с Ковенской военной организацией. Но у него была еще одна цель — подготовка к V съезду. О Ковенской организации он слышал, как о сильной большевистской организации, и был поражен ее развалом. Когда же он ознакомился с военной организацией, то решил требовать права представительства для нее на партийный съезд.

Выбор остановился на т. Нахимсоне. Он считался левым бундовцем. Отправляясь делегатом на съезд, он был зарегистрирован большевистской фракцией в Финляндии как делегат-большевик и получил соответствующую сумму денег. Но на Лондонском съезде он вошел в бундовскую делегацию и голосовал с нею.

До Лондонского съезда, кажется, в марте, происходила партийная конференция Северо-Западной области. После нее между партийными работниками стали распространяться слухи о моем исключении из партии.

Летом, после Лондонского съезда, я работала в Петербургской организации, в Васильеостровском районе. Там встретила с Л. Б. Каменевым, который, как мне сообщил Н. Н. Крестинский, был представителем большевистской фракции ЦК на областной конференции.

Я обратилась к нему за подтверждением слухов. Он мне сообщил приблизительно следующее. Ковенский инцидент не разбирался на конференции ¹⁾. В конце ее, в текущих делах, какой-то

¹⁾ Несомненно, этого не допустили бундовцы, которым не хотелось разглашать историю о том, как они попали в буржуазно-политическое «болото».

меньшевик, которого он видел в первый раз, поставил на обсуждение вопрос об исключении из партии «Лидии», работника Ковенской организации. Но мотивировка его была настолько сумбурна и безграмотна, что ничего нельзя было понять. Смущенные меньшевики хотели смазать этот вопрос, но Л. Б. Каменев, почувствовав, что здесь фракционная подоплека, поставил этот вопрос серьезно. Он предложил снять этот вопрос с обсуждения, так как нет настоящего докладчика по этому вопросу, передать дело новому ОК для подбора материала и вызова т. «Лидии» для дачи объяснений.

— Если вас до Лондонского съезда не вызывали в ОК, то теперь, после Лондонского съезда, все такие дела ликвидированы, — добавил он, смеясь.

* * *

Весной 1907 г. группа меньшевиков, раньше работавших в Ковенской организации, а также Эмма Шерешевская, Пиотровский, Коцын попробовали воссоздать местную организацию, но это не удавалось — развал продолжался. Рабочие уходили, так как меньшевики не могли справиться с работой, а крепнувшая реакция толкала малоустойчивые элементы на путь террора, экспроприаций и т. п.

До лета 1907 года в Ковне бывали отдельные социал-революционеры, местные студенты, но дальше гимназических кружков дело у них не шло. Пока сильна была организация РСДРП, ими были улавливаемы только отдельные рабочие. Неудачная политика бундовцев и меньшевиков во время выборной кампании дала им возможность летом 1907 года иметь в Ковне уже свою организацию. Но в то же лето у них появился провокатор «Роберт». Он был виновником ареста Паши Папкевича и первым осведомителем охранного отделения обо мне. Правда, благодаря развалу во всех организациях ему мало пришлось «поработать». Были у него широкие планы насчет нашей военной организации, но они сорвались. Скоро он был разоблачен и убит.

Осенью я вернулась в Ковно, но в работу не сразу вошла. Останавливало меня, с одной стороны, то, что я была «провалена», а с другой — работать с меньшевиками мне казалось делом довольно трудным.

Через некоторое время заводские рабочие узнали о моем приезде, и ко мне явились два представителя: Давид — от завода Шувала, Иван — от завода Шмидта. Оба они приехали в Ковно сознательными социал-демократами и тяготились бездействием; обсудив положение дел, мы признали необходимым начать работу. О своем плане решили сообщить на остальные заводы, установив с ними связь.

Чтобы придать более широкий, массовый характер первому организационному собранию, рабочие предложили распространять по заводам листовку с объяснением цели и характера создаваемого профсоюза с призывом вступать в него. Листовку поручили написать мне, предупредив, что она будет напечатана официально, т. е. пройдет через соответствующую цензуру. Первая, написанная мною листовка, понравилась рабочим, но не понравилась полиции. Вторая должна была удовлетворить обе стороны, но тут случилось событие, которое остановило начатую работу.

Вечером в воскресенье 24 (11) ноября некто Желиховский, называвший себя меньшевиком и давно вызывавший у меня подозрения, зашел ко мне и стал звать меня на какое-то организованное им собрание. У меня он застал еще большевичку, которая называла себя Анной Берлин ¹⁾. Втроем мы отправились в старый город по затихающим уже темным улицам. На площади он нас оставил и пошел искать патруль. Тут снова проснулось у меня подозрение, которым я хотела поделиться с Анной, но он вернулся, сообщив, что собрание не состоялось. Возвращаясь обратно, он меня спросил: «Во вторник у вас будут Давид и Иван?.. А мне можно притти?..». Я не сразу ответила, но отказывать было бесполезно.

Во вторник действительно мы встретились, как было уговорено, с этими двумя рабочими. За час до их прихода я получила письмо от Н. Н. Крестинского с целым рядом партийных новостей: о предполагаемой областной конференции, о всероссийской конференции РСДРП. Завязался интересный разговор. Пришедший во время его Желиховский не принимал в нем участия. Разговор наш был прерван неожиданным появлением жандармских

¹⁾ Ее имя и фамилия были — Ревекка Шнеерсон по кличке «Ольга», она уже судилась по делу военной организации — восстания гарнизона в крепости Бобруйске летом 1906 г., была приговорена к ссылке на вечное поселение в восточную Сибирь, откуда бежала, и была направлена на работу в Ковно.

властей в полном составе: начальника охранного отделения и большого наряда полиции.

Нас всех арестовали и у меня начался обыск. Только что полученное письмо было сильно компрометирующим документом; мне не удалось его скрыть: уж очень врасплох застало нас нашествие. Первыми жандармы увезли Давида и Ивана.

Желиховский сидел отдельно и не принимал участия в наших шутках и прощании. Я тогда обратила внимание моей невольной спутницы Анны (она и не приступила к работе, и в этот вечер в первый раз присутствовала на совещании) на Желиховского. Он сейчас же заметил это и очень изменился в лице. «Смотрите, — шепнула мне на ухо Анна, — у него сделалось лицо предателя». Желиховский вышел в переднюю и вызвал жандармского полковника, после этого его тотчас же отправили с жандармом.

В 2 часа ночи нас с Анной привезли в жандармское управление, и там оказались арестованные в эту ночь, кроме товарищей, взятых у меня на квартире, Залкинд и еще один представитель из «коллектива». Залкинд ведал переправой товарищей за границу, но сведений об этом у охранного отделения не было.

Витольд Ушацкий был арестован несколькими днями раньше в связи с забастовкой пекарей, которую он проводил.

Таким образом, в эту ночь 26 (13) ноября 1907 г. Ковенская организация РСДРП была ликвидирована. Не хватало только Желиховского.

В управлении жандармский полковник собрал рядовых жандармов и стал «распекать» сопровождавшего его жандарма за допущенный им побег Желиховского. Я подошла к ним, и когда на минуту замолчал полковник, неожиданно задала вопрос «распекаемому»:

— Ведь тебе приказано было полковником отпустить Желиховского?

— Точно так! — ответил простодушно солдат.

— Так в чем же дело? Полковник не отдаст тебя под суд: это он кричит на тебя, чтобы нас обмануть... Это он сам подослал Желиховского организовать у меня собрание человек в сорок... да не удалось... Теперь вы видите, что называется жандармской работой.

— Молчать! — крикнул пришедший в себя полковник. — Отведите их в тюрьму!

Через час двери Ковенской тюрьмы закрылись за нами.

Через три месяца большинство товарищей было выпущено, оставались только я — по делу Ковенской организации РСДРП — и Ревекка Шнеерсон, которую судили за побег из ссылки.

Против меня были подробные агентурные сведения охранного отделения и «вещественные доказательства»: письмо «Бориса» (Н. Н. Крестинского), 2 листовки, писанные моей рукой, и еще две каких-то бумажки.

20 декабря 1908 года меня судили по 102 ст. угол. улож. (за принадлежность к партии) и приговорили к ссылке на вечное поселение в восточную Сибирь ¹⁾.

Л. Каташева.

Военная организация РСДРП в Ковне.

Ковно и прилегавший к нему район на расстоянии 5—10 верст от центра города представляли первоклассную крепость. Гарнизон ее достигал 40 тысяч, особенно, если учесть те воинские части, которые были размещены в пограничных с Германией городах: в Мариамполе, Сувалках и др.

Состав войска Ковна был чрезвычайно разнообразен и разноплеменен. Много было пехоты, делившейся на полевую (Камский, Волжский и другие полки) и крепостную (1-й, 2-й полки); немало было конницы и артиллерии.

¹⁾ Из всех товарищей, работавших в Ковне, из местной интеллигенции, находятся в настоящее время в рядах ВКП(б): автор этого очерка, автор главы о военной организации тов. Чистяков и тов. Коцын, а из рабочих — Витольд Ушацкий.

Адольф Пашкевич умер членом РКП во время массовой мобилизации в 1920 году на Украину; Паша Пашкевич умер в ссылке в Сибири.

Из приезжавших на работу в Ковно большевиков все находятся в ВКП(б) (только не знаю о судьбе Ревекки Шнеерсон, но она и не работала собственно в Ковенской организации). Отошла не только от партии, но и враждебно настроена была против советской власти Анна Шнеерсон.

Что же касается меньшевиков, упоминаемых здесь, присланных на работу в Ковно меньшевистским ОК («Дмитрий», «Иван» и другие), то об их судьбе я ничего не знаю.

Разноплеменность состава войсковых частей всецело обуславливалась политикой самодержавия, рассчитывавшего на безусловное повиновение солдат, не связанных экономически с данным районом. Особенной пестротой отличались пехотные части, где говорили в буквальном смысле слова на «двенадцати языках». Революционная работа в этих частях затруднялась тем, что пехотинцы часто не знали русского языка; процентов 50 в них составляли так называемые «инородцы»: вотяки, чуваша, башкиры, зыряне, черемисы и др. В то время ковенские пехотные полки были наиболее верными самодержавию частями. Начиная с октября 1905 года пехота (и Новороссийский драгунский полк) подавляла революционные выступления пролетариата.

Начало революционной работы среди войска в Ковне относится примерно к лету 1904 года. Но мы бы напрасно пытались устанавливать сроки возникновения существовавших в разное время, с 1904 до осени 1906 года, военных организаций и продолжительность работы каждой из них. Мы не имеем определенных данных о работниках в этой области, за исключением имен отдельных товарищей. Мне известно, что группа социал-демократов, организовавшаяся в Ковне при Бунде, имела незначительные связи с солдатами. Помню гг. Пиотровского, Семенова Модеста, Пашкевича Адольфа и др., которые составляли и печатали на гектографе листовки по поводу войны с Японией, распространявшиеся среди рабочих и солдат Ковна. За отсутствием связей с последними, листовки направлялись по почте некоторым офицерам, о которых по наслышке говорили, как о надежных людях.

Население и войска войны не хотели. Эти антиоборонческие настроения были использованы в целях углубления революционной работы среди военных. Но дальше вовлечения отдельных солдат в военную организацию и незначительной кружковой работы среди них дело не шло. Надо сказать, что в дни октябрьских «свобод» солдатская масса не проявила активности. Десятки, а иногда и сотни солдат растворялись в многотысячной массе рабочих на митингах или в уличных шествиях, не представляя собой какой-либо организованной силы.

В 1904 году социал-демократическая группа в революционной работе среди солдат шла ощутую и кустарничала, но на протяжении нескольких месяцев 1905 года были уже налаженные связи

с воинскими частями, явки и т. п. На существование в это время военного кружка указывает активно принимавшая в то время участие в пропаганде среди солдат Э. Д. Шерешевская. По ее словам, у социал-демократической группы были связи в кавалерийском полку, расположенном верстах в 6—8 от города. Работники группы и солдаты посещали друг друга. Явка находилась почти в центре города, на Подгорной улице. Кружок солдат просуществовал до перевода полка в Двинск. Работа в дальнейшем не наладилась до самых октябрьских дней 1905 г.

В декабре 1905 года была организована военная группа при местной социал-демократической организации. Организатором ее был т. С. З. Розовский, а помог ему в этом деле военный следователь Федосеев, который собрал вокруг себя несколько десятков низших офицеров. Работа шла успешно и среди солдат. Было организовано два кружка. Задачи кружков состояли главным образом в установлении связи и в распространении литературы; теоретические занятия происходили нерегулярно.

Трудно сейчас сказать, насколько велика была эта военная организация. По мнению тов. Розовского, в ней было около 200 солдат. Эта организация для тех времен была очень солидной и самой большой в Северо-Западном крае. Собирались военные конференции, на которых главным образом дебатировались вопросы военной техники. Розовский ездил на такую конференцию в Вильну, а Шапиро, руководитель военной организации Вильны, приезжал на военную конференцию в Ковно. После тов. Розовского работал в военной группе Парийский («Тарас»), а летом 1906 года Б. И. Троцкий («Семен»).

Работа велась в казармах среди пехотных полков в поселке Шанцах. Там же была и явочная квартира. Но летом этого года произошел большой провал в военной организации, в результате чего группа РСДРП должна была организовать побег провалившихся солдат за границу. Этот провал очень всполошил полицию, начались обыски по всем нашим явочным квартирам.

Небольшую работу заговорщического характера вели и эсеры. Они имели некоторые знакомства в саперной роте, инженерном управлении и в понтонном батальоне. Но характернее всего, что наиболее мощные в то время пролетарские организации — ППС и Бунд уделяли работе среди солдат очень небольшое внимание. Так было до революции 1905 года и в период реакции.

До революции 1905 года Бунд среди солдат не вел никакой работы. Он не оценил в то время роли солдатской массы в нараставшем революционном движении. Если не считать незначительной работы социал-демократической группы, то фактически широкие солдатские массы Ковенского района даже в период русско-японской войны были предоставлены самим себе.

Я отчетливо помню полную беспомощность бундовских агитаторов и пропагандистов, желавших в дни уличной борьбы с самодержавием наспеш спропагандировать солдат и привлечь их на сторону рабочего движения.

Трескучая фразеология бундовских агитаторов не дала желанных результатов: правительственные учреждения охранялись, демонстранты разгонялись.

Революционные события 1905 года воочию убедили нас, молодых участников движения, что надо обратить на солдатскую массу усиленное внимание.

В Ковне, помимо значительного количества ремесленников, существовал еще довольно мощный слой фабрично-заводского пролетариата, объединенного в крупных индустриальных предприятиях. Эта масса рабочих, по преимуществу поляков и литовцев (главным образом поляков), ютилась на окраинах города, как раз в районах расположения войсковых казарм. Предместья Ковна — Вильямпольская слобода, Шанцы, Понемонь, Зеленая Гора и др. — были сплошь заселены рабочим людом. Здесь же находились и казармы. Территориальное соседство рабочих и солдат представляло исключительное удобство для работы среди солдат. Но уроки революции 1905 года не были поняты Бундом, ибо и в дальнейшем к работе в военной организации в Ковне он относился пассивно.

Только с возникновением организации РСДРП революционной пропаганде в войсках Ковенской крепости придается большое значение.

Первые мои воспоминания о работе в военной организации относятся к концу лета 1906 года. Тогда же я познакомился с т. Нахимсоном Салей¹⁾, который вошел в организацию как

¹⁾ Нахимсон Салей работал в Ковенской военной организации до осени 1907 года под кличкой «Павел». В 1918 г. был комиссаром Ярославского военного округа. На этом посту он погиб в Ярославле во время белогвардейского восстания.

бундовец. После провала организации нам было поручено поставить работу, и этот момент мы считали началом существования военной организации. Предварительное обсуждение вопросов организационного порядка привело нас с т. Нахимсоном прежде всего к необходимости обеспечить надежным помещением заседания «штаба», как мы называли наши закрытые совещания, и предстоявшие солдатские собрания в городе. Задача не простая, если учесть, что Ковно — городок сравнительно маленький и условия для конспирирования были неблагоприятны. Все-таки мы вышли из затруднительного положения довольно скоро. Помещение для «штаба» было снято в центре города, неподалеку от окружного суда и почти напротив полиции и охранного отделения, в доме Пояркова, над турецкой пекарней. Помещение мы считали очень удачным, так как, находясь в самом бойком и оживленном месте, на скрещении 4 больших улиц, оно делало незаметным всякого посетителя «штаба». Помещение было конспирировано от всей организации, кроме т. Каташевой (из группы РСДРП).

Второе помещение, для солдатских собраний, было приготовлено в так называемом «Старом городе», на Петровской (или Петроковской) улице, в глубине большого двора престарелого каменного дома, где ютилось беднейшее еврейство. Двор был всегда полон детей, делового ремесленного и мелкого трудового люда. Хозяйка квартиры оказалась надежнейшим человеком. В ней военная организация обрела впоследствии не только хозяйку квартиры, но и технического работника. Она хранила литературу, через своего 10-летнего сынишку помогала нам держать связь с солдатскими частями и внимательно следила во время собраний за появлением на дворе подозрительных, по ее мнению, людей.

Одновременно с поисками помещений мы с т. Нахимсоном занимались разрешением самой опасной и ответственной части задачи — установлением связей.

Нам было известно, что работа среди войск велась и раньше, но кем и в каких частях — долго нельзя было добиться. Особенно трудно было найти своих людей в полках, так как связь с ними обрывалась с отъездом или переброской работавших ранее товарищей. Так было с предшествовавшей нам группой военных работников весной и летом 1906 года, в лице т. Царийского,

отчасти т. Шерешевской и др., которые не оставили ни явок ни помещений.

Только к концу октября удалось связаться с одним из товарищей Камского полка через рабочего завода Шувала т. Зунделя, члена организации РСДРП. Камский, Волжский, Донской и другие пехотные полки были расположены в предместьи Ковна — Шанцах. Благодаря близкому соседству полков наши связи распространились довольно скоро. При помощи товарища из Камского полка к январю 1907 года наша организация имела прочные связи с тремя пехотными полками. Кружок, состоявший в декабре приблизительно из 15 солдат, имел уже в своем составе несколько человек, нацуживавших по поручению организации почву в крепостных полках. Мы с т. Нахимсоном открыто с военными не общались, не позволяли себе даже случайных встреч. Однако мы допускали иногда крупные ошибки. Случалось, например, что литература находилась на квартире т. Нахимсона после того, как она была уже распространена и становилась известной жандармерии. Помню, что мы снялись с группой офицеров, входивших в военную организацию, и преспокойно хранили эти фотографические карточки. Как-то и в голову не приходила возможность провала.

Постепенно связи расширялись. Наиболее широко они развернулись в пехоте и в меньших размерах охватили крепостную артиллерию. Но к лету 1907 года представительство от частей приходилось уже сильно ограничить, ибо большие собрания созывать в городе было немислимо. Все-таки делегатов от отдельных рот и полков собиралось иногда от 15 до 20 человек. Связи с крепостной артиллерией завязались несколько необычно: сначала с офицерами, а затем через них и с солдатами. Первым офицером-артиллеристом, с которым мне пришлось познакомиться, был Н. Н. Носков. Встречался я с ним еще в декабре 1905 года в обществе военного следователя Коротыцкого, переведенного в Ковно из Либавы. Коротыцкий, повидимому, близко соприкасался с Либавской военной организацией, так как находился в дружеских отношениях с т. Нахимсоном и был вообще в курсе тамошней работы. Будучи в Ковне, он проявлял себя как искренний революционер.

Но в Ковне он пробыл недолго. В январе, кажется, 1906 года его перебросили в Сибирь, и с тех пор мы сведений о нем

не имели. С Носковым мы долго поддерживали только личное знакомство. В августе 1906 года стали встречаться и с другими офицерами-артиллеристами: Разумовским, Харнским; Носков и Разумовский оказались марксистски образованными людьми, интересовавшимися рабочим движением. Частое общение с этой группой в беседах и дискуссиях привело нас с т. Нахимсоном к мысли о создании офицерской группы при военной организации.

Не вводя пока названных офицеров в круг нашей работы, мы, примерно в конце декабря 1906 года, внесли на одном из очередных собеседований с ними предложение создать инициативную группу для революционной работы среди офицеров. Это предложение не встретило возражений. Зная названных товарищей как вполне надежных людей, мы стали готовить слияние возникшей офицерской группы с комитетом солдатской военной организации. Но здесь надо несколько вернуться назад.

Знакомство с Носковым ввело нас в солдатскую среду крепостной артиллерии, с которой вообще туго налаживалось дело. В то время, как пехотные части в течение нескольких месяцев дали нам возможность перейти к пропаганде, — артиллерия, где рабочего элемента было больше, не поддавалась вовлечению в организацию. Приблизительно к августу 1906 года нам удалось получить от Носкова подробнейшую информацию о настроениях солдат и офицеров, о социальном составе крепостных полков и об отдельных солдатах. Таким путем мы связались с несколькими солдатами-артиллеристами, петербургскими рабочими, и с одним вольноопределяющимся; они составили основное ядро в крепостной артиллерии.

Технические условия работы здесь были сложнее, чем в пехоте, так как артиллерия находилась от центра города сравнительно далеко, солдаты были размещены на фортах, куда доступ обыкновенному солдату, да еще пехотного полка, был не особенно легок. Всегда существовала опасность попасться в руки жандармов, охранявших входы в район фортов. Эти условия сильно осложняли работу в крепостной артиллерии. Тем не менее она не прекращалась до июля 1907 года.

В руководящий центр организации в качестве представителей от частей старались провести старших в роте, имевших возможность (идя в город на собрание или за литературой) возвращаться в роту без особенной опаски и после вечерней поверки.

Работа военной организации не отличалась особым разнообразием и не имела, конечно, строго разработанной программы. Она не носила широкого массового характера и сводилась к пропаганде в кружках, не превышавших 10—15 человек в каждом.

За полтора года расширенный коллектив военной организации собирался несколько раз. От массовок мы сознательно воздерживались. В кружках и на делегатских собраниях (последние собирались нерегулярно и не чаще одного раза в месяц) читались доклады и велись беседы на политические темы. Насколько помню, системы в проведении бесед у нас не было, но всегда каждое собрание сопровождалось подробнейшей информацией солдат о житье-бытье в полку, служившей интересной завязкой для разговоров на политические и экономические темы. Кроме собраний актива, являвшегося в то же время основным кружком (в составе примерно 15—20 человек делегатов от полков и рот), кружки велись и некоторыми членами нашей организации в самом полку. Такая работа поручалась только солдатам, составлявшим ядро военной организации. В зимние месяцы пропаганда в казарме велась с большими предосторожностями и носила характер простой товарищеской беседы у кровати нашего «руководы»; беседы обыкновенно начинались с очередного злободневного вопроса. Известно ведь, что воровство интендантов являлось в то время общим явлением и сказывалось частенько на солдатской пище; нередко были и случаи «мордобоя», глумления над «иногородцами» и безудержной травли евреев; наконец, распространенным явлением была порка, хотя это официально и не допускалось. Словом, горючего материала в солдатской жизни накапливалось очень много.

С мая, когда начиналась лагерная пора, пропаганда была сопряжена с меньшими опасностями, чем в казармах. Полковые кружки собирались в лесу; созыв иногда приурочивался к тому или иному событию в жизни солдат. Устная пропаганда, как форма политработы, преобладала в то время. Военная организация снабжала своих членов и литературой, но последней было очень мало, и средствами для ее закупки в достаточных размерах мы не располагали.

Книжки, брошюры и листовки солдатам нравились, но все это являлось настолько «вещественным» и легко «уловимым», что доставляло военной организации не мало хлопот. Как ли конспи-

рировались в казармах, все-таки повальный обыск (часто по поводу кражи) давал в результате находку в виде крамольной брошюры или, что еще хуже, листовки на злобу дня. Между прочим, с момента распространения печатного слова начались и провалы. Особенно чувствителен для военной организации был провал в крепостной артиллерии летом 1907 года, когда там пришлось ликвидировать работу, а основному ядру работников-артиллеристов организовать срочный побег за границу. Тем не менее тяга солдат к книге была настолько сильна, что, несмотря на опасность распространения, приходилось изредка снабжать наших делегатов политической литературой.

На одном из очередных собраний военной организации в расширенном составе (с участием делегатов) был поставлен на обсуждение вопрос об издании своей газеты, и это предложение было принято с большим воодушевлением. Тут же, на собрании, определились корреспонденты из всех частей и название газеты. Назвали ее «Военным Телеграфом». Тираж газеты достигал 1 500 номеров, выходила она приблизительно раз в месяц. Всего выпущено было 4 номера. Газета составлялась и редактировалась т. Нахимсоном и мною, а набиралась и печаталась в Вильне при содействии областного комитета РСДРП. В этом деле принимал участие т. И. И. Кром («Иосиф»), в то время член областного комитета Западной области ¹⁾. Доставлялась газета в Ковну т. Нахимсоном и мною по очереди. Это было не совсем конспиративно, но мы считали получение транспорта настолько важным делом, что поручать кому-либо другому нам не хотелось.

Услуги в доставке газеты нам оказывала иногда и офицерская организация. Однажды, кажется, т. Разумовский встречал меня на вокзале (в Ковне), чтобы перетащить груз на извозчика. Как велико было мое удивление, когда т. Разумовский решительным жестом манит к себе жандарма, обычно появляющегося на перроне вокзала к прибытию поезда. С важностью и обычным обращением к нижнему чину на «ты» офицер предложил ему помочь снести чемоданы на извозчика (свободного носильщика не было), чему жандарм беспрекословно повиновался. Эта хитрость мне тогда очень понравилась, и с тех пор мы как-то больше стали доверять нашей офицерской группе. Распространение газеты

¹⁾ В настоящее время работает в Госплане СССР.

лежало целиком, конечно, на членах комитета — солдатах, которые проделывали это с самоотверженностью.

С особым интересом, помню, мы все ждали появления в свет первого номера «Военного Телеграфа». Наконец он был мною благополучно доставлен из Вильны; было созвано собрание делегатов от всех частей. Несмотря на то, что в этот день большинство делегатов Камского и Донского полков не имело нарядов в город, дисциплина военной организации оказалась сильнее сознания опасности, и наши ребята рискнули. Взяв винтовки и построившись в затылок попарно, солдаты прошли мимо дневального, который пропустил их из лагерей. Пройдя несколько верст, они зарыли ружья в песок на берегу реки Вилии и налегке направились в город на собрание, где их ждал долгожданный первый номер «своей» газеты, две страницы которой сплошь были заполнены их же информацией. На обратном пути винтовки были найдены в порядке, и уже поздно вечером солдаты вернулись в лагери.

Экстренные вызовы делегатов случались редко и проводились через комитетчиков, державших с нами связь.

Два заседания комитета военной организации были проведены тт. Пилявским и Трилиссером. Содержание доклада было связано с оценкой политического момента и значения военной организации. Припоминаю, что т. Пилявский пытался наметить путь дальнейшей работы нашей организации.

Тов. Трилиссер заехал в Ковно в связи с созывом конференции военных и боевых организаций. Перед партией стоял тогда вопрос об объединении работы военных и боевых организаций во всероссийском масштабе. Для этого время уже давно назрело, ибо мы были слабы в нашей разрозненности. Часто случалось, что работа не увязывалась даже соседними организациями. Как на пример можно указать на Либавскую и Ковенскую военные организации, считавшиеся в Западной области наиболее сильными, но между которыми не было никакой связи. В Вильне мы тоже не имели ни поддержки ни руководства. Из доклада Трилиссера мы впервые узнали о состоянии работ военных организаций в других районах. По его словам, наша военная организация являлась после Либавской наиболее мощной в Западном крае (считая и Привислинский край).

Тов. Трилиссер поставил перед группой РСДРП вопрос о представительстве на Лондонский съезд; был делегирован т. Нахимсон. Ко времени приезда т. Трилиссера произошло организационное объединение офицерской группы с солдатской военной организацией; от этого последняя усилилась.

Через членов военной организации мы узнавали о степени бдительности военного крепостного начальства, о слабых или опасных участках работы, получали информацию в военную газету и пр.

Военная организация просуществовала до половины сентября 1907 года. Вскоре после летнего провала в крепостной артиллерии затормозилась работа и в других частях. Последний номер «Военного Телеграфа» попал в руки начальства. Арестов, правда, среди солдат еще не было, но охранка начала усиленную разведку. Несмотря на принятые нами меры предосторожности, слежка становилась настолько очевидной, что работать в Ковне стало невозможно. Охранка подготовляла провал военной организации. Становилось очевидным, что нужен в работе перерыв, и главное, нужна смена руководителей военной организации.

* * *

В конце сентября я уехал в Питер, где продолжал работу в военной организации, но 23 (10) ноября 1907 года был арестован.

По возвращении своем в Ковну в 1909 году, куда был выслан из Питера под надзор, я застал полный развал в работе РСДРП. С осени 1907 года военной организации уже не существовало. Одновременно с военной организацией распалась и группа РСДРП, члены которой или раз'ехались или сидели в тюрьме.

Вообще после ареста собрания группы РСДРП, во главе с т. Каташевой — работа РСДРП в Ковне прекратилась и больше не возобновлялась. Поддерживаемая мною связь с группой рабочих завода Шувалова носила характер случайной пропагандистской работы; членов офицерской группы я тоже не застал. Комитетчики-солдаты, кончив срок службы, выехали из Ковны. Только изредка получаемые мною из Америки письма от бежавших туда солдат-артиллеристов, членов военной организации, напоминали мне о периоде кипучей работы.

Е. Чистяков.

К вопросу о С.-Д. (Донецком) Союзе Горнозаводских Рабочих¹⁾.

Тов. В. А. и сам автор исследования по истории Горнозаводского Союза, тов. Харечко выразили желание использовать для проверки своих выводов о деятельности этого Союза личные воспоминания участников его. К сожалению, никто из нас, оставшихся в живых деятелей Горносоюза, кроме тов. Цикодима-Шестакова, А. В. ²⁾, до сих пор не удосужился опубликовать воспоминания об этой мало известной организации. Недостаток времени и средств не позволили пишущему эти строки своевременно выполнить его горячее желание — дать новому поколению полную историю революционной работы, которую проделала наша небольшая группа активных работников подполья.

Работа тов. Харечко, опирающаяся на многочисленные подлинные документы, дает весьма правдивую историю нашей организации и довольно полную картину нашей, продолжительной — по условиям подполья того времени — деятельности. Допущены, правда, некоторые погрешности, которые будут отмечены ниже, но выводы автора, оспариваемые тов. В. А., вполне соответствуют действительности и, надеюсь, будут подкреплены моей краткой информацией.

Тов. В. А. совершенно отвергает заключение тов. Харечко, что наш Союз был организационным центром социал-демократической работы в Донбассе с сильно развитой сетью местных организаций, действовавших по директивам своего центра, и, очевидно, отрицает крупную историческую роль Союза в подготовке шахтерских масс и металлистов Донбасса к событиям, разыгравшимся в 1905 г.

По мнению тов. В. А., основанному на неудачных выдержках, приведенных тов. Харечко из ст. тов. А. П. Станчинского, этот Союз был только издательской группой, филиалом Донского Комитета, не оставившим никаких следов даже в воспоминаниях современников. Тов. Харечко, сопоставив

¹⁾ По поводу рецензии тов. В. А. — «Пролет. Революция» 32 1925 г. № 11 на статью тов. Харечко в «Лет. Рев.» за 1925 г. № 3.

²⁾ См. «Пролет. Революция» № 1 1921 г.

³⁾ См. «Пролет. Революция» № 2 1923 г.

свидетельство тов. Шестакова, удостоверяющего, что на конспиративном собрании (происходившем весной 1902 г.) он и пишущий эти строки были назначены ответственными организаторами, с рассказом тов. Станчинского, как в 1903 г. после разгрома Донского Комитета тт. Мошинский, Тахчогло и другие члены Союза были переброшены для работы в Донской Комитет, — строит свое ошибочное заключение, будто наш Союз в 1902 г. был выделен Донским Комитетом специально для работы в Донбассе. Слияние наше с ДК имевшее место только после II съезда и поведшее через полгода, благодаря провокации, гнездившейся в ДК, к разгрому нашей организации, — тов. Харечко приурочивает к весне 1902 г., когда состоялось описанное тов. Шестаковым конспиративное заседание Комитета нашего Союза.

Краткая справка о возникновении этого Союза и первых шагах его деятельности опровергает указанное предположение обоих авторов.

Возникновение Союза Г.-З. Рабочих. Предположение, сделанное тов. В. А., что наш Союз образовался не путем делегирования с мест, совершенно справедливо. Он создан обратным порядком — путем построения его сверху, — путем постепенного обрастания верхушки из нескольких профессионалов-революционеров плотной тканью массовых заводских, рудничных и ремесленных организаций, выявленных и, порою, заново созданных нашими агентами на местах. Мысль о создании такой новой, строго законспирированной от смежных организаций, группы профессиональных революционеров соц.-демократов именно в таком очаге тяжелой индустрии, как Донбасс, — план построения ее по методу, позже разработанному в знаменитом «Что делать?» тов. Ленина, возникла в тесном кружке ссыльных еще в 1899 г. Москвичи — тов. Дубровинский, И. Ф. (Иннокентий) и тов. Радин, Л. П. (см. мои воспоминания «Наши подпольщики», изд. «Новой Москвы»), прошедшие тяжелую школу благодаря внедрению зубатовских сотрудников в нашу среду, — настаивали на построении такого типа централизованной организации, совершенно изолированной от действующих на Юге Комитетов РСДРП — в Донбассе, так как последний расположен вдали от революционных центров и вовсе ими не обслуживается. Только такой подход к этому делу мог, по мнению товарищей, дать серьезную гарантию против проникновения провокаторов из соседних комитетов.

План этот был осуществлен только в конце 1901 г. Центром новой организации был намечен Ростов. Возникает вопрос, почему мы избрали базой для затеваемого дела Ростов, а не какой-либо пункт Донбасса. Во-первых, в большом городе несомненно безопаснее было оборудовать типографию и, вообще, создать всю необходимую для подпольной работы конспиративную обстановку, — легче было подобрать и пристроить личный состав всего аппарата, обслуживающего

центр новой организации. С другой стороны, здесь были бесконечно легче конспиративные условия подпольной работы, чем в Харькове и Екатеринославе: жандармский подполковник Артемьев, глава местного политического сыска, имел установившуюся репутацию неспособного и совершенно равнодушного к своему делу человека. Под его опекой Донской Комитет долго и вполне безопасно работал вплоть до великой ноябрьской стачки 1902 г. Только после этих событий в Ростове было учреждено охранное отделение, возглавлявшееся известным ротмистром Карповым, впервые насадившим здесь в крупном масштабе систему провокации.

Второе важное условие — источник материальных средств для организации. Крупная сумма, имевшаяся у меня на руках, могла обеспечить это дорогое предприятие только на один год, а мы строили план на более продолжительный срок. К финансированию дела был привлечен наш университетский товарищ, сын известного на Дону миллионера, — Н. Е. Парамонов ¹⁾, обещавший поддерживать нас деньгами, связями и техническими средствами.

Здесь, наконец, проживали и работали другие привлеченные к делу крупные деятели — учредители Союза.

Таким образом, мы приступили зимою 1901—1902 г. к созданию нового центра в Ростове. Хотя у главного литературного работника новой организации тов. Балабанова, М. С., связанного в качестве редактора местных газет с руководителями Донского Комитета (сотрудники «Донской Речи» гг. Я. Драбкин-Гусев и А. Локерман-Адам), была полная возможность использовать эту связь для снабжения нашей организации техникой и людьми, мы постановили действовать совершенно изолированно и в строжайшей тайне от ДК. Мы приступили к постановке собственной типографии и к стягиванию для работы лично известных нам надежных товарищей — профессионалов-революционеров. Необходимо было, конечно, заручиться связями для постановки конспиративной работы в главных центрах Донбасса. Эта подготовительная работа была поручена мне, и я, пользуясь своим положением адвоката по уличным делам, имел полную возможность вполне конспиративно начать объезды и в течение зимы наладил все необходимые

¹⁾ Н. Е. Парамонов — прелюбопытная фигура в русской революции. Крупный капиталист, человек американской складки, машинизировавший свои рудники в Грушевском антрац. районе по последнему слову техники, — имел пристрастие ко всем крупным затеям, даже в революционном подполье. Он, напр., при содействии нашей группы, поставил известное большое издательство «Донской Речи», наводнившее всю Россию популярными народными изданиями, которыми с.-д. повсеместно пользовались для своей пропаганды, помогал и с.-р. и с.-д., поскольку это было полезно для разрушения самодержавного режима. За издание «Былого» и других революционных изданий был приговорен к нескольким годам заключения в крепости.

связи. Главным организатором металлистов и шахтеров был назначен прибывший весной 1902 г. тов. А. В. Шестаков-Никодим.

Личный состав организационного центра.

На протяжении 2½ лет существования нашего Союза личный состав его подвергался, конечно, изменениям и пополнялся новыми людьми. Тем не менее я попытаюсь дать хотя бы неполный список руководителей Союза.

а) Работали с основания Союза:

1) Балабанов, М. С. — журналист-литератор, с.-д. с 1897 г., редактор всех листков и прочих изданий Союза, автор большинства их, снабжал нашу первую типографию оборудованием, инструктировал работавших в ней товарищей.

2) Шестаков, А. В. (Никодим) прибыл к нам из Уральского подполья, рабочий-металлист, родом из Архангельской губернии, энергичный помор, выделявшийся большими способностями, сильный организатор, разъездной агент, учредитель и глава «летучего отряда», созданного для массового распространения изданий Союза. В начале 1903 г., преследуемый полицией, выпущен был покинуть нашу организацию, был, однако, привлечен по большому делу Союза в 1904 г. и содержался в Луганской тюрьме вместе с др. членами Союза.

3) Мошинский, И. Н. («Юз», «Конарский») — адвокат, литератор, с.-д. с 1892 г., ответственный организатор, автор части листовок и информатор партийной прессы, делегат на II съезде («Левицкий» — «Львов»). Привлекался по делу «36» Союза.

4) Тахчогло, Димитрий («Емельян») — с.-д. с 1900 г., естественник-юрист, разъездной агент, руководитель ростовских кружков молодежи, автор некоторых прокламаций, член ДК (с осени 1903 г.); впоследствии, в 1905 г., за убийство во время демонстрации в Екатеринославе пристава был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой.

5) Коган, В. Г. («Виссарион») — литератор, пропагандист, автор некоторых изданий Союза, член ДК с осени 1903 г.

6) Гурский, М. Г. («Григорий») — старый партиец с 1894 г.; организатор побега одиннадцати искровцев из Киевской Лукьяновской тюрьмы. Летом 1902 г. был вызван на работу ответственного организатора в Донбассе.

7) Богущкая, Е. В., член партии с 1901 г., участвовала в основании Мариупольской организации Союза; с начала 1903 г. работала в Нахичеванской типографии Союза в Ростове, экспедитор его изданий, секретарь Союза. Арестована в 1904 г. по делу «36».

б) Работали с лета 1903 г. после слияния с ДК:

8) Станчинский, А. П. («Иван Иванович»), ответственный организатор ДК и Союза. Вышел из Союза после ареста в сентябре 1903 г., автор некоторых прокламаций Союза.

9) Готлобер Анатолий, ответственный организатор в Таганроге.

10) Семен Голубенко («Спартак»), рабочий-металлист, организатор. Арестован в Юзовке весной 1904 г. по делу Союза.

11) «Неустранимый» — рабочий с Брянских заводов, до перехода в организацию Донецкого Союза работал в Ростове-на-Дону и был также знаменосцем во время демонстрации в 1903 г. (2 марта).

12) Швейцер Павел — пропагандист, разъездной агент по Донбассу в 1903 г. в) Работали с осени 1903 г. после II съезда:

13) Зборовский, Самуил («Кузьма») — прибыл для работы в Союзе из-за границы, делегат Одесского комитета на II съезде, впоследствии первый (до избрания Хрусталера) председатель Петербургского СРД.

14) «Феофан» (фамилия неизвестна) — ближайший сподвижник и земляк Зборовского (из Одессы), организатор и пропагандист.

15) Паперно, Розалия («Рузя») — пропагандист, привлечена по делу Союза в 1904 г. 16) Маруся Сорокина. 17) Жозефина Гашер. 18) Воня Браиловская и др.

Работа на местах.

К началу 1903 г. Союз имел уже вполне сложившиеся местные организации во всех крупных центрах Донбасса. На III съезде делегатов местных организаций Союза в конце 1903 г., несмотря на непрекращавшиеся аресты (в течение всего 1903 г.), были представлены: Мариупольская, Луганская, Таганрогская, Юзовская и Славянская группы с тяготеющими к ним рудниками и заводами. В этих организациях велись систематические занятия в многочисленных кружках (свыше 30 с 500 членами), устраивались регулярные массовки (с числом участников от 50 до 150 человек), организованы были нелегальные библиотеки с постоянным составом читателей. Наконец, местные организации располагали своим собственным довольно значительным бюджетом и своею техникой: в экстренных случаях они выпускали совершенно самостоятельно свои прокламации и руководили мелкими стачками. Наиболее крупная из них — Таганрогская группа — организовала в ноябре 1903 г. внушительную уличную демонстрацию и подготавливала под руководством тов. Станчинского смелый побег ростовских товарищей из Таганрогской тюрьмы. В моей памяти удержались фамилии лишь немногих местных работников: в Мариуполе — тов. Сойфер Давид, в Юзовке — Екатерина Громан (Наташа), Шур, Ида Бондарева, тов. Паперно, Гр., в Луганске — тов. Лутовинов, Бродский, Дерман.

Интересующиеся подлинными материалами о работе Союза могут найти полную информацию в старой и новой «Искре» ¹⁾. Из них видно, что Ростовский центр Союза не был висящей в воздухе издательской группой,

¹⁾ См. «Искра» № 45 1903 г.; № 50 1903 г.; № 52 1903 г.; № 79 1904 г.; № 97 1905.

которая через своих агентов делала налеты на рудники и заводы, — что он опирался на широко разветвленную сеть местных ячеек Союза, которые вели глубокую и систематическую работу в широких слоях донецкого пролетариата. Это учел и II съезд, утвердивший именно по этим основаниям мандат делегата Горнозаводского Союза.

Техника.

За все время самостоятельного существования Союза были оборудованы две типографии: первая М. С. Балабановым и мною в центре Ростова. «Хозяевами» квартиры были супруги Кромберги (латыш-рабочий, партизек из Риги). Работала в типографии Е. Г. Маньковская, активный работник Союза. Экспедитором был рабочий из Киева Иван Лужный.

Вторая типография, более усовершенствованного типа, была оборудована в Нахичевани Шестаковым и мною. «Хозяевами» были супруги Кустовы, Федор и Мария, специально выписанные из Архангельска. Работали в ней Е. М. Богущкая и «Ева». Фамилию и кличку наборщика-профессионала, старого партйца (кажется, из Екатеринослава) забыл. К осени 1903 г. типография была свернута и передана Донскому Комитету. Вновь поставлена она была Колумбом (Тищенко). Работали в ней: Чайников, Кофф и «Ева». Четвертая типография была поставлена после ареста 3-й в Юзовке осенью 1904 г.

Связь с местами.

Поддерживалась как личными объездами представителей центра, так и периодическими конференциями делегатов с мест. Объезды совершались систематически тов. Шестаковым, Гурским, мною и другими. Развозили литературу, кроме нас, агенты-транспортёры, поддерживавшие живую связь с Донбассом. Роковым для Союза оказалось привлечение к этой работе боевиков из ДК Николая Шапарева («Вулкан») и Максимова («Купидон») ¹⁾, состоявших, как потом оказалось, секретными сотрудниками Карпова и проваливших весной 1904 г. всю нашу организацию.

Больших конференций (если не считать расширенных заседаний Комитета) состоялось до нашего ареста три; отчеты и резолюции их были своевременно опубликованы (кроме моего первого доклада II съезду).

Характер печатной и устной пропаганды и агитации Союза и тип его организации достаточно характеризуется материалами, опубликованными тов. Харечко. Упрек в шаткости нашей линии и урезанности наших лозунгов несправедлив. Не имея возможности вести систематическую устную пропагандистскую работу в крупном масштабе, ввиду исключительно тяжелых условий работы на

¹⁾ В Максимова потом стреляли, но он отделался легкой раной.

местах (полное отсутствие интеллигентных сил и полицейская охрана рудников)¹⁾. Наш Комитет вынужден был выработать особый тип листовки полупропагандистского, полугатитационного характера с приложением художественно-литературного материала революционного содержания. Первые наши листки давали наглядные примеры классовых битв на канве исторических событий в самом Донбассе и пропагандировали основные идеи научного социализма, ограничиваясь лозунгом призыва донецких пролетариев в ряды Горнозаводского Союза. Листовки эти были рассчитаны на малоразвитого полукрестьянина-полупролетария, работавшего на шахтах. Выставлять политические лозунги нашей партии во всем их объеме было преждевременно. Однако, убедившись после первых опытов в необычайной восприимчивости донецкого пролетария к нашим «подметным письмам» и «афишкам», мы приступили к широко развернутой политической агитации с неурезанными лозунгами. Об этом красноречиво свидетельствуют как библиография наших изданий, так и их оригиналы, опубликованные тов. Харечко.

Веру на себя смелость утверждать, что до нашего ареста Союзом было выпущено и распространено (включая другие издания) около 100 000 экземпляров. Этот поток подпольных изданий направлялся в массы при помощи упомянутого «летучего отряда» из рабочей молодежи, долгое время остававшегося неуловимым для местной полиции и казаков. Наш Союз был почти два года полной загадкой для департамента полиции и, повидимому, доселе остался неизвестным даже для специалистов по истории партии²⁾.

Тов. В. А., настаивая на своей точке зрения, ссылается на отсутствие указаний на существование Союза в воспоминаниях тт. Петровского, Коломойцева, Шварцберга, Отто Аусема и др.; однако, вопреки указанию Шварцберга, тов. Шестаков оставался в Донбассе до весны 1903 г., а тов. Отто Аусем³⁾ и Мария Баркова прибыли на работу в Юзовку на смену арестованному в апреле 1903 г. тов. Гурскому. В воспоминаниях же тов. Шестакова имеется довольно подробное описание работы Союза,—полагаю, что приводимые мною факты, которые

¹⁾ Редкое исключение представлял Щербиновский рудник, где (см. статью Кавалерова, «Воспоминания о П. Мойсеевко» в «Лет. Рев.» 1924 г. № 1) работали с большим успехом тт. П. А. Мойсеевко и Г. И. Петровский при широком содействии рудничной интеллигенции.

²⁾ Последним исследованием т. Т. Харечко («1905 г. в Донбассе», изд. «Прибой» 1926 г.) установлено документально, что после апрельского провала Донецкого Союза в 1904 г. осенью того же года он был восстановлен с центром и новой типографией в Юзовке и с широко разветвленной сетью местных организаций, которые вплоть до декабрьского вооруженного восстания руководили всеми выступлениями донецкого пролетариата в 1905 г.

³⁾ С тов. Аусемом я после разгрома декабрьского восстания работал подпольно в Варшаве (под псевдонимом «Конарский»), и он не мог не знать о деятельности Союза, в рядах которого ему пришлось работать после нашего провала.

могут быть подтверждены прочими названными мною деятелями, вполне подкрепляют оспариваемые тов. В. А. выводы тов. Харечко. Наиболее глубокие следы наш союз оставил, конечно, в сознании тех сотен активных боевых своих членов, которые, несмотря на систематические провалы, продолжали работать и вносить классовое сознание в умы сотен тысяч донецких шахтеров и металлистов, постоянно читавших наши листовки и прокламации. Донецкий пролетариат в исторические дни октября и декабря 1905 г., возглавляемый нашими товарищами: Марком, Зубаревым, Кузнецовым (Шайтлендером) и Григорием Петренко-Ткаченко, пройдя в течение нескольких лет широкой агитационной работы Союза достаточный курс политической учебы, выступил одним из самых сильных отрядов восставшего в 1905 г. пролетариата и сумел в течение полумесяца удерживать захваченную власть. Полагаю, что отрицать заслуги нашего союза в деле политического воспитания донецких шахтеров и металлистов накануне 1905 г. не приходится.

Политическая линия Союза. Обвинение нашего центра в идейном шатании, в рабочедельстве и т. п. также не имеет под собою почвы. Правда, мы имели связь также с другими оттенками партийной мысли (главным образом, в интересах снабжения Донбасса нелегальной литературой): с Заграничным Союзом социал-демократов (через Когана и делегированного Заграничным Союзом тов. Аносова Николая), с «Волей» (через посредство старого партийца, б. члена Московского Комитета тов. Ванновского — «Ивана Ивановича»), со «Спилкой» (через Меленевского — «Баска»), но это не исключало нашей тесной связи и с «Южным Рабочим» и «Искрой», идейное руководство которых признавалось для нас обязательным с первого момента основания Союза. Все мы были правдоверными «искровцами»¹⁾.

Весной 1903 г. во время предвыборной кампании ко II съезду наша организация была обследована и утверждена Организационным Комитетом РСДРП (членом ОК В. Н. Розановым — «Мартыном»).

После этого, в апреле 1903 г., «Искра» была объявлена нашим руководящим органом. Через тов. Мартына мы вошли в тесную близость с группой «Южного Рабочего», что и определило в дальнейшем линию поведения нашей делегации на II съезде. Утверждение тов. В. А., что Донбасс был представлен на съезде делегатами от местных групп, — плод недоразумения, порожденного неправильной информацией тов. Гамбарова, на что указал уже тов. Харечко. Это устанавливается также протоколами II съезда.

¹⁾ Кто был упоминаемый тов. Харечко рабочеделец «Епифанов», делегированный к нам якобы из Екатеринослава, — сказать не могу, не вспоминая такого. От нас же ездил туда летом 1902 г. тов. Шестаков. Очевидно, его и характеризует Екатеринославская охранка как «искровца».

После съезда Ростов-на-Дону стал ареной борьбы обеих расколовшихся фракций партии. К нам направляли нелегальных товарищей-меньшевиков целыми партиями для размещения по окружным организациям Союза и Донецкого Комитета. Здесь сформировалось организационное бюро комитетов меньшинства (В. Н. Крохмаль, Роза Гальберштадт — «Костя», Розанов, Любовь Николаевна Радченко — «Стихия», Левин — «Алеша» и др.).

Также точно к нам направлялись представители большинства, которые также принимали участие в местной работе. Ростов, благодаря наплыву многочисленной эмигрантской публики, напоминал Женеву. Шли горячие дискуссии, велась упорная борьба за влияние, но все-таки Донецкий Союз остался под влиянием меньшинства. Однако провал, имевший место весной 1904 г., не коснулся этих центров: провокация, насажденная ротмистром Карповым, успела проникнуть только в наш Донецкий Союз. Произошло это именно благодаря нарушению первоначального плана нашей работы. Недостаток людей и технических средств Донецкого Комитета заставил нас влить своих работников в состав ДК. Взамен ДК предоставил нам свою типографию и несколько человек для работы в Донбассе. В числе их оказались упомянутые выше Николай Шапоров («Вулкан») и Максимов («Купидон»), которые сотрудничали, как потом выяснилось, с охранным отделением, и 15 апреля 1904 г. весь центр Союза во время заседания на квартире Богущкой, когда обсуждался вопрос о переброске всех работников в другие города ввиду ожидавшегося ареста, был захвачен Карповым. Арестовано было в Ростове и в Донбассе свыше 100 чел., из которых впоследствии было предано суду Новочеркасской судебной палаты 36 чел. Суд не состоялся только благодаря революции 1905 г.

Объезжая после освобождения из тюрьмы все наши местные организации, я нашел их вполне восстановленными, и неудивительно, что всеобщая октябрьская забастовка и декабрьское восстание нашли вполне подготовленных организаторов и руководителей, которые смогли возглавить это движение (Мазанов, Дейнека, Зубарев, Кузнецов, Петренко-Ткаченко и др.). Лично мне после 1905 г., как и всем другим руководителям Союза, пришлось совершенно покинуть Донбасс и перебраться на работу в другие центры.

И. Мошинский.

Вокруг Лондонского (V) Съезда Партии.

Предисловие.

Двадцать лет тому назад, накануне окончания контр-революционной игры столыпинского правительства в конституцию и накануне начала безудержного торжества реакции, после долгих скитаний из страны в страну — в Лондоне в мае 1907 года собрался пятый съезд РСДРП.

Царское правительство принимало все меры к недопущению созыва съезда и его разгону. И действительно, когда в Копенгагене съехались все делегаты, датское правительство не разрешило открыть съезд. Делегатам пришлось перебраться в Швецию, в городок Мальме, но и там повторилась та же история: шведское правительство предложило делегатам в течение 3 дней оставить пределы Швеции. Пришлось делегатам возвращаться в Копенгаген, а оттуда перебираться в портовый городок Эсбьерг и затем перекочевывать в Англию.

Из переписки учреждений, служивших опорой царизма, мы ясно можем проследить, кто явился истинным виновником таких переездов Лондонского съезда. Эти документы публикуются нами ниже. Хранятся они в Архиве революции и внешней политики и извлечены нами из фондов бывшего русского министерства иностранных дел и департамента полиции. Переписка эта не только выявляет закулисные интриги царского правительства, но и ярко подчеркивает, насколько организация внутреннего полицейского аппарата, находясь в теснейшей связи с аппаратом внешней политики царизма, работала в контакте с такими же аппаратами соседних «дружеских держав».

Из дел департамента полиции (№ 5, ч. 80, т. 2, 1907 г. — «О партийном съезде») и 2-го департамента министерства иностранных дел (№ 94, 1907 г. — «О предполагаемом социал-демократическом общепартийном съезде») мы видим, что жандармы задолго

до съезда, еще в январе, из перлюстрационных сведений знали, что Центральным Комитетом партии ведется кампания по подготовке съезда. После сообщения заведующего заграничной агентурой А. М. Гартинга о том, что съезд предполагается в Копенгагене или Брюсселе в конце апреля или в начале мая, департамент полиции предложил министерству иностранных дел начать переговоры с правительствами Дании и Швеции о запрещении съезда РСДРП на их территории.

Из публикуемых ниже донесений русских дипломатических представителей за границей на имя товарища министра иностранных дел К. А. Губастова мы видим, что происки русского правительства увенчиваются успехом, и делегаты изгоняются из Дании, а затем из Швеции. И русское императорское правительство через своего министра иностранных дел А. П. Извольского приносит шведскому и датскому правительствам благодарность «за быстрые и энергичные меры», принятые по отношению к съезду. Эта благодарность, как сообщил секретарь русского посольства в Копенгагене, была принята там с видимым удовольствием, и датское правительство, в лице министра юстиции Альберти, даже изявило желание и впредь принять все меры к предупреждению демонстраций при возвращении через Данию русских социалистов.

В Англии царское правительство потерпело неудачу. Несмотря на все принятые меры, съезд в Лондоне все-таки состоялся. Не помогло и инспирированное сообщение из Петербурга, опубликованное в консервативной газете «Times», что действительная цель съезда РСДРП — это закупка в Англии оружия и подготовка к вооруженному восстанию. Хотя Англия и состояла в дружественных отношениях с Россией и заключила с Россией ряд соглашений, но она категорически отказалась на основании сведений, не имеющих юридического характера, разогнать собрание, тем более, что поведение и речи делегатов не рушили английских законов. Но все-таки английское правительство держало съезд и членов его под неусыпным наблюдением полиции. В конце концов, не добившись разгона съезда, Бенкендорф в своих донесениях министру иностранных дел в Петербурге утешал его, что конгресс в «большой публике» не возбуждает большого интереса и проходит почти незамеченным и что внезапное закрытие его было бы событием, которое могло бы быть использовано в ущерб нашим интересам.

К. Воинова.

Неизданная переписка русского министерства иностранных дел с русскими посольствами за границей, хранящаяся в Архиве революции и внешней политики.

1.

Секретная телеграмма министерства иностранных дел на имя русских дипломатических представителей в Копенгагене, Брюсселе и Стокгольме от 14 (27) апреля 1907 г. ¹⁾.

По сведениям департамента полиции, Центральный Комитет Российской социал-демократической партии предполагает созвать общепартийный съезд (6 мая) 23 апреля по старому стилю в Копенгагене, а в случае препятствий со стороны местных властей — в Мальме или Брюсселе.

Благоволите, согласно просьбе департамента полиции ²⁾, обратить внимание кого следует на предполагаемое собрание означенной партии, подготовляющей, как видно из ее программы, государственный переворот путем вооруженного восстания, и о тех мерах, которые будут приняты по сему поводу местным правительством, сообщить по телеграфу.

2.

Секретная телеграмма колл. сов. Фан-дер-Флита В. Я., [первого секретаря русского посольства в Копенгагене] на имя товарища министра [иностран-ных дел К. А. Губастова в Петербург].

Копенгаген, 20 апреля (3 мая) 1907 г.

Сегодня получил письмо Гартинга ³⁾ из Парижа, в котором он указывает на желательность предоставить участникам предполагаемого здесь съезда русских социалистов свободно проживать в Копенгагене и не препятствовать их собранию. Министр юстиции Альберти только что сообщил мне, что начальство здешней тайной полиции получило подобное же извещение от Гартинга. Министр, изъяснивший мне полную готовность поступить согласно желанию императорского правительства, просит в этом смысле сообщить ему завтра через миссию, какого образа действий дер-

¹⁾ Заголовок формулирован нами.

²⁾ Директор департамента полиции Максимилиан Иванович Трусевич 12 (25) апреля 1907 г. отношением за № 6627 просил директора второго департамента министерства иностранных дел Альфреда Карловича Бентковского снести с иностранным правительством о воспрещении съезда РСДРП, в программе которой стоит подготовка государственного переворота путем вооруженного восстания.

³⁾ А. М. Гартинг — заведующий секретной заграничной агентурой в Париже.

жаться датской полиции: препятствовать ли собранию или допустить. Покорнейше прошу уведомить, уполномочен ли я официально подтвердить просьбу Гартинга.

Директор департамента полиции не поддерживает просьбу Гартинга и настаивает на запрещении собрания. А. Б. ¹⁾.

3.

Письмо ²⁾ директора 2-го департамента министерства иностранных дел А. К. Бентковского на имя директора департамента полиции М. И. Трусевица ³⁾.

[4 мая] 21 апреля 1907 г. № 102. Секретно.

М[инистр] Г[осударь], Максимилиан Иван[ович].

Вследствие письма [25] 12 сего апреля № 6627, имею честь уведомить ваше п[ревосходительство], что м[инистерство] и [иностранн] д[ел], не преминуло предписать имп[ераторским] миссиям в Копенгагене, Брюсселе и Стокгольме обратить внимание соответствующих правительств на предполагаемое [6 мая] 23 сего апреля в Копенгагене, Брюсселе или Мальме собрание общепартийного съезда русской социал-демократической рабочей партии.

До сего времени в м[инистерств]е получены ответы от миссий в Копенгагене и Стокгольме в благоприятном для нас смысле, а именно: миссия в Копенгагене извещает, что начальник местной полиции получил предписание от датского министра юстиции воспрепятствовать предполагаемому собранию в случае, если полиции удастся обнаружить во-время приготовления к нему; равным образом шведский м[инистр] и [иностранн] д[ел] обещал имп[ераторскому] посланнику в Стокгольме от имени своего правительства, что будут приняты все старания, чтобы воспрепятствовать собранию сказ[анной] партии на шведской территории.

Ныне, однако, получена телеграмма, из миссии в Копенгагене, извещающая, что Гартинг телеграммой из Парижа просит не пред-

¹⁾ Последний абзац является припиской на полях подлинника рукою директора 2-го департамента министерства иностранных дел А. К. Бентковского.

²⁾ Письмо составлено директором 2-го департамента А. К. Бентковским на основании телеграмм секретаря русского посольства в Копенгагене Фандер-Флита от 29 (16) апреля и 1 мая/18 апреля 1907 г., а также телеграммы русского посланника в Стокгольме барона Федора Андреевича Будберга, от 29 (16) апреля 1907 г.

³⁾ Заголовок формулирован нами.

принимать никаких мер для воспрепятствования упом[янутому] собранию в Копенгагене и дать социалистам возможность с'ехаться в этом городе. С подобного же рода телеграммою Гартинг обратился также и непосредственно к копенгагенским властям. Вслед[ствие] сего миссия ходатайствует об указании, следует ли ей удовлетворить просьбу г. Гартинга.

Сообщая вышеизлож[енное], им[ею] ч[есть] ув[едомить] ваше пр[евосходительст]во, что на основании разговора, который я только что имел с вами по телефону, миссия в Копенгагене отправ[ила] телеграмму с поручением настоять на запрещении с'езда в этом городе русских социалистов.

4.

Секретная телеграмма колл. сов. [В. Я.] Фап-дер-Флита [секретаря русского посольства в Копенгагене] на имя господина товарища министра [иностранных дел К. А. Губастова в Петербург].

Копенгаген, 22 апреля (5 мая) 1907 г.

Министр юстиции только что сообщил мне, что он имеет основания надеяться, что удастся «сравнительно мирным образом» предупредить собрание конгресса в Копенгагене. Министр обещал уведомить меня завтра о дальнейшем.

5.

Секретная телеграмма колл. сов. Фап-дер-Флита [секретаря русского посольства в Копенгагене] на имя г. товарища министра [иностранных дел К. А. Губастова в Петербург].

Копенгаген, 22 апреля (5 мая) 1907 г.

Передал вчера поздним вечером лично министру юстиции содержание телеграммы вашего превосходительства от [4 мая] 21 апреля.

Министр обещал предупредить единственным в его власти средством собрание здесь русских социалистов, а именно: поручив полиции приглашать с'езжающихся немедленно покидать Копенгаген под угрозой их высылки. Покорнейше прошу поставить непосредственно Гартинга об этом в известность¹⁾.

¹ На основании этого допесения директор 2-го департамента министерства иностранных дел А. К. Бентковский известил директора департамента

6.

Секретная телеграмма колл. сов. Фан-дер-Флита на имя г. товарища министра.

Копенгаген, 23 апреля (6 мая) 1907 г.

Дополнение сегодняшней моей телеграммы.

Только что виделся в министром юстиции, сообщившим мне, что 100 русских социалистов, предупрежденные о запрещении конгресса, выехали вчера вечером из Копенгагена в Мальме, где теперь находятся. Сверх того около 13 выехали вчера отсюда с билетами в Киль и Люттих. В Мальме ожидается теперь прибытие остальной партии революционеров из России, которые узнают от находящихся уже в Мальме единомышленников о принятых датскими властями мерах. Вожак датской социалистической партии Кнудсен был сегодня у министра Альберти и сказал, что русские социалисты намерены, если не будет парохода прямого сообщения из Мальме в Англию, отправиться чрез Данию в Эсбьерг, где до отходящего парохода им, может быть, придется ночевать. Министр ответил Кнудсену, что прямое следование до Эсбьерга допустимо под неперемнным условием, чтобы там не было ночного митинга. Министр сказал мне, что он уверен, что собрание в Дании не состоится в настоящее время, и добавил, что русские социалисты старались иметь теперь съезд в Англии или Германии. Что касается до Англии, то ввиду нового закона требуется от каждого приезжающего наличность пяти фунтов, что составило бы для всех отправляющихся в Англию русских социалистов около 18 000 марок, которые они вряд ли имеют при себе. Министр предполагает, что датское пароходное общество не примет их на пароход без предварительного предъявления всей суммы. Министр констатирует растерянность русских социалистов и смущение вожака датских социал-демократов.

7.

Секретная телеграмма барона [Ф. А.] Будберга [русского посланника в Стокгольме] на имя г. товарища министра.

Стокгольм, 23 апреля (6 мая) 1907 г.

Продолжение моей телеграммы от [29] 16 апреля.

Министр иностранных дел, только что сообщил мне следующее: вчера вечером в Мальме прибыли из Стокгольма 200 русских социал-демократов и из Копенгагена около 100. Они пытались ночью устроить собрание в «Народном Доме», чему полиция вос-

полиции М. И. Трусевича 6 мая (23 апрель) 1907 г. за № 103 о согласии датского министра юстиции разогнать съезд.

препятствовала и, руководствуясь точными приказаниями, полученными из Стокгольма, объявила им, что в случае новых попыток собраться они будут немедленно высланы на родину. На высказанное ими намерение собраться в Стокгольме власти ответили, что запрет не только касается Мальме, но распространяется на всю шведскую территорию. Взятые врасплох шведские социалисты оказали русским единомышленникам мало сочувствия, что весьма облегчит задачу полиции. Датская полиция, которую не преминули поставить в известность по телефону о случившемся, ответила, что на датской территории социал-демократы не будут терпимы более 3 часов. Из сведений, полученных от шведского тайного агента, понимающего по-русски, можно заключить, что члены партии намереваются собраться в Лондоне, а если это не удастся, то в Бельгии.

8.

Секретная телеграмма колл. сов. [В. Я.] Фан-дер-Флита на имя г. товарища министра.

24 апреля (7 мая) 1907 г.

Министр юстиции сообщил мне, что прибывшие вчера вечером обратно в Копенгаген из Мальме около 180 русских социалистов выехали сегодня под полицейским давлением в Эсбьерг и что здесь больше никого из них нет. Министр дал только что по телеграфу полиции в Эсбьерг следующие инструкции: не препятствовать выезду русских социалистов оттуда с пароходом датского общества в Англию; в случае признаков собрания в Эсбьерге или окрестностях принудительно выслать всех в Россию; в случае зафрахтования ими частного судна предупредить капитана, что вторичная высадка в Дании безусловно не будет допущена. (Считаю долгом дополнить, что пароходы Датского общества прямой линии Эсбьерг — Гарвич отходят по вторникам, средам и субботам. в 4 часа дня.)

Русские социалисты получили от здешних в воскресенье 8 000 крон. Предполагается, что социалист Плеханов выехал отсюда в воскресенье прямо в Англию.

9.

Отношение директора 2-го департамента министерства иностранных дел А. К. Бентковского на имя директора департамента полиции М. И. Трусевича от 25 апреля (8 мая) 1907 г. № 105 ¹⁾.

¹⁾ Заголовок формулирован нами. Подлинный документ хранится в деле деп. пол. за 1907 г., № 5280, т. II, стр. 86—87.

Милостивый государь, Максимилиан Иванович.

В дополнение к письму от [7 мая] 24 сего апреля, имею честь уведомить ваше превосходительство, согласно полученной (вчера) телеграммы императорской миссии в Стокгольме, что [5 мая] 22 апреля вечером в Мальме прибыли из Стокгольма двести русских социалистов и из Копенгагена около ста. Они пытались ночью устроить собрание в «Народном Доме», чему, однако, местная полиция воспрепятствовала и, руководствуясь точными приказами, полученными из Стокгольма, объявила им, что в случае новой попытки они будут высланы на родину. На высказанное же ими намерение собраться в Стокгольме власти гор. Мальме ответили, что запрет этот распространяется на всю шведскую территорию. Взятые, таким образом, врасплох шведские социалисты оказали русским единомышленникам мало сочувствия, чем весьма облегчили задачу местной полиции. В свою очередь, датская полиция, которая была поставлена в известность по телефону о случившемся, ответила, что на датской территории социалисты не будут терпимы более 3 часов. Ввиду этого, по сведениям шведского тайного агента, можно заключить, что члены партии намереваются собраться в Лондоне, а если последнее не удастся, то в Бельгии. По дополнительным сведениям, полученным от императорской миссии в Копенгагене, около ста восьмидесяти русских социалистов прибыли [6 мая] 23 апреля вечером из Мальме в Копенгаген, откуда все они выехали на следующий день, будучи к тому принуждены полицией, в Эсбьерге, полиции коего было предписано не препятствовать выезду русских социалистов с пароходом Датского общества в Англию, а до тех пор не допускать собрания в Эсбьерге или окрестностях, под угрозой выслать их в Россию. В случае зафрахтования ими частного судна предупредить капитана, что вторичная высадка в Дании безусловно не будет допущена. Русские социалисты получили от датских восемь тысяч крон. Социалист Плеханов, по предположениям, выехал в воскресенье из Копенгагена прямо в Англию. О предполагаемых действиях социалистов поставлено вместе с сим в известность императорское посольство в Лондоне.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Бентковский.

P. S. Только что получена телеграмма от миссии в Копенгагене, извещающая, что 22 социалиста вчера выехали из Эсбьерга в Англию на пароходе «Фьорд» пассажирами 1-го класса. Сегодня в 5 часов должны выехать еще 180 человек, находящихся в Эсбьерге.

10.

Шифрованная телеграмма русского министра иностранных дел А. И. Извольского: 1) русскому посланнику в Стокгольме [Ф. А. Будбергу], 2) секретарю русского посольства в Копенгагене [В. Я. Фан-дер-Флиту]¹⁾.

[11 мая] 28 апреля 1907 г.

Соблаговолите выразить шведскому (датскому) правительству благодарность императорского правительства за быстрые и энергичные меры, которые оно сочло возможным принять по отношению к предполагавшемуся собранию русских социалистов.

Извольский.

11.

[Письмо секретаря русского посольства в Копенгагене В. Я. Фан-дер-Флита русскому министру ин. дел, Петербург] Копенгаген, 30 апреля (13 мая) 1907 г. № 121 его высокопревосходительства А. П. Извольскому.

Милостивый государь, Александр Петрович.

Во исполнение изложенного в секретной телеграмме вашего высокопревосходительства от [11 мая] 28 сего апреля, № 533 предписания, я передал сегодня утром временно управляющему министерством иностранных дел, камергеру Крагу, благодарность императорского правительства за решительные и своевременные меры, коими королевское правительство сочло возможным предупредить предполагавшееся в Дании собрание русских социалистов.

Г-н Краг, которого вчера нельзя было застать в министерстве ввиду воскресного дня, принял мое сообщение с видимым удовольствием и сказал мне, что, судя по полученному им только что от графа Рабена из Лондона письму, датский министр иностранных дел весьма доволен, что принятыми министром Альберти «энергичными» мерами удалось во-время расстроить конгресс русских революционеров на датской территории. При этом г. Краг упомянул об удовлетворении графа Рабена спокойным и здравым отношением здешней печати к означенному вопросу.

Действительно, за исключением отдельных, вопреки чуть ли не в обычай, вылазок радикальной печати против личности г. Альберти, вся остальная датская пресса воздержалась до сих пор от каких бы то ни было неуместных намеков на то, что принятые датским правительством меры могли быть вызваны внушением со стороны императорского правительства.

Весьма благоприятным обстоятельством для удержания прессы от неудобных и нежелательных комментариев явилась напечатанная еще 2 мая нов. ст. в «Politiken» телеграмма лондонского кор-

¹⁾ Заголовок формулирован нами. Перевод с французского.

респондента названной газеты, сообщившего, со слов английского листка «Evening News», что представители русской социал-демократической партии собираются устроить в мае месяце тайный съезд, на котором должен быть, между прочим, обсужден вопрос, какими средствами можно добиться роспуска Государственной Думы, объявления затем всеобщей стачки в России и возбуждения поголовного восстания крестьян путем обещаний раздела помещичьих земель.

Несколько дней спустя газета «Berlingske Tidende» напечатала телеграмму из С.-Петербурга, что большое число «революционеров» отправилось на пароходе «Астреа» за границу чрез Мальме. Означенный же пароход совершает, как вашему превосходительству хорошо известно, постоянные рейсы между Финляндией и Копенгагеном.

Министр юстиции обратил внимание на эти известия, и в разговоре со мною г. Альберти заметил, что в случае каких-либо «интервью» или запросов на партийных собраниях он сошлется на них как на достаточно веские доводы, объясняющие нежелание датских властей допустить на датской территории подобный митинг.

Что касается газеты «Social-Demokraten», то она остерегается как бы выдавать секреты своих русских единомышленников. Таким образом, она только упомянула, что в числе прибывших и «изгнанных из Дании русских» было 12 членов Думы, имена коих она «не решается» назвать. Единственное, что проскользнуло на столбцах указанной газеты в письме корреспондента из Эсбьерга, это — беседа с одним молодым членом «конгресса», сообщившим будто бы, что выборы делегатов на съезд происходили по округам. Каждый округ, имеющий приблизительно 500 «членов», избрал одного представителя, при чем выборы производились на тайных собраниях при всеобщем голосовании. Избирались также и женщины. В названной корреспонденции упоминается также о 6 женщинах: двух фабричных работницах и четырех учительницах. По словам собеседника корреспондента «Social-Demokraten», конспиративный план заграничного «конгресса» был будто несколько скромно прометирован преждевременным движением большой группы революционеров из Финляндии в Мальме.

К сообщенным мною уже в секретных телеграммах императорскому министерству подробностям о проезде русских социалистов через Данию в Англию и принятых местными властями мерах для предупреждения их конгресса на датской территории мне остается только добавить, что в минувшую субботу проехало здесь в Англию еще 30 человек. При следовании через Данию русские социалисты встречались здешними единомышленниками сочувственно, на станции в Копенгагене собралась группа датских социалистов, в Оденсе, Фредериии и Эсбьерге появлялись рабочие делегации

с красными флагами, и кое-где раздавались звуки марсельезы. В общем же все путешествие русских революционеров по Дании прошло без всяких инцидентов, и попытки к искусственно подержанным местными социалистами манифестациям могут только, по общему впечатлению, раскрыть глаза здравомыслящему населению на сообщничество выдающих себя за мирную рабочую партию социалистов с отъявленными революционерами.

В заключение позволяю себе почтительнейше обратить благосклонное внимание вашего высокопревосходительства на оказанные нам в деле предупреждения конгресса в Дании министром юстиции услуги. В отсутствие графа Рабена, г. Альберти сам вошел в непосредственные со мною сношения для предварительного точного выяснения желания императорского правительства и поставил меня затем в возможность немедленно доносить в С.-Петербург по телеграфу о всех фазисах этого дела, назначая мне по телефону свидание либо у себя на квартире, либо в министерстве.

В чрезвычайной предупредительности министра юстиции я не мог не заметить, кроме самого серьезного отношения к вопросу, и следов бывших личных отношений вашего высокопревосходительства с г. Альберти, содействовавших исходу дела.

Считаю долгом присовокупить, что в последнем моем разговоре с министром г. Альберти намекнул мне на то, что в случае обратного следования русских социалистов из Англии после состоявшегося там конгресса проезд их демонстративной массой будет по возможности предупрежден, но что, разумеется, не в его власти воспрепятствовать проезду отдельных групп, теряющихся в числе прибывающих в Данию пассажиров. С глубочайшим почтением и таковой же преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга.

Фан-дер-Флит.

12.

Секретная телеграмма [русского посла в Лондоне] графа [А. К.] Бенкендорфа [в министерство иностранных дел в Петербург] ¹⁾.

Лондон, 25 апреля (8 мая) 1907 г.

Мне необходимы точные сведения о политической окраске лиц, которые собираются здесь. «Трибуна» ²⁾, которая, по словам мини-

¹⁾ Перевод с французского.

²⁾ Статья «Прибытие русских социалистов на предполагаемый конгресс в Лондоне» была напечатана в № 411 английской газеты «Трибуна» от 8 мая (25 апреля) 1907 г. Приводим ее в русском переводе полностью: «Сообщение о том, что русским социалистам не разрешено собрать конгресс в Дании и они решили приехать с этой целью в Англию, подтверждается тем фактом, что часть делегатов действительно прибыла в Лондон с намерением удостоверить, можно ли конгрессу собраться. Если условия будут благоприятны,

стра иностранных дел, совершенно...¹⁾ правительственный орган сегодня публикует статью, имеющую целью успокоить английскую публику и придать делу безвредную окраску. Было бы очень полезно, если бы корреспондент «Times» телеграфировал сведения полезные для умеренной английской прессы. Грей²⁾ крайне раздосадован.

13.

Секретная телеграмма [русского посла в Лондоне] графа [А. К.] Бенкендорфа [в Петербург в министерство иностранных дел]³⁾.

Лондон, 26 апреля/9 мая 1907 г.

Личная.

Не представится ли возможным добиться осуждения путешествия социалистов в кадетском органе. Затруднение в том, что здесь они будут отрицать всякие анархические и революционные намерения, что уж и сделано газетой «Трибуна» от их имени. Правительство не в состоянии сделать что-нибудь действительное, если

предполагается, что придет от трех до четырех сот делегатов, представляющих различные национальные секции РСДРП, включая сюда собственно русскую секцию, еврейский «Бунд», польскую, литовскую, кавказскую, украинскую и прочую социал-демократию.

Конечно, эту сборную партию не надо смешивать с анархизмом или так называемыми социалистами-революционерами, которые признают террор и ответственны за большую часть покушений на жизнь видных членов и слуг автократии, произведенных в разное время. Данная партия имеет сходство с британской социал-демократической федерацией, имеющей целью организацию рабочего класса в независимую политическую партию. Предполагаемый конгресс, насколько можно было понять из русской прессы, главным образом будет обсуждать вопрос об отношении социал-демократии к другим оппозиционным партиям, а затем о соборании вообще рабочего конгресса с целью образовать нечто вроде британской рабочей партии, заключающей в себе и социалистов и тред-юнионистов. Эти два вопроса раскололи социал-демократию на два лагеря: один — непримиримый, другой — более оппортунистский, и важнейшим делом конгресса будет отыскать *modus vivendi*, (т.-е. способ установления мирных отношений, спокойного сожительства), если не полное соглашение, между ними. Невозможность для социал-демократов собрать конгресс в России объясняется тем фактом, что, несмотря на то, что они представлены в думе группой в 65 человек, они, подобно конституционно-демократической партии, не признаются правительством за «легальную» партию. В случае, если эти последние захотят собрать конгресс, они должны ехать за границу. Наш копенгагенский корреспондент сообщает, что около 200 делегатов выехало прошлой ночью в Лондон через Эсбьерг. Остальные выезжают сегодня.

¹⁾ Многоточие поставлено в подлиннике документа: следующие слова приведены нами в дословном переводе.

²⁾ Лорд Эдуард Грей — министр иностранных дел Англии в 1905—1916 гг.

³⁾ Перевод с французского.

не будет ясно установлен революционный характер. Они заставят здесь считать себя простыми либералами. Другое дело, если б эти последние отреклись от них.

14.

Секретная телеграмма [русского посла в Лондоне] графа [А. К.] Бенкендорфа [в Петербург в министерство иностранных дел] ¹⁾.

Лондон, 26 апреля (9 мая) 1907 г.

Телеграмму № 522 получил.

Вчера я беседовал по этому поводу с Греем и Гардингом ²⁾. И тот и другой сказали мне, что английские законы не разрешают воспрепятствовать высадке и свободе собраний, поскольку речи и поведение не нарушают английских законов. Гардинг сказал мне, что ему во всяком случае необходим обстоятельный по этому поводу доклад. Подтверждая мою вчерашнюю телеграмму, я прошу, если возможно, сообщить мне текст программы, цитируемой в телеграмме вашего превосходительства, в которой формулировано подготовление к вооруженному восстанию. На Грея произвело крайне неприятное впечатление статья «Трибуны», которая доставила случай нашим социалистам войти в сношение с группой британской социал-демократической федерации, составляющей сильную оппозицию министерству и никоим образом не являющейся частью парламентской рабочей партии. Никакое применение «Alien bill» ³⁾ не кажется мне возможным. Правительство может действовать лишь на основании сведений, имеющих юридический характер. Мне кажется весьма вероятным, что наши социалисты, будучи хорошо осведомлены об этом и не находя никакой поддержки в общественном мнении, которое до сих пор обходит их молчанием, будут очень осторожны в речах. До сих пор вся пресса, за исключением газеты «Трибуна», называет их анархистами. По моим сведениям, вчера было 22 человека; более многочисленная группа ожидается.

15.

Секретная телеграмма [русского посла в Лондоне] графа [А. К.] Бенкендорфа [в Петербург в министерство иностранных дел] ⁴⁾.

Лондон, 26 апреля (9 мая) 1907 г.

¹⁾ Перевод с французского.

²⁾ Лорд Чарльз Гардинг — английский дипломат, с 1910 по 1916 г. генерал-губернатор Индии.

³⁾ Alien bill или Alien act — «закон об иностранцах», по которому английское правительство имело право запрещать высадку эмигрантам, в случае, если они окажутся сумасшедшими, идиотами, больными заразными болезнями или присужденными правительством своей страны за мошенничество или подобные преступления тюремному заключению.

⁴⁾ Перевод с французского.

Партия, о которой говорится в вашей телеграмме от сего числа, есть ли та самая партия, которая организовала съезд в Стокгольме в 1906 году и приняла резолюции, содержащиеся в книге Бряничанинова¹⁾, на странице 294 и следующих? Могу ли я сослаться на этот текст.

16.

Шифрованная телеграмма русскому послу в Лондоне [А. К. Бенкендорфу] от [русского] министра [иностранн. дел А. К. Извольского].

[9 мая] 26 апреля 1907 г. ²⁾.

В моей вчерашней телеграмме вы найдете сведения, требуемые вашей телеграммой от 25/IV. М[инистерст]во внутренних дел безотлагательно даст корреспонденту «Times»³⁾ справки, предназначенные для разъяснения английской публике истинной цели собрания, предполагаемого означенными социалистами⁴⁾ [которое, по моему мнению, не должно быть допущено на территории государства, с коим мы находимся в дружественных отношениях].

¹⁾ А. Бряничанинов, «Междудумье», вып. I. Сборник материалов для характеристики политического положения перед созывом II Думы, СПб. 1907 г. Стр. VIII+358.

²⁾ Подлинный документ написан на французском языке.

³⁾ Следующие слова в подлинном документе зачеркнуты карандашом.

⁴⁾ Статья петербургского корреспондента «Прибытие социалистов в Англию» действительно появилась в английской правительственной газете «Times» в № 38331 от 13/30 мая 1907 г. Даем ее в русском переводе полностью:

«Приезд в Англию русских социалистов для устройства партийного съезда возбуждает надежду, что истинные цели съезда не будут ложно истолкованы. Коротко говоря, эти цели состоят в отыскании средств для подготовки демократической революции в России, иными словами, установления социалистической республики при помощи вооруженного восстания в ближайшее время. Как доказательство их намерений, установлено положительно, что социал-демократические посетители Англии приготовились сделать крупные покупки оружия. Каково бы ни было преобладающее мнение о допустимости при таких условиях покровительства социал-демократическому съезду на британской земле, не может быть двух мнений о необходимости положить конец покупке и вывозу оружия. Более того, терпимость к самому съезду не должна поддвигаться сентиментальными соображениями. Сведения о действительной цели съезда слишком полно подтверждаются упорной защитой думскими социал-демократами «организации масс», т.-е. вооруженного восстания. Единственный аргумент в пользу терпимости основан на предположении, что меньшевики, — фракция, в принципе отрицающая насильственные методы, — могут на съезде оказаться сильнее, чем большевики, защитники вооруженного

Секретная шифрованная телеграмма русскому генеральному консулу в Лондоне [барону Унгерн-Штернбергу из Петербурга от русского министерства иностранных дел] ¹⁾.

Лондон, 27 апреля [10 мая] 1907 г.

Сто наших социалистов, о которых говорили датские и шведские газеты, прибыли в Лондон с билетами I класса, подчиняясь требованиям «Alien act'a». Каковы будут ваши распоряжения на случай, что они захотят вернуться; должен ли я запретить пароходу принять их на борт?

восстания, что таким образом вся партия будет приведена к умеренности. Но этот аргумент не выдерживает критики. Большевики не доступны убеждениям, и на практике обе секции партии поддерживают друг друга настолько, что в Думе мало или совершенно нет разницы между большевиком Алексинским и меньшевиком Церетели. Итак, терпимость по отношению к съезду может привести только к усилению насильственных революционных партий в России, что ввиду неустойчивости внутреннего положения может доставить правительству серьезные затруднения.

В Москве открылся съезд так называемых монархических организаций. Правительство разрешило съезд, хотя указанные партии громко проповедают реакционную точку зрения, а некоторые открыто призывают к насилию. С другой стороны, умеренным конституционным партиям до сих пор отказывается в этой привилегии. Лучшие друзья правительства могут только сожалеть, что оно уступает в такой парадоксальной политике, тогда как враги правительства не преминут провести неприятное сравнение между терпимостью к реакционерам и нетерпимостью к конституционалистам, которых оно таким образом ставит на одном уровне с революционными социал-демократами.

Этому сообщению «собственного корреспондента» предшествовала любезная переписка между директором департамента полиции М. И. Трусевичем и директором 2-го департамента министерства иностранных дел А. К. Бентковским по поводу посланной департаментом полиции 9 мая (26 апреля) телеграммы в «Times», при чем текст этой телеграммы был тождествен с приложенной при письме вырезкой из № 3833 газеты «Times» (дело деп. пол. 1907 г., 5 ч., № 80, т. II, стр. 107—112 и дело МИД за 1907 г., № 94, стр. 78—81).

В свое время русская пресса реагировала на появление этой корреспонденции. Газета «Товарищ» в № 26 от 20 (3) мая 1907 г. писала, что петербургский корреспондент «Times» не постеснялся поделиться секретным материалом, полученным им, очевидно, из департамента полиции. Появлялись заметки по поводу этого и в газете «Русь» и в других.

¹⁾ Перевод с французского.

18.

Секретная шифрованная телеграмма русскому генеральному консулу в Лондоне [барону Унгерн-Штеренбергу из Петербурга от русского министерства иностранных дел] ¹⁾.

[12 мая] 29 апреля 1907 г.

Дело, касающееся съезда социал-демократов, в настоящее время находится в посольстве, к которому в случае надобности вы и должны были бы обратиться. Соболаговолите объяснить, каким образом вы могли бы запретить взять их на пароход.

19.

Секретная телеграмма [русского генерального консула в Лондоне] барона Унгерн-Штеренберга [в Петербург в русское министерство иностранных дел] ¹⁾.

Лондон, 30 апреля [13 мая] 1907 г.

Состою в продолжительных сношениях с «United Shipping Company», где объединена вся балтийская пароходная навигация. Уверен, что она подчинится моим указаниям, разумеется, если они будут сделаны во-время.

20.

Секретная телеграмма [русского посла в Лондоне] графа [А. К.] Бенкендорфа [в Петербург в русское министерство иностранных дел] ¹⁾.

Лондон, 28 апреля [11 мая] 1907 г.

Получил телеграмму от 25 и 26.

Я продолжаю переговоры с министерством иностранных дел от своего имени. После того, как высадка имело место, воспреещение съезда законным путем невозможно. Если бы даже кабинет и согласился произвести самовольный акт, что я не нахожу возможным, из этого последует полемика и горячие споры о его незаконности, которые, не имея целью защитить наших революционеров, косвенно были бы полезны и выгодны им. С другой стороны, после пребывания здесь в течение нескольких дней, во время которых, хотя и под строгим наблюдением полиции, они будут иметь время негласно сговориться, конгресс сам по себе становится почти формальным. Хорошая сторона его в том, что он откроет Англии глаза на истинный характер этой партии и на природу ее приверженцев, что именно и трудно заставить понять здесь. Я конфиденциально передал министру перевод резолюции Стокгольмского конгресса вместе с книгой

¹⁾ Перевод с французского.

Брянчанинова, что произвело глубокое впечатление. Пресса до сих пор недоверчива и воздерживается от всяких намеков в своих статьях, но уже, несмотря на постоянные усилия приехавших сюда социалистов пройти за умеренных, их революционный характер начинает проявляться. Я откладываю до более удобного времени опубликование резолюций Стокгольмского конгресса, что поведет к газетной кампании, гораздо более чувствительной для них, чем закрытие самого съезда, результат которого очень проблематичен. В большой публике, занятой другим, конгресс не возбуждает особого интереса и проходит почти незамеченным. Внезапное закрытие его было бы событием, которое каждый использовал бы для своей выгоды и в ущерб нашим интересам.

21.

Письмо [русского посла в Лондоне] графа [А. К.] Бенкендорфа [в Петербург в министерство иностранных дел] ¹⁾.

Лондон, 29 апреля [12 мая] 1907 г.

Получив первое известие о высадке в Англии группы русских социалистов, я сначала отправился к сэру Ч. Гардингу, как более компетентному в русских внутренних делах, и выяснил ему всю важность этого факта, упирая в моей аргументации не на последствия его в международных сношениях, но главным образом на опасность, которую представляют для порядка в России собрания и совещания социалистов в чужих странах, ссылаясь на то, что ему самому известно из этого положения. Он ответил мне, что, видя, как я вхожу, он уже знал, о чем я пришел говорить, что он прекрасно понимает всю важность положения, что он не хотел бы отвечать мне легкомысленно, и спросил меня, могу ли я дать ему точные сведения о партийности и классовой принадлежности прибывших лиц, могу ли я дать ему подробный доклад по этому поводу. Это было перед получением телеграммы вашего превосходительства от 25 апр. за № 522. Я только ответил ему, что люди, изгнанные из Швеции и Дании, могут быть лишь явными революционерами. Сэр Чарльз очень хорошо оценил силу этого аргумента. Однако он сказал мне, что должен многое принять в соображение: прежде всего английское законодательство — препятствие, преодолеть которое он не видит никакого средства, затем опасность, чтобы неосмотрительная мера правительства не послужила более революционным целям, чем моральное воздействие, неудавшееся благодаря настроению прессы и английского общественного мнения.

Я привел ему прилагаемую при сем статью «Трибуны». «Вот это и надо опровергнуть», — сказал он. — Всякое сведение, ведущее к тому,

¹⁾ Перевод с французского.

чтобы уничтожить мнение, будто эти социалисты являются парламентской партией и имеют целью лишь правильное функционирование Думы, — драгоценно. Таким образом можно воздействовать и на прессу и на общественное мнение». Предвидя невозможность изгнания и неудобство закрытия конгресса, я ответил сэру Чарльзу, что завтра же дополню свои сведения и откладываю более положительную формулировку своей точки зрения до получения инструкций вашего превосходительства, которые, я считаю, непременно должны последовать. Я сказал ему, что я явился от своего собственного имени, чтобы привлечь на происходящее самое серьезное внимание.

Я отправился к сэру Эдуарду ¹⁾. Так как последний был меньше в курсе дел России, чем помощник секретаря, я более распространялся о поведении и характере партии в Думе и о невозможности по вине чисто революционного элемента прийти к спасительному и я устойчивому равновесию.

Я вместе с ним рассмотрел заметку «Трибуны». При моем указании на «Британскую социал-демократическую федерацию» он сказал, что это сопоставление открывает ему глаза, что эта партия приносит более всего вреда в Англии и более всего противодействует настоящему правительству. Он сказал мне: «Нет сомнения, что широкое английское общество надеется на полезное сотрудничество вашего правительства и Думы, но, — как ему кажется, партии работают в прямо противоположном этим надеждам направлении, и следует действовать с крайней осторожностью, чтобы не произвести действия, противоположного желательному». По его мнению, ледяное молчание прессы было бы наиболее парализующим средством; если это сделается невозможным, он употребит все усилия, чтобы достигнуть единодушного осуждения, которое лишило бы на будущее время всяких надежд.

Видя, что сэр Эдуард принял ситуацию со всех точек зрения чрезвычайно серьезно, и понимая всю затруднительность его положения, я коротко, но сильно подтвердил ему свою точку зрения и удалился.

Сопоставляя официальные названия партий, я нашел в книге Брианчанинова ²⁾ резолюцию Стокгольмского конгресса. Я их сообщил министерству иностранных дел. Однако, не зная действительной документальной ценности этой книги с дипломатической точки зрения, я передал ее лишь в виде частного сообщения. Я думаю, что придет момент, когда надо будет опубликовать этот документ, как это ни странно, оставшийся без опровержения, но лишь в том случае, если полемика прессы сделает это необходимым. Я думаю также, как сэр Эдуард Грей и сэр Чарльз Гардинг, — что молча-

¹⁾ См. примеч. 4-е к документу № 12.

²⁾ См. примеч. 1-е к документу № 15.

ние всего более обескуражит и расхолодит наших революционеров в их попытках привлечь к ним сколько-нибудь серьезные симпатии Европы при помощи обмана общественного мнения лживыми провозглашениями умеренности.

Вчера сэр Чарльз Гардинг, в отсутствие сэра Эдуарда Грея, просил меня зайти к нему. Он сообщил мне, что получил от всех крупных газет обещание не только быть настороже, но и воздерживаться от малейшей возможности оказать поддержку съезду этих революционеров; что они будут везде под наблюдением полиции, от которой ничто не ускользнет; что английские законы допускают вмешательство лишь в случае призывов к убийствам; что изгнание или предварительное закрытие съезда явилось бы актом, настолько противным правам и идеям всех партий, что результаты подобной меры неисчислимы, и что, следовательно, она невозможна.

Тем временем я получил телеграмму вашего превосходительства. Услышав слова сэра Чарльза, которые я, впрочем, и ожидал, и видя, что официальные шаги ни в чем не могут изменить создавшееся положение, несмотря даже на желание кабинета, я счел более удобным не сообщать ее. Я только повторил свою основную точку зрения, а именно — опасность организации здесь смуты, восстаний или мятежей в России.

Тем не менее я твердо убежден, что при настоящем положении вещей энергичная, насильственная с точки зрения английского закона, мера дала бы нашим революционерам совершенно неожиданные выгоды.

Для тайных соглашений о восстании им нет нужды собирать съезд в Лондоне. Все, чего они хотят, это — привлечь к себе симпатии, маскируясь и обманывая мир относительно их действительных намерений, и таким образом создать нам затруднения.

Этого нельзя допустить. И этим путем, я думаю, следует идти.

Вчера я присутствовал на банкете печати и увидел ясно, что такая точка зрения прошла и принята всеми на основании здравого смысла.

Большая публика, как кажется, едва ли подозревает присутствие в Лондоне русских революционеров, и этот конгресс теряется в десятках такого же типа конгрессов и английских «митингов», свидетелем которых Лондон бывает каждый день. До сих пор в печати не появилось ни строчки, за исключением 2 или 3 замечаний, в которых они уже названы революционерами или анархистами.

Если съезд — тайный, он будет под наблюдением полиции, ничего серьезного не может произойти, а на английскую публику эта таинственность произведет самое печальное впечатление; если он будет публичным, он явится чисто формальным, вынужденно умеренным, что никого не обманет. Я думаю, что могу уверять в этом.

Что же касается существенно опасных и секретных резолюций, они могли и даже должны уже быть приняты — на море, в пути, чему нельзя было помешать.

Я буду продолжать точно осведомлять ваше превосходительство обо всем, что мне удастся узнать.

Ясно, что легкость, с которой создавалась в Лондоне атмосфера, враждебная конгрессу, в значительной степени зависит от установленного мнения, что политические отношения между Россией и Англией вполне дружественны. Именно по этой причине вопрос и подвергся более глубокому рассмотрению, и это обстоятельство нужно принять в соображение, чтобы пресса получила из Петербурга самые подлинные и самые ясные сведения всеми возможными путями.

22.

Секретная телеграмма [русского посла в Лондоне] барона [А. К.] Бенкендорфа [в министерство иностранных дел в Петербург] ¹⁾.

Получена телеграмма № 581.

Английская полиция сообщает мне, что, несмотря на деятельное наблюдение, чрезвычайно трудно получить точные сведения. Она не в состоянии опротестовать авторитетно печатное сообщение конгресса, что в порядке дня конгресса нет вопроса о восстании. Она присутствует там, поскольку предполагает, что на заседании бывают лица явно крайних убеждений. Мне кажется возможным, что конгресс, чувствуя, что за ним наблюдают, избегает дискуссий и особенно резолюций, которые могли бы быть подведены под нарушение закона, частью из осторожности, частью, чтобы скрыть внутренние несогласия.

23.

Письмо русского поверенного в Копенгагене И. А. Кудашева русскому министру иностранных дел в Петербург А. П. Извольскому. Копенгаген. 27 октября [9 ноября] 1907 г. № 261.

На прошлой неделе депутат социалист Ольсен обратился в фолькстинге к министру юстиции с запросом, на каком основании и не вследствие ли «приказания» из Петербурга в мае сего года был запрещен в Копенгагене конгресс русских социалистов и последние были высланы из Дании?

¹⁾ Перевод с французского. — Министерство иностранных дел на основании этой телеграммы известило департамент полиции 1 июня [19 мая] 1907 г., № 135 (см. дело МИД 1907 г., № 94, стр. 165) о невозможности опровергнуть опубликованное съездом заявление, что вопрос о вооруженном восстании на съезде не обсуждается.

Г-н Альберти ответил, что это не входит в обычаи датского правительства получать приказания из-за границы, и что в данном случае ему не было нужно давления со стороны иностранного правительства, чтобы не разрешить собрания, явная цель которого была ниспровержение существующего государственного строя и подстрекательство к беспорядкам и разбоям в дружественной державе, и что королевское правительство не может вообще покровительствовать на своей территории революционным действиям, направленным против главы того или другого государства.

Далее в своей речи министр прибавил, что по отношению к русским социалистам никакие принудительные меры не были применены, и что они не были высланы из страны. Наконец г-н Альберти указал на то обстоятельство, что один из вожаков местных социалистов, Кнудсен, явился тогда к нему в качестве посланца своих русских единомышленников с просьбою разрешить сим последним беспрепятственный проезд через Данию в Лондон. На это последовало согласие министра, при том, однако, условии, чтобы русские социалисты заручились сначала уверенностью, что им дозволено будет высадиться в Англии, чтобы они не оставались на датской территории более определенного им, министром, срока, и наконец, чтобы Кнудсен поручился честным словом, что пресловутый конгресс ни в коем случае не состоится в пределах королевства.

При несоблюдении же этих условий правительство было бы вынуждено их выслать из Дании, что было бы равносильно выдаче русским властям, так как, по сведениям г. Альберти, со стороны соответствующих правительств были приняты решительные меры к недопущению русских революционеров как в Германию, так и в Швецию и в Норвегию.

Из телеграмм и из письма статского советника Фан-дер-Флита от 30 апреля [13 мая] сего года вашему высокопревосходительству известны подробности дальнейшего пребывания и отъезда отсюда русских социалистов, и ввиду того, что речь министра юстиции не встретила возражений ни в парламенте, ни в печати, я полагаю, что этот инцидент может считаться исчерпанным.

В заключение считаю долгом еще раз почтительнейше обратиться благосклонное внимание императорского правительства как на предупредительность министра юстиции Альберти по отношению к нам в настоящем случае, так и на постоянную его готовность оказать России услуги каждый раз, когда к нему приходится обращаться.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейший слуга Кудашев.

Семнадцатый год и национальный вопрос.

(Историко-библиографический очерк).

Литература, изучающая историю национального вопроса и исследующая роль и значение национального вопроса в период развертывания классовой борьбы между февралем и октябрём 1917 года, чрезвычайно скудна. Явление это не случайное — национальные группы, позже и медленнее других социальных сил втягивающиеся в движение, естественно, слабее отражены в исторической литературе. При критическом разборе имеющейся литературы однако необходимо остановиться на следующих основных оговорках:

1) Национальное движение Финляндии, Польши и Украины далеко не исчерпывало содержания национальной проблемы в России.

2) Революция 1917 года (мы имеем в виду ее февральский этап) дала по сравнению с опытом 1905 года увязку рабочего движения с аграрным движением крестьянства, но эта увязка была недостаточной в отсталых национальных окраинах.

3) Практика самоопределения национальностей, поднявшая невиданную целину массовой активности и культурного развития отсталых народов бывшей России, сказалась лишь после Октября.

4) Октябрьская революция нанесла смертельный удар империализму на Востоке и произвела переворот в самом процессе исторического взаимодействия национальных окраин бывшей России и главнейших стран Востока. Внутри-советский Восток превратился в центр, куда направлялись взоры всех передовых сил «внешнего» Востока. Более того: победы Октябрьской революции в области самоопределения национальностей послужили сильным толчком к подъему грандиозной волны национально-освободительного движения в Азии и северной Африке.

5) Истинный характер движения отсталых угнетенных народов царской и буржуазно-демократической России определяется анализом настроений, активности и отношения к событиям самых широких масс крымского, азербайджанского, горского, степного, средне-азиатского и т. д. крестьянства и тех слоев интеллигенции, которые отражали подлинные интересы национальной эмансипации своего

народа в борьбе с внутренним империализмом русской буржуазии. А это — еще не початая область исторического исследования.

С точки зрения высказанных здесь положений мы подразделим литературу, положенную в основу настоящего обзора, на следующие группы:

1) Ленин и партия: а) Ленин, «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» (Собр. соч., т. XIX, стр. 155—166); «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме» (Собр. соч., т. XIII, стр. 337—385); «Финляндия и Россия» (Собр. соч., том XIX, стр. 216—219); «Не демократично, гражданин Керенский!» (Собр. соч., том XIX, стр. 219—221); б) Протоколы всероссийской партийной апрельской конференции (Гиз, Москва—Ленинград, 1925 г.).

2) Национальное движение в период временного правительства: Вл. Елагин, «Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы» («Революция в Крыму», орган Истпарта Крымобласткома РКП (б), № 1/3, 1923 г., стр. 114). И. Семенов, «Расстрел ЦИК и СНК республики Тавриды в 1918 г.» (Воспоминания расстрелянного) («Революция в Крыму», № 2, 1922 г.). Казбек-Бутаев, «Борьба горцев за революцию» (Беглые очерки из воспоминаний), Владикавказ. В. Апухтин, «Материалы о гражданской войне в Чечне в 1919 г.», («Новый Восток», № 8—9, стр. 160—177). М. Павлович, «Красный Дагестан» (Речь, произнесенная на вечере Красного Дагестана в Москве, «Новый Восток», № 3, стр. 220—229). Н. Самурский, «Гражданская война в Дагестане» («Новый Восток», № 3, стр. 230—240). З. Мипдлин, «Киргизы и революция» («Новый Восток», № 5, стр. 216—229). Рахматуллин, «Мулла Нур-Вахитов» («Пути Революции», № 3, стр. 37—38. Истпарт Татобкома РКП, Казань, 1923 г.). В этом разделе целесообразно однако коснуться и восстания 1916 года в Туркестане, подводящего нас вплотную к оценке национальной проблемы в революции 1917 года. Для этого мы берем работы: Ф. Бошко, «Восстание 1916 г. в бывшем Туркестане» (К десятилетию восстания), Истпарт Средне-Аз. бюро ЦК ВКП (б), Ташкент 1926 г.; Г. Бройдо, «Восстание киргиз в 1916 г.» (Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3/IX 1916 г.). Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, Москва, 1925 г.

3) Октябрь и национальный вопрос: В. Бауман, «Борьба за власть Советов в Ташкенте» (Воспоминания), изд. подотдела Печати ЦК КПТ, Ташкент, 1922 г. С. Муравейский, «Материалы по истории Октябрьской революции в Туркестане», изд. подотдела Печати ЦК КПТ, Ташкент, сентябрь 1922 г. М. Майоров, «Из истории революционной борьбы на Украине» (1914—1919), Державне видавництво України, Київ, 1922 г. С. Свечников,

«Революция и гражданская война в Финляндии» (1917—1918. Воспоминания и материалы. Гиз, Москва, 1923 г.). Е. В о ш, «Национальное правительство и советская власть на Украине», изд. «Коммунист», Москва. «Политика Советской власти по национальному вопросу за три года» (1917—XI—1920), изд. Наркомнаца, Гиз, Москва, 1920 г.

4) Национально-революционное движение народов колониального Востока: Карл Радек, «Октябрьская революция и народы Востока» («Спутник агитатора», № 18, 15/X 1925 г., изд. «Новая Москва»). А. К а л и н н и к о в, «Национально-революционное движение в Монголии», изд. «Московский Рабочий», М.—Л. 1926 г., стр. 118. В. К а с п а р о в а и Е. Р а л л и, «Пробуждение трудящейся женщины Востока» («Новый Восток», № 2, стр. 400—420). П. К и т а й г о р о д с к и й, «От рабства к национальной независимости» (со вступительной статьей М. П а в л о в и ч а), изд. «Московский Рабочий», 1925 г., стр. 115. И р а н с к и й, «Страничка из истории красной дипломатии» (Памяти т. Коломийцева) («Новый Восток», № 8—9, стр. 151—159).

1. Ленин и партия.

За год до апрельской партийной конференции, до того, как в России произошла революция, Ленин в своих тезисах «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», останавливаясь на конкретных задачах пролетариата, указывал на то, что «социалистическая революция может начаться в самом близком будущем». Эти тезисы содержат теоретический анализ сущности национальной проблемы с точки зрения социалистического пролетариата и практический план борьбы за осуществление «самоопределения наций», как одного из важнейших пунктов демократической программы, без осуществления которой немыслима пролетарская революция.

Основное содержание тезисов можно формулировать следующим образом:

1) В противовес империализму, углубляющему и расширяющему национальный и колониальный гнет, «победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию, а следовательно, не только провести полное равноправие наций, но и осуществить право на самоопределение угнетенных наций, т.-е. право на свободное политическое отделение.

2) Рассуждения о том, что лозунг «самоопределение вплоть до отделения» порождает федерализм и дробление, а не объединение, неверны. «Чем ближе демократический строй государства к полной свободе отделения, тем реже и слабее будут на практике стремления к отделению». В статье «Финляндия и Россия», написанной уже в 1917 г. («Правда», № 46, от 2 мая 1917 г.) Ленин блестяще доказывает это положение на примере аннексионистской позиции Временного правительства по

отношению к Финляндии и защитников этой позиции — меньшевиков. Ленин приводит здесь три типа политической позиции угнетающей нации по отношению к угнетаемым нациям: 1) позицию русского царизма, подчинившего себе нацию путем грубейшего насилия, часто расчерком пера отдельных монархов, 2) позицию буржуазии, делающей то же дело под флагом соглашения с нацией, но такого соглашения, которое отрицает за угнетаемой нацией элементарное право свободы отделения и этим оставляет в своей власти решение вопроса, подлежащего соглашению, и 3) позицию пролетариата, обеспечивающего нацию свободой отделения и тем самым устраняющего основную помеху для действительного соглашения.

Меньшевики, страшавшие рабочих тем, что тенденции к отделению лишь «усилит» империалистическую политику буржуазии, объективно служили интересам буржуазии, сквозь фразы о соглашении грозившей Финляндии подавлением ее национальных интересов.

Примером национальной политики великодержавной русской «демократии» может служить запрещение Керенским своею властью, как военного министра, всеукраинского войскового съезда летом 1917 года. Этому акту ярко выраженного «демократизма» коалиционной буржуазии посвящена великолепная по силе логики и аргументации статья Ленина «Не демократично, гражданин Керенский!».

3) Пролетарско-революционная постановка вопроса о самоопределении наций заключается в том, что социалисты угнетающей нации не должны ограничиться словесным интернационализмом — «вообще», — а должны конкретно требовать свободы политического отделения колоний и наций, угнетаемых «своей» нацией; с другой стороны, социалисты угнетенных наций обязаны «отстаивать и проводить в жизнь полное и безусловное, в том числе организационное, единство рабочих угнетенной нации с рабочими угнетающей нации».

4) В противовес прудонистам», «отрицавшим» национальный вопрос во имя социальной революции, Маркс выдвигал на первый план принцип: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Выделять требование самоопределения наций и под предлогом вытекающей из него «защиты отечества» противопоставлять его остальным требованиям политической демократии в корне неверно и на практике означает вгонять клин между борьбой за демократические требования в условиях капитализма и революционной борьбой пролетариата за свержение капитализма.

5) По отношению к самоопределению наций Ленин отличает три типа стран: а) Соединенные Штаты и передовые капиталистические страны Западной Европы (угнетающие нации), б) восток Европы: Австрия, Балканы и особенно Россия (страны, угнетающие нации внутри и сами угнетаемые извне) и в) полуколониальные страны, каковы Китай, Персия, Турция и все колонии, вместе до 1.000 млн. насе-

ления (угнетаемые нации). Задачи пролетариата этой второй группы стран как в довершение их буржуазно-демократического преобразования, так и в деле помощи социалистической революции других стран не могут быть выполнимы без отстаивания права наций на самоопределение.

6) На примере империалистической войны можно было наблюдать, как kaut-скианцы типа Вандервельде, Реноделя и пр. prostituteровали марксизм в национальном вопросе.

7) Те же мысли о задачах социалистов угнетающих наций по отношению к угнетенным нациям в этом тезисе подкреплены примерами: англичане и Ирландия, колонии; эльзасцы, датчане, поляки и европейские угнетатели этих наций, русские и нации угнетаемые в своей стране.

8) Отношение русских и польских с.-д. и всего II Интернационала к самоопределению наций было перенесением в Интернационал прудонистской точки зрения маленьких наций и особенно польских с.-д., «которых их борьба с обманывающей народ националистическими лозунгами польской буржуазией довела до неправильного отрицания самоопределения».

Тезисы первоначально, были напечатаны в журнале циммервальдской левой «Vorbote» («Предвестник») № 2, в апреле 1916 г., затем перепечатаны в «Сборнике «Социал-демократа», № 1, в октябре 1916 г. за подписью: «Редакция С.-д.-та, центрального органа РСДРП».

В статье «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме» Ленин развивает тот же принцип «Самоопределение вплоть до отделения» в полемике с Ю. Пятаковым (псевдоним П. Киевский), выступавшим против этого лозунга и на апрельской конференции и на VIII съезде партии.

Из партийных документов, являющихся фундаментом национальной политики партии, необходимо отметить доклад Сталина, речь Ленина, речь Зиновьева на апрельской конференции и резолюцию последней по национальному вопросу.

В данной главе мы привели главнейшее по интересующему нас вопросу, воздержавшись от перечисления различных перепечаток из собрания сочинений Ленина, вроде изданий «Прибоя» («Ленинская библиотечка» и пр.).

II. Национальное движение в период Временного правительства.

Первые месяцы «свободы» характеризуются движением национальных меньшинств, насыщенным пафосом освобождения и предвкушения самостоятельного общественно-политического творчества. Наиболее активными в первый период революции оказываются «прогрессивное» духовенство, либерально-настроенное купечество и мелкобуржуазная интеллигенция, захватывающие руководство стихийно появлявшимися национальными организациями. Национальные организа-

ции не только народов Востока, но и нацменьшинств Запада выступают сначала под флагом защиты культурных интересов нации, быстро перерастающих в обстановке «демократической» нетерпимости агентов Временного правительства в политические требования. Там, где это не прямо противоречит местным экономическим интересам русской буржуазии, создается трогательная буржуазно-демократическая коалиция с туземцами. Там, где налицо «ножницы» этих интересов, национальное движение ищет для себя возможности проявления «критики оружием». Необходимость оружием доказывать свои элементарные права ведет начало с памятных времен царистского руссификаторства, поэтому в настоящей главе мы и начнем с этой формы проявления национального протеста. Для удобства расположения материала, мы поведем описание событий и классификацию литературы по методу исторической географии.

Средняя Азия.

Работа Ф. Б о ж к о «Восстание 1916 г. в бывшем Туркестане» дает анализ причин и движущих сил восстания, а также причин его поражения. Разумеется, приказ царского правительства о наборе на тыловые военные работы и нежелание киргиз участвовать в войне угнетателей сыграли роль трещины, силою взрыва превратившейся в кратер революционного восстания. В основе назревания недовольства лежал ряд экономических явлений: 1) первоначально роль торгового капитала, интенсифицирующего хлопководство и поднимающего экономическую самостоятельность населения, 2) дифференциация этого населения и выделение слоя туземной буржуазии, 3) «развязывание» туземной деятельности торгового капитала и катастрофическая по своим последствиям колонизация края, сопровождаемая чудовищной экспроприацией земли у местных скотоводов; другой ряд причин общественно-политических: 1) грабительский режим административно-полицейского аппарата самодержавия, 2) панисламистская агитация, 3) ослабление царизма в годы мировой войны и т. д. В ходе движения на арену были втянуты самые разнообразные слои населения: а) реакционные группы «баев» (крупных землевладельцев) и буржуазия, б) интеллигенция и трудовые массы (средние слои), в) беднота и многочисленное крестьянство. Первые жаждали удержать в своих руках власть над производительными силами края и защитить барыши от русских конкурентов; вторые ждали облегчения от первых в случае их победы и питались не столько перспективами экономической самостоятельности, сколько панисламистской песней о всеобщем слиянии под знаменем полумесяца; третьи одинаково страдали от всех трех бед, но шли на штык без всякой реальной перспективы, без программы, без руководства: туземного пролетариата еще не было, а русский пролетариат в крае еще не созрел для этого руководства. В результате восстание было подавлено силой штыка.

Книжка Г. Бройдо «Восстание киргиз в 1916 году» является дополнением к предыдущей работе. Автор снабдил свое показание прокурору Ташкентской судебной палаты (эти дополнения были сделаны уже в настоящее время) анализом земельного вопроса в Семиречьи и обзором деятельности переселенческого управления, дал картину экономическо-правового строя киргизской волости и закончил освещением национального и религиозного «лица» киргизского народа. Остальные главы, посвященные характеристике царской администрации и описанию происшедших событий, вносят мало нового в материал, развернутый предыдущей работой Ф. Божко.

Киргизия.

З. Миндлин в статье «Киргизы и революция» дает краткий экономический очерк современной Киргизии, основываясь на данных Кир. ЦСУ за 1922 г. Несколько цифр рисуют яркую картину: киргизы составляют половину всего населения края; 98,7% всего числа киргиз принадлежали к сельскому населению, а из 1.630.000 дес. земли киргизы засевают около 345.000, т.-е. 21%. После такого красноречивого введения (его цифры очень не мешало бы сравнить с данными прошлых десятилетий), автор этап за этапом прослеживает всю историю национального движения киргиз от первых младенческих писков панисламистской агитации (прокламация на киргизском языке «к детям Алаша» в 1902—1903 гг.) до вооруженного восстания в 1916 г., затнувшегося в Тургайском уезде вплоть до февраля 1917 года. Очень содержательная книжка т. Миндлина даст читателю ценные сведения о политическом развитии киргизской интеллигенции, учащейся молодежи, вообще молодежи степей, борьбе партий «Казак» и «Ушжус», называвшихся именами своих печатных органов. Особенно любопытен период колчако-дугловщины, расколовший «единую» национальную интеллигенцию и бросивший обе ее части по разные стороны баррикад.

Крым.

В экономическом отношении Крым постигла судьба всех окраин, производительные силы которых спали века, пока не были разбужены внешним вмешательством торгового капитала. И здесь его роль первоначально сказалась в чудовищной интенсификации (зернового) сельского хозяйства, затем в экспроприации земли у крымских крестьян, татар-скотоводов, в закупорке основной массы татарского крестьянства в горной части Крыма и неслыханной эксплуатации мелких виноградарей-татар целой армией скупщиков и спекулянтов. И здесь панисламистская агитация усилила рост татарской эмиграции из Крыма в Турцию и другие страны Ближнего Востока. И здесь полицейский аппарат самодержавия душил малейшее проявление национальной самостоятельности. Особенность Крыма заключается,

между прочим, в исключительной национальной пестроте, в окружении татар безмалого четырьмя десятками не-восточных национальностей, большей частью выходцами из европейских Балкан и средней Европы.

Судьба татарского народа в Крыму была поистине трагична. Его интеллигенция росла на чужбине и принесла с собой веяние европеизированного демократизма, в надежде под чужими знаменами повести за собой татарское крестьянство. Это и случилось; только интеллигенция оказалась знаменосцем мурз (дворян), мулл и местной буржуазии.

В ценной работе Вл. Елагина «Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы» чрезвычайно рельефно изображены представители татарской интеллигенции, питавшейся во время войны националистическими иллюзиями о возможности протектората Турции над Крымом, а во время революции мечтавшей заключить с вековым врагом соглашение на почве национального самоопределения, и обрисован ряд деятелей национального движения, впоследствии ушедших от гнета германской оккупации в большевистское подполье и ставших строителями современного советского Крыма.

Мы не имеем здесь возможности подробнее охарактеризовать работу Елагина, но остановимся на одном моменте, имеющем существенный интерес. Речь идет о расстреле восставшей группы татар под Алуштой почти всего состава ЦИК и СНК республики Тавриды в 1918 г. во время отступления на Кубань. «Эскадронцы», — татарские крестьяне, обманутые националистами и брошенные в бой против севастопольских рабочих, были после поражения контр-революции распущены по домам. Но они уходили, напутствуемые призывами большевиков о солидарности трудящихся всех национальностей, не понимая этих призывов, помещенных в прокламациях на русском языке, и уносили злобу против победителей, которые в их разбуженном крестьянском сознании продолжали оставаться русской властью. Эта злоба была использована белогвардейцами для расправы с вождями крымского Октября, с правительством первой республики Тавриды. Крымские большевики в 1918 году не сумели разрешить национальный вопрос. И трагедия расстрела под Алуштой была в то же время и трагедией обманутого татарского крестьянства. Недоразумениям положила конец национальная политика партии, осуществленная после ликвидации гражданской войны. Этот же эпизод под Алуштой волнующе рассказан Семеновым в его воспоминаниях. («Расстрел ЦИК и СНК республики Тавриды в 1918 году»). Автор чудом вырвался из груди трупов, и его рассказ представляет редкий человеческий документ.

Касказ.

В книжке Казбек-Бутаева «Борьба горцев за революцию» мы находим любопытные сведения о движении наиболее отсталых народностей Кабарды, Осетии,

Чечни, Ингушетии, Дагестана. Опорной базой для царизма, а после Февраля и для русской буржуазии, были князья—остатки родовитых феодалов, и офицерство. Они же вместе с «покрасневшим» духовенством и националистической интеллигенцией представляли в Феврале «народ». В противовес этой махровой реакции образовалось движение во главе с партией «Кермен» (по-дигорски) или «Чермен» (по-иронски-осетински).

Организационно это движение оформилось в Союз горцев, объединивший горцев Дагестана, Абхазии, Кабарды, Осетии, Ингушетии и Чечни. ЦК этого союза вел борьбу сначала под флагом защиты культурных и национальных интересов горцев, но чем дальше, тем больше стремился стать политической властью в горах Кавказа.

Влияние керменистов было чрезвычайно сильно. Бутаев в своей книжке рассказывает интересный эпизод из жизни «дикой дивизии» горцев, которой командовали Багратионы, Голицыны и пр. В Осетинской бригаде однажды ночью (в дни Октябрьского переворота) получился приказ Багратиона: «Выступить на Петроград, так как большевики арестовали Временное правительство». Резолюция, вынесенная «дикими» в ответ на приказ, гласила: «Итти по казармам спать». Вскоре после Октября Горский съезд в Пятигорске официально признал советскую власть.

Очень жаль, что Бутаев не дал характеристики внутреннего экономического и правового уклада горских областей на протяжении одного-двух десятилетий или хотя бы к моменту войны или революции, так как в этом случае работа повысилась бы в своей исторической ценности.

Книжка В. Апухтина «Материалы о гражданской войне в Чечне в 1919 г.» показывает любопытную картину возрождения националистических иллюзий горских племен на фоне временного укрепления на юге России власти белогвардейщины.

Поволжье.

Воспоминания т. Рахматуллина о мулле Нур-Вахитове дают характеристику этого выдающегося революционера Татарии, одного из организаторов комиссариата по делам мусульман внутрироссийского Востока при Наркомвазе, погибшего от рук учредителей при падении Казани в 1918 году. Расцвет его политической деятельности относится именно к послефевральскому периоду. Автор, обрисовывая историческую обстановку того времени, интересно передает политическое содержание первомайского праздника 1917 года. Это был день взвешивания сил двух общественных лагерей: во главе одного — демократического лагеря — шел Мусульманский социалистический комитет, а во главе другого — реакционного — кадетско-октябристский «Иттифаку-Муслимин», возникший в 1905 году.

III. Октябрь и национальный вопрос.

В. Бауман в своей книжке воспоминаний «Борьба за власть советов в Ташкенте» описывает положение в городе и касается лишь тех событий, очевидцем и участником которых он был сам; описывается работа агента Временного правительства Шендрикова, типичного сатрапа в демократическом костюме, действовавшего под прикрытием популярного в крае интеллигента В. П. Наливкина; первый съезд Советов Туркестана в мае 1917 г., где впервые оформилось движение против засилья «управителей»; разложение ташкентского гарнизона (1-й и 2-й сибирские полки, на который опирался Исполком Ташкентского совета, декретируя в ночь с 11 на 12 сентября переход всей полноты власти к Советам. Работа Баумана страдает отсутствием сведений о настроениях и движении крестьянства, о взаимоотношениях Совета с местными националистическими организациями.

Работа С. Муравейского «Материалы по истории Октябрьской революции в Туркестане» дает то же, что и предыдущая книжка, но построена она почти исключительно на изложении документов, без претензии на самостоятельный анализ, и тем самым служит ценным источником для самостоятельной проработки происшедших событий.

О революции на Украине мы можем привести интересную книжку М. Майорова «Из истории революционной борьбы на Украине». Период, охватываемый этим исследованием, 1914—1919 гг. По интересующему нас вопросу следует отметить главы: «Партия и национальный вопрос», «Организация Центральной рады», «Центральная рада и наше (большевиков) отношение к ней», «Рада и Октябрьское восстание», «Разоружение войск (Красной гвардии) в Киеве». Воспоминания автора ценны попыткой осветить положение в соответствии с общей линией партии в национальном вопросе вообще и в отдельных событиях в частности. О фактическом материале, собранном в книжке, мы скажем ниже.

Работа С. Свечникова «Революция и гражданская война в Финляндии» охватывает 1917—1918 годы и представляет воспоминания автора о борьбе финляндского пролетариата со своей и великорусской буржуазией, о парламентской борьбе между буржуазией Финляндии и России за власть, за вывод русских войск, за формирование национальных войск и т. д.

Книжка Е. Бош «Национальное правительство и советская власть на Украине» написана в период немецкой оккупации и скоропадщины на Украине. Автор анализирует пройденный этап революции (от Февраля до Брестского мира) и подтверждает этим анализом, что, несмотря на наличие у партии ясной программы и тактики по национальному вопросу, развернутой национальной политики партия в этот период еще не имела. «Передышка» потребовала издержек, и крупнейшей из издержек было поражение советской власти на Украине. «Создавшиеся свое-

образные условия в связи с национальной борьбой и поражением Советской Украины, — читаем мы в предисловии, датированном августом 1918 г., — заста-вляют нас пересмотреть этот период революционного движения на Украине, дабы в новой нашей борьбе за советскую власть мы могли пользоваться опытом про-шлого и таким путем избежать тех часто роковых ошибок, которые неизбежны в каждой массовой борьбе».

Наконец, мы считаем важным остановить внимание читателя на издании Нар-компаца «Политика советской власти за три года». В этой работе мы находим поста-новление СНК «О Финляндской республике» («Газета Вр. Раб. и Крест. Прав.», № 37 от 20/XII 1917 г.). Декрет этот гласит: «а) Признать государственную неза-висимость Финляндской республики, б) организовать, по соглашению с финлянд-ским правительством, особую комиссию из представителей обеих сторон для раз-работки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения (курсив наш) Финляндии от России». По докладу т. Сталина этот декрет был утвер-жден ВЦИК 22/XII 1917 г. Постановление СНК «О признании народной Украин-ской республики и о предъявленном Центральной раде ультиматуме ввиду ее контр-революционной деятельности» («Газ. Вр. Раб. и Крест. Прав.», № 26 от 16/XII 1917 г.). Рада дезорганизовала юго-западный и румынский фронты, отзывая оттуда по своему произволу украинские части, не пропускала через Украину советские части для борьбы с Калединым и, наоборот, позволяла белым сосредото-чивать свои силы на Дону под предлогом «независимости» Дона и Кубани, разору-жала красную гвардию. В этих документах перечислены важнейшие события на Украине, которые описывал в своей книжке и Майоров (см. выше). Эти же основные факты перечислены и в «приказе по армиям» главноверха т. Крыленко: «О контр-революционной деятельности буржуазно-кадетской Рады и о прекращении украин-зации частей» («Газ. Вр. Раб. и Крест. Прав.», № 35 от 17/XII 1917 г.).

О мусульманах бывшей России мы находим воззвание СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» («Газ. Вр. Раб. и Крест. Прав.», № 17 от 24 XI 1917 г.). В воззвании заявляется, что «тайные договоры свергнутого царя, подтвержденные свергнутым Керенским, о захвате Константинополя, раз-деле Персии, разделе Турции и отнятии у нее Армении — уничтожены».

В заключение приведем «Декларацию прав народов России» («Газ. Вр. Раб. и Крест. Прав.», № 4 от 3/XI 1917 г.), подписанную Лениным и Сталиным.

Декларация подводит итог национальной политике Временного правитель-ства: «В период империализма, после Февральской революции, когда власть пере-шла в руки кадетской буржуазии, неприкрытая политика натравливания уступила место политике трусливого недоверия к народам России, политике придиорок и провокации» и формулирует основы национальной политики пролетариата: «1) Равенство и суверенность народов России. 2) Право народов России на сво-

бодное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Эти последние строки явились осуществлением ленинских предначертаний и политической борьбы партии за свободу угнетаемых наций на протяжении длительного периода партийной истории. СССР—союз свободных народов—является лучшим аргументом международной пролетарской революции в предстоящей борьбе на мировой арене.

IV. Национально-революционное движение народов колониального Востока.

Кроме рассмотренных в начале настоящей статьи тезисов Ленина по национальному вопросу, следует отметить статью К. Радека «Октябрьская революция и народы Востока». Автор подчеркивает значение ленинского лозунга о самоопределении народов, ставшего знаменем для решительных схваток с империализмом «цветного человечества» — народов колоний.

На примере Октябрьской революции, победившей благодаря смычке пролетариата угнетающей (великорусской) нации с крестьянством угнетенных народностей бывшей России, Ленин произнес исторический приговор империализму, который будет сведен в могилу союзом пролетариата Старого и Нового Света с крестьянством стран Востока.

В книжке Анатолия Калининкова «Национально-революционное движение в Монголии» мы находим интересные данные о политике вооруженной опеки над монгольским народом со стороны царизма, хотевшего использовать ослабление владычества манчжурской династии, сломленной революцией 1911 года, для присоединения Монголии к России, так и... белогвардейца Унгерна, «объединявшего» две половины Монголии, разделенные китайской границей. Панмонгольские вождедения испытывала и Япония, мечтавшая о комбинации: Манчжурия + Внешняя + Внутренняя Монголия.

Видимость автономии, принесенная на острие штыков китайской революции, была съедена империалистами. Борьба советской власти с остатками белогвардейщины на Дальнем Востоке естественно переросла в тесное сотрудничество с восставшими силами народной революции в Монголии и закончилась укреплением народной республики. Книжка Калининкова анализирует характер, состав и программу Народно-революционной партии, Революционного союза молодежи, международное положение Монголии и ее дальнейшие исторические перспективы.

В «Страничке из истории красной дипломатии» автором Иранским описывается судьба первого нашего полпреда в Персии, молодого большевика, энтузиаста-революционера т. Коломийцева.

Коломийцев, до октябрьских дней левый эсер, на II краевом съезде кавказской армии примкнул к большевистской фракции и с тех пор работал вместе с Шаумяном, Джапаридзе и другими товарищами, впоследствии расстрелянными интервентами.

Общий обзор политического состояния стран Востока и характеристику национально-революционного движения в них мы находим в книжке П. Китайгородского «От рабства к национальной независимости». Автор делит всю группу этих стран на 4 основные категории: а) Турция, где национальная революция крупной и мелкой буржуазии победила в бою; б) Египет, где туземная буржуазия пришла к власти путем компромиссов с английским империализмом; в) Персия, где власть захватила торговая буржуазия, но окончательная победа ее зависит от того, справится ли она с центробежными силами туземного феодализма и духовенства; г) северная Африка (Марокко, Тунис, Триполитания) и Арабиستان (Месопотамия, Сирия, Палестина), где туземная феодальная аристократия и духовенство еще не оторвались от масс, так как феодальный строй еще окончательно не разложился, хотя по береговой периферии, в портовых пунктах Марокко, Туниса, Триполитании и Ирака (Месопотамии) торговая жизнь уже бьет ключом, а такие края, как Сирия, Палестина, уже знают зачаточные формы фабричной промышленности. В этой группе стран представители родового феодализма, которых уже коснулось экономическое и культурное влияние капиталистической «цивилизации», еще стоят во главе национально-освободительной борьбы, направленной против иностранного ига.

Читатель найдет в книжке П. Китайгородского важнейшие сведения об экономике, социальных группировках, политических партиях и массовом движении по каждой из перечисленных стран.

Книжка В. Каспаровой и Е. Ралли «Пробуждение женщины Востока» прослеживает эту сторону национально-революционной борьбы народов Востока. Авторы так же, как и предыдущий, делают попытку разбить весь Восток на отдельные группы стран. Если не считать Советского Закавказья, где женщина полностью раскрепощена, в Сирии и Египте наблюдается активное участие женщин в движении; в Анатолии, Европейской Турции, даже Персии, наоборот, в связи с тем, что первый исторический этап уже пройден, женское движение находится в эмбриональном состоянии, накануне новых, более передовых, революционных форм развития.

Известная неполнота (формальная) настоящего очерка объясняется тем, что мы не ставили своей задачей дать исчерпывающую библиографию литературы по Октябрю в национальном вопросе. Это — дело специального, большого

труда монографического характера. Влияние Октябрьской революции на развитие национальной проблемы так велико, что даже простая попытка охватить размеры этого влияния по литературе завела бы нас далеко. Мы раздвинули рамки исторического обзора литературы до пределов, не нарушающих основного плана: Октябрь и национальный вопрос в разрезе развития революционного движения, достигшего своего апогея в после октябрьские годы.

И. Гелис.

Последние дни колчаковщины. Сборник документов. Гиз. 1926 г. Стр. 332. Тир. 3.000. Цена 2 руб. 50 коп.

Книга содержит в себе очень много документов о последних днях правительств Колчака, начиная с разложения его армии, падения Омска и кончая приходом к власти военно-революционного комитета и расстрелом Колчака. Документы очень интересные и несомненно послужат большим подспорьем для наших историков. Из них мы узнаем, как умирала колчаковщина, как грызлись в последние дни между собою колчаковские министры и генералы, как разваливалась его боеспособная армия и как пытались продлить колчаковщину ее кадетские политики испытанными уже приемами коалиции с эсерами и меньшевиками и обещанием созвать немедленно сибирское учредительное собрание. Есть исключительно важные документы: так, например, на стр. 132 приведен разговор по прямому проводу Колчака со своим премьером Пепеляевым, в котором сам «верховный правитель» характеризует свой режим так: «Деятельность начальников уездных милиций, отрядов особого назначения, всякого рода комендантов, начальников отдельных отрядов — представляет собою сплошное преступление. (Разрядка моя. П. П.) Все это усугубляется деятельностью военных частей: польских и чешских, ничего не признающих и стоящих вне всякого закона. Нам приходится иметь дело с глубоко развращенным контингентом служащих, преследующих только личные интересы, игнорирующих всякие понятия о служебном долге и дисциплине. Такова среда, в которой приходится работать»... А дальше (стр. 158) говорится о том, как «знаменитый» забайкальский атаман Семенов буквально вымогал у Колчака назначение на должность главнокомандующего вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа и в конце концов своего добился.

Однако все эти интересные документы весьма много теряют от того, что они говорят только о последних днях колчаковщины. А ведь имеется начало этой колчаковщины и ее «золотая середина». Каждому читателю безусловно желательней было бы познакомиться с колчаковщиной во всем ее объеме и, конечно, с начала ее возникновения. Но Центрархив, располагая всеми документами, тем не менее

опубликовывает только последние дни. Это тем более странно, что в предисловии к документам Центрархив сам признает, что «все напечатанное до сих пор о колчаковщине представляет собою всевозможные личные воспоминания, немногие случайно попавшие в руки документы, и только».

Документы подготовлены к печати М. М. Константиновым, и им же написано предисловие, весьма длинное и обстоятельное, но в некоторых местах несколько путанное. Во всяком случае от М. М. Константинова, бывшего председателя Иркутской городской думы при Колчаке и активного меньшевика, можно было бы ожидать лучшего знакомства с событиями. Так, например, М. М. Константинов сообщает, что после падения Омска колчаковское правительство избрало своей столицей Иркутск, главным образом потому, что он «был близок к семеновским бандам». В действительности это не так. Колчак, наоборот, избегал Семенова и только поэтому главным образом избрал Иркутск, а не Читу, куда усиленно приглашал его и сам Семенов и Вологодский с Гинсом, у которых уже с сентября проживали там семьи.

Затем М. М. Константинов пишет: «Чем шире мобилизация захватывала сибирских крестьян, тем качественно ниже становилась белая армия». Тоже не совсем верно, если принять во внимание, что Колчаком были мобилизованы только два возраста, и уже в январе 1919 г. он вынужден был совершенно отказаться от мобилизации крестьян, так как они объявили ему партизанскую войну. Широко мобилизовал Колчак только горожан и главным образом интеллигенцию.

Дальше у М. М. Константинова мы читаем: «Только офицерская часть пробила себе дорогу к атаману Семенову». Неверно: к нему отступило свыше 20.000 войск, самых лучших и наиболее антисоветски настроенных, которые дрались на Дальнем Востоке до 1922 года, да и теперь еще целая бригада их имеется в рядах армии маршала Чжап-Цзо-Лина.

И уж, очевидно, сознательную неправду пишет М. М. Константинов, когда утверждает, что только эсеры смотрели на буфер (ДВР) как на новую позицию в дальнейшей борьбе с большевизмом». Ну, а меньшевики? Разве они-то иначе смотрели на этот буфер? Одинаково, т. Константинов! Это каждому известно, кто знаком с организацией буфера ДВР, и это полностью, между прочим, подтверждается статьей т. Ширимова «Борьба с колчаковщиной», приложенной к сборнику (см. стр. 19 и 33), которая различия между эсерами и меньшевиками отнюдь не делает.

Очень интересна упомянутая выше статья тов. Ширимова, но факты, в ней сообщенные, уже печатались им несколько раз (в «Сибирских огнях», в сборнике Истпарта «Борьба за Урал и Сибирь»), и потому она не сообщает ничего нового.

К другим недостаткам сборника следует отнести полное отсутствие документов о политцентровском периоде и в частности — о переговорах делегации Полит-

центра с правительством Колчака о сдаче власти, которые велись ею 1—4 января 1920 г. в поезде генерала Жанена; а они, кстати сказать, весьма обстоятельно говорят о позиции и меньшевиков в государстве-буфере. (См стенограф. отчет этих переговоров в книге Эд. Джемса, Харбин, 1921 г.).

Затем почти нет документов, характеризующих участие дипломатического корпуса и отдельных интервентов (за исключением чехов) в последних днях Колчака и особенно в политцентровских комбинациях. А они должны быть.

В примечаниях к сборнику есть ошибки: С. Н. Третьяков был министром не торговли, а иностранных дел; министром торговли был А. М. Окорочков, инженер и алтайский кооператор. Фамилия начальника штаба московской группы белой армии — не Лоцевич, а Ловцевич. Переговоры Политцентра с Сибревкомом о буферном государстве велись сначала в Томске (19—21 января 1920 г.), а потом уж в Красноярске, после ликвидации политцентровской власти в Иркутске.

Некоторые документы напечатаны весьма небрежно (стр. 60—61): не поймешь — кто и откуда говорит?

В общем издана книга опрятно, читается с интересом, только цена ее слишком высока.

П. Парфенов.

Д. И. Кардашев. Основные исторические этапы в развитии ВКП. Пособие для вузов и партшкол повышенного типа. Том. I, вып. I. Изд. «Пролетарий», 1927 г.

Тов. Кардашев ставит себе целью фиксировать «внимание читателей на важнейших моментах в истории партии — ее съездах и конференциях». Работа, по мысли автора, должна «с возможно исчерпывающей полнотой осветить весь период с I по XIV съезд партии, включая сюда все партийные съезды и конференции». При чем в своей работе автор стремится дать материал по возможности в сыром, необработанном виде и тем самым помочь молодежи «изучать историю партии по первоисточникам», «научить вузовское студенчество критическому и вдумчивому отношению к партийным документам».

Но для того, чтобы «придать работе цельный характер», автор в промежутках между съездами дает «сжатые экономические и социально-политические очерки, освещающие жизнь партии в течение данного промежутка».

Работа рассчитана на два тома, в несколько выпусков каждый. Первый выпуск I тома освещает следующие этапы в жизни партии — I съезд, конференции заграничных соц.-дем. организаций, предсъездовские конференции (Белостокскую и Псковскую) и II съезд. В конце книги приведены резолюции II съезда.

В первом разделе автором даны постановления и манифест I съезда, подробно освещена фактическая сторона предсъездовских попыток ряда партийных орга-

низаций к объединению разрозненных соц.-дем. кружков в партии, и даж сжатый очерк «поререформенной экономики», включающий некоторые моменты из жизни партии.

Поскольку автор считает такие очерки необходимым связующим звеном между отдельными частями своей работы, читатель в праве ждать от автора действительно сжатого социально-экономического очерка эпохи и сжатой характеристики жизни партии 90-х годов. Но с первых же слов читателя ждет разочарование. Вместо сжатой характеристики социально-экономических отношений эпохи читатель находит несколько общих, мало дающих замечаний, которые не могут удовлетворить не только вузовское студенчество, но и слушателя школ политграмоты. Вместо сжатой характеристики социал-демократических организаций — ряд беглых замечаний, не дающих возможности уяснить читателю, чем же жила социал-демократия 90-х годов, настолько беглых, что у читателя, не искушенного в истории партии, может создаться впечатление, что собственно партийная жизнь начинается с I съезда.

Такое же разочарование вызывает и второй раздел книжки: «Конференции заграничных соц.-дем. организаций». В нем приведены постановления Женевской конференции и Цюрихского объединительного съезда с сопровождением беглых фактических замечаний о росте оппортунистических тенденций и борьбы с экономизмом, но автор не дает ни анализа экономизма ни анализа борьбы с ним ни в очерках ни в документах. Если автор не хотел преподносить этих вопросов «во вполне обработанном, разжеванном виде» — по примеру прочих учебников, нужно было бы, следуя своему принципу, дать несколько наиболее ярких документов, как материал для самостоятельной работы мысли читателя.

С автора несколько не снимает ответственности за указанные пробелы то обстоятельство, что его книга освещает исторические этапы партийной истории на материале съездов и конференций. И потому, что сам автор в предисловии признал необходимым давать сжатые очерки междусъездовских периодов, и потому, что без надлежащего уяснения партийных проблем 90-х и 900-х годов нельзя осмыслить работ как I, так и в особенности II съезда партии. Да, кроме того, без выяснения в той или иной форме этих вопросов нельзя претендовать на освещение основных исторических этапов развития в РКП.

Большая часть книги т. Кардашева посвящена II съезду партии, и без всякого насилия над содержанием вся книга могла бы быть озаглавлена как комментарий ко II съезду с небольшим к нему введением. Отмечая в предисловии делавшиеся в литературе попытки «собрать воедино столь необходимый для изучения нашей партии материал, как резолюции наших партийных съездов и конференций (в книге Каменева, «РКП в резолюциях и постановлениях ее съездов и конференций» и Керженцева — «Страничка из истории РКП»)), т. Кардашев указывает допущенные

этим авторами пробелы: отсутствие комментариев в книге Каменева и слишком популярный характер книжки Керженцева. Книга т. Кардашева, давая исчерпывающий комментарий ко II съезду, устраняет указанный пробел в литературе и, несомненно, является в этом отношении шагом вперед. Автор подробно останавливается на фактической стороне подготовки II съезда, Белостокской и Псковской конференциях. В дальнейшем дается полный текст предсъездовских проектов программы партии (Плехановский и Ленинский), первоначального проекта (Ленинского) устава партии и полный текст программы и устава партии, принятых на II съезде, с подробнейшими к ним комментариями.

В этом заслуга книжки Кардашева, и, как комментарий, она может быть использована как учебное пособие в вузах и совнартшколах. Желательно было бы только устранить некоторые недостатки в комментариях к съезду; следовало бы более подробно остановиться на освещении борьбы по вопросу об оценке на съезде стихийности и сознательности в рабочем движении, расхождений по вопросу об аграрной программе, детальнее остановиться на анализе уставных прений (1-й параграф). Большим недостатком работы следует признать отсутствие комментариев по тактическим вопросам на съезде.

Ал. Семеновец.

Девятый вал. К десятилетию освобождения из царской каторги и ссылки. Сборник под ред. В. Виленского (Сибирякова), Ф. Кона, Е. Бреслава, В. Плесскова и Е. Никитиной, с предисловием И. Теодоровича. М. 1927 г. Стр. 184.

Рассматриваемый сборник состоит из трех частей: первая — «Перед революцией» — дает сведения о царских каторжных тюрьмах; вторая — «Девятый вал» — посвящена воспоминаниям каторжан, описывающих главным образом первые впечатления жертв царского режима, освобожденных Февральской революцией; третья часть сборника — «На другой день» — заполнена большей частью отчетами и рассказами о деятельности Общества помощи освобожденным политическим (статьи В. Фигнер, М. Сажина и Г. Филатьева).

Наиболее ценной статей всего сборника является «Торная дорога» Е. Никитиной, дающая богатый материал о тюрьме и каторге 1905—1913 годов. Тов. Никитина пользовалась почти исключительно официальными сведениями; основной ее источник — «Отчеты главного тюремного управления» (1905—1913 гг.). Кроме того, т. Никитиной использованы стенографические отчеты заседаний Государственной думы за 1906—1914 гг., стенографические отчеты заседаний бюджетной комиссии Государственной думы (1907—1914 гг.), отчеты по военному и морскому министерствам, а также статьи Тарновского и Шмита о государственных преступлениях и сроках каторги. Опираясь почти все время сухими официальными данными, зачастую неполными, сознательно искажающими ужасающую каторжную

действительность, т. Никитина сумела сгруппировать ряд интересных сведений о царской каторге, вскрывая недомолвки и преднамеренную спутанность одних источников данными других документов, разнообразя изложение умело составленными таблицами и диаграммами. Пользуясь не всегда легко поддающимся обработке материалом, автор стремится установить зависимость состава тюремного населения от особенностей политического момента, пытается, насколько позволяют данные, классифицировать изменяющиеся сообразно с политической обстановкой виды «преступлений», влекших за собой осуждение на каторгу; и эта попытка на основании состава каторжного населения заключить о характере революционного движения в стране особенно интересна, хотя т. Никитина сознает, что одних сведений о составе преступления различных категорий каторжан еще недостаточно, чтобы, пользуясь этими сведениями, судить о политической ситуации.

Приведем пример, каким образом автор статьи делает косвенные выводы о ходе революции на основании количества осуждений на каторгу и характера их вины. Тов. Никитина распределяет политических каторжан на три категории: во-первых, осужденные за государственные преступления, во-вторых, за преступления против порядка управления (аграрные беспорядки, забастовки, сопряженные с открытыми выступлениями, сопротивление властям в местностях, объявленных на военном положении) и, в-третьих, военные бунты, восстания, явное неповиновение. Тов. Никитина сознает, что цифры приговоров за указанные виды проступков «показывают не революционное движение вообще, а лишь отголоски его на каторге, — не больше», что приведенные сведения характеризуют «направление деятельности карающей власти». Но все же очень любопытно, на что именно направлено было внимание царского правительства: всего в каторжные работы осуждено было за все виды государственных преступлений: в 1905 г. — 314 человек; в 1906 г. — 1481; в 1907 г. — 1477; в 1908 г. — 1656; в 1909 г. — 961; в 1910 г. — 552; в 1911 г. — 509; в 1912 г. — 547, при чем 75% каторжных приговоров падает на ликвидацию военных восстаний 1905—1906 гг.; с 1907 г. на каторгу отправляют главным образом за «государственные преступления», и с 1907—1908 гг. $\frac{3}{4}$ состава каторги относится именно к государственным преступникам¹⁾. Тов. Никитина объясняет этот термин не вполне ясно, давая скорее отрицательные определения: «Это не военный (III группа), не аграрник, не бунтарь (они причислены ко второй группе) и в большинстве своем не

¹⁾ В отчетах Главного тюремного управления этот термин с 1906 г. исчезает из употребления, так как царское правительство смешивало на каторге политических с уголовными, вводя лишь для первых более жестокий режим. См. разбираемую статью, стр. 15—16. Неясно, кому принадлежит термин «государственные преступления», употребляемый т. Никитиной на стр. 34—35, когда идет дело о каторге после 1906 г.

старый партиец-профессионал». С 1905 по 1912 гг. к категории таких «государственных преступников» относится 59⁰/₀ всех осужденных на каторгу. Тов. Никитина утверждает, что к упомянутой категории очень часто относили боевика-экспроприатора с довольно неопределенной политической физиономией, но все же таковые не заполняли все 59⁰/₀ «государственных преступников», и этот термин представляется нам не совсем точным.

Яснее показана в статье т. Никитиной связь тюремного режима с общей политикой правительства. Несмотря на увеличивающееся (с 1905—1906 гг.) переполнение тюрем, революционное настроение дает еще себя знать и в тюремной обстановке: беспорядки в тюрьмах—бунты, взрывы, обструкции, насилия над стражей, убийства чинов администрации, побег — падают на 1905 и ближайшие к нему годы; с другой стороны, торжество реакции немедленно отражается на тюремном режиме: царское правительство спешит отпраздновать свою победу над II Государственной думой введением порки политических (циркуляры, разосланные по всем тюрьмам и губернаторам в июне и в июле 1907 г.), тяжесть общего политического гнета ведет за собой усиление тюремного террора, сказывающегося в увеличении количества самоубийств и вообще в росте смертности в тюрьмах, скидки со сроков с 1906 года крайне понижаются.

В ст. И. Мошинекого (Конарского) «Политическая защита в дореволюционных судах» интересны главы «Ликвидация событий 1905 года и борьба с социал-демократическими фракциями Государственной думы второго и четвертого созыва» и «Дела партийных революционеров».

Вне связи с тюремной обстановкой — описанию Февральской революции в Рязани — посвящены воспоминания Л. С. Федорченко (Н. Чарова) «Десять лет назад».

В общем надо признать сборник ценным, дающим много разнообразного материала, но между отдельными его частями нет связи: так, воспоминания об освобождении из каторжного плена не дают полного понятия о буднях каторги, что было бы необходимым дополнением к несколько абстрактной статье т. Никитиной.

И. Колычевский.

«Лениниана», том I. Библиографический обзор русской литературы за 1924 год. Под общей редакцией Л. В. Каменева. Под редакцией И. В. Владиславлева, Гиз, 1926 г., 528 стр. Том II. Библиографический обзор русской литературы за 1925 г. Гиз, 1927 г., стр. 772.

Учение и жизнь Ленина делаются предметом изучения все более и более широких масс революционного пролетариата во всех странах мира. Литература по различным вопросам ленинизма издается не только на всех европейских языках, но

и на большинстве языков прочих стран света. Какой огромной величины достигает эта литература у нас, можно видеть из того, что в 1924 году, в первый год после смерти Ильича, ленинская литература равнялась 5,6% общего количества книг, изданных в СССР, при чем тираж этой литературы равнялся 15—16% общего числа экземпляров всех выпущенных изданий.

Понятно, что и по своему содержанию и по своему качеству литература эта чрезвычайно пестра и разнообразна. Собрать и систематизировать всю эту литературу является делом большой важности и еще большей сложности и трудности. Задачу эту во всей ее величине и сложности взял на себя Институт Ленина, приступив к многолетнему изданию «Ленинианы».

Формулированная т. Каменевым цель издания — «следить, собирать и классифицировать обширную и все растущую литературу о Ленине» — определяет собой основной характер «Ленинианы», как библиографических сборников за определенные периоды времени. Том I «Ленинианы» систематизирует ленинскую литературу, изданную в 1924 г., а том II — изданную в 1925 г. Для каждого из последующих годов Институт предполагает издавать подобные же обзоры. Что же касается предшествовавших лет, начиная со времени первых литературных и политических выступлений Ленина, то им будет также посвящено несколько отдельных выпусков «Ленинианы». Обзоры аналогичного характера предполагается посвятить и иностранной литературе.

Выпущенные два первых тома имеют следующие разделы: 1) Сочинения Ленина, 2) Переписка Ленина, 3) Ленин, его жизнь и характеристика, 4) Ленин и ленинизм, 5) Пропаганда ленинизма, 6) К библиографии Ленина, 7) Ленин в литературе, 8) Ленин в искусстве; притом во втором томе добавлены еще отсутствующий в первом томе отдел 9-й «Деревня в траурные дни». Каждый отдел в свою очередь распадается на ряд подразделов, а эти последние — на рубрики, имеющие в некоторых случаях еще более мелкие подразделения. Рубрикация в обоих томах почти одинакова, если не считать сделанных во II томе некоторых дополнений; напр., в отделе «Ленин и культура» введен отсутствующий в I томе подраздел, посвященный вопросам ленинизма в области литературы и искусства, в отделе «Ленин в художественной литературе», введен подраздел «Беллетристика для детского чтения», и в особую рубрику выделены все вопросы, связанные с дискуссией на XIV партсъезде.

Не ограничиваясь перечнем отдельных изданий и статей, «Лениниана» дает и краткую их аннотацию с указанием существующих рецензий. Жаль только, что по большинству работ не дается их оценки и не указывается, какому кругу читателей они соответствуют.

Чрезмерный объем издания, охватывающей наряду с весьма ценными изданиями и всю прочую посвященную Ленину литературу, в значительной своей

часть случайную и лишнюю какого-либо серьезного значения, делает его малодоступным для практических работников, нуждающихся в более компактном указателе, говорящем лишь о наиболее ценных работах в этой области. Приложенные к книге алфавитные указатели 1) авторов и названий и 2) авторов рецензий и указатель №№ с иллюстративным материалом хотя и облегчают пользование книгами, но не исключают основных трудностей для широких читателей.

Недоступность «Ленинианы» в качестве справочного издания для широкого читателя однако совершенно не умаляет ее огромного значения для углубленной академической проработки вопросов ленинизма, для которой «Лениниана» с ее исчерпывающей полнотой охвата ленинской литературы представляет исключительную ценность.

Р. Хабас.

Михаил Бакунин. 1876 — 1926. Незданные материалы и статьи. М. 1926 г. Стр. 190, тир. 1.500. Ц. 1 р. 75 к.

Настоящий сборник представляет отдельный оттиск из № 5 (26) журнала «Каторга и ссылка» за 1926 г. Из вошедших в него материалов следует отметить прежде всего неизданный до сих пор отрывок «Программа Общества международной революции», извлеченный Н. Лебедевым из архива П. А. Кропоткина. Этот документ, как убедительно доказывает Н. Лебедев в своем предисловии к нему, относится ко второй половине 60-х годов и представляет один из первоначальных вариантов программы «Международного Альянса социалистической демократии». Не менее интересно письмо Бакунина от 23 января 1872 г., адресованное «Рубикону» (Люд. Набруцци) и всем остальным друзьям и предназначенное для распространения среди итальянских интернационалистов. Письмо это впервые было опубликовано полностью М. Неттлау только в 1924 г. и оставалось до сих пор непереведенным на русский язык. Этим письмом Бакунин имел в виду, с одной стороны, дискредитировать в глазах итальянцев Маркса и Генеральный Совет Интернационала, а с другой — побудить итальянцев выполнить все формальности, требуемые для вступления в Интернационал, с тем, чтобы усилить анархистское крыло на предстоящем Гаагском Конгрессе. Но расчеты Бакунина не оправдались: разогитированные им против Генерального Совета итальянцы решили вовсе отказаться от участия в Гаагском Конгрессе, и таким образом, фракция Бакунина на Конгрессе была значительно ослаблена. Кроме этих двух документов большой ценности, в сборнике напечатаны два небольших документа, касающиеся отношений Бакунина к польскому восстанию 1867 г.

Из статей исследовательского характера очень интересны отрывки из готовящихся к печати продолжений больших работ о Бакуине — Ю. Стеклова и В. Полонского. Статья Ю. Стеклова посвящена пребыванию Бакунина в Швеции в 1873

Пользуясь неопубликованными материалами, автор совсем в ином свете, чем это делалось до сих пор, изображает роль Бакунина в экспедиции Лапинского; интересные также выдержки приводятся в статье из брошюры III отделения о Бакунине, одобренной Александром II, но оставшейся неопубликованною. Статья В. Половского дает анализ обширного проекта интернационального тайного общества, который был разработан Бакуниным в годы его итальянского уединения (1864—1867) и содержит в себе основные линии всей дальнейшей теоретической и практической деятельности Бакунина — анархиста.

Проект этот, опубликованный полностью М. Неттлау в 1924 г., еще не переведен на русский язык, а между тем «без знакомства с этим произведением, — как справедливо замечает В. Половский, — не может быть ясности ни в понимании дальнейшей деятельности Бакунина вообще, ни в понимании его деятельности в Интернационале, закончившейся его исключением». В статье приведен и небольшой отрывок этого проекта, в котором содержится резюмирующая сводка принципов, положенных в его основу.

Статья Н. Бродского «Бакунин и Рудин» по-новому подходит к этой старой теме: напоминая читателю, что «в романе Тургенева фактически мог проявиться только молодой Бакунин — эпохи кружка Станкевича и следующего десятилетия, до тюремного заключения», автор прослеживает шаг за шагом высказывания самого Бакунина этой эпохи и свидетельства о нем его современников, сопоставляя их с соответствующими местами романа, и в результате приходит к выводу, что в образе Рудина Тургенев дал «превосходный литературный портрет Бакунина, его молодости, его романтических исканий, философского идеалиста и страстной тяги к активному вмешательству в политической водоворот без четких целей и реалистических программ».

Кроме отмеченных работ, в сборник вошли: статья В. Половского, дающая яркую характеристику Бакунина, как выразителя «революционной стихии допролетарского периода русской и европейской революции», небольшая статья М. Н. Покровского «Бакунин в русской революции», характеризующая Бакунина как идеолога и политического выразителя крепостного крестьянского бунта, и отрывок из воспоминаний М. П. Сажина, касающийся первого знакомства автора с Бакуниным (в 1870—1871 гг.).

К сборнику приложены указатель имен и два портрета Бакунина (один из них — неопубликованный). Издана книга изящно; хороша обложка работы Сарры Шор, с портретом Бакунина; неудачно лишь на обложке (а также и на титульном листке) поставлены годы «1876—1926», как обычно обозначаются годы рождения и смерти. Не совсем понятно, почему Н. Л. Бродский (как и многие другие) предпочитает писать «Премухино» вместо «Прямухино».

Е. Морозовец.

В Ленинградском Губистпарте.

(Январь — февраль 1927 г.).

За эти два месяца усиленным темпом велась работа по подготовке изданий к 10-летию Октябрьской революции. Закончены и сданы в набор следующие юбилейные работы: «Столица Октября» (сборник оригинальных популярных статей). Эта работа выполнена по заказу Ленинградского отделения Госиздата.

Заканчивается подготовка к печати протоколов ПК 1917 г. Сданы в набор протоколы общегородских партийных конференций большевиков — июльской и октябрьской 1917 г. Пишутся работы по истории Красной гвардии в Петрограде и истории женского пролетарского движения в 1917 г.

В непродолжительном времени должен выйти № 1 сборника «Красная Летопись». Содержание следующее: Флеер — «Петербургский комитет большевиков в годы империалистической войны», Суздаев — «История петербургской организации РСДРП в 1905 г.», Афанасьев — «Из истории партийной работы на Кабельном заводе», Гордиенко — «Выборгский район в дни нашего шествия на Петроград войск Керенского и Краснова», Дильгенштедт — «Из воспоминаний агитатора ПК РСДРП (б)», Дрезен — «Протоколы милиции о разгроме газеты «Правда», и мн. другие.

Кроме подготовки к печати литературных работ, Истпартом уделено внимание и организационной работе.

12 и 25 февраля с. г. в Губистпарте состоялись два совещания с представителями районных и уездных Истпартовских комиссий. В порядке дня первого совещания стоял доклад о IV Всесоюзном Истпартовском совещании. Участникам совещания были розданы резолюции Всесоюзного совещания и каждому было поручено: к следующему совещанию — 25 февраля представить план своей работы на ближайшее полугодие. На следующее заседание отдельные Истпартовские комиссии представили свои планы, из которых Губистпарт со своими добавлениями составил сводный план руководства в повседневной работе Истпартовских комиссий.

Вся работа по этому плану деятельности районных Истпартовских комиссий в этом году должна проходить с определенным уклоном подготовки к 10-летию Октябрьской Революции:

1. Каждая Истпартовская комиссия должна вести усиленную подготовку к означенному юбилею, как в районном масштабе, так и в фабрично-заводском.

2. Для этого заранее необходимо привлекать к собиранию материалов как членов партии, так и беспартийных рабочих — активных участников революционного движения.

3. С их помощью, т.е. при их активном участии, необходимо организовывать вечера воспоминаний на фабриках и заводах на темы, показывающие, как на протяжении 1917 г. шло нарастание настроения широких масс рабочих и солдат за решительный переворот — против временного правительства и соглашателей и за власть Советов. Вечера воспоминаний необходимо устраивать, где только возможно, — в партийных клубах и фабрично-заводских и в домпросветах.

4. Кроме того для того, чтобы подготовить широкие массы рабочих и крестьян к 10-летию юбилею Октябрьской революции, необходимо совместно с районными агитотделами, по крайней мере, за полгода до юбилея открыть ряд популярных докладов и лекций по вопросам — истории Коммунистической партии большевиков, Октябрьской революции и значения Ленина в революции. Общества культуры города с деревней, по указанию истпартовских комиссий должны озаботиться, чтобы означенные лекции обязательно были поставлены и в деревне. Эти же лекции обязательно должны устраиваться в домпросветах, фабрично-заводских клубах и т. д.

5. В высшей степени желательно, чтобы районные Истпартовские комиссии озаботились собиранием материалов по революционному движению своего района, своих фабрик и заводов, ибо из этих материалов может составиться сборник, рисующий революционную борьбу каждого района и каждого предприятия.

6. Необходимо также, чтобы каждая Истпартовская комиссия собирала небольшие статьи-воспоминания, написанные сжато для помещения их в газетах: «Ленинградская Правда», «Красная Газета» и др., а также и в стенгазетах.

7. Необходимо обратить большое внимание на собирание материалов по Красной гвардии, так как Губистпарт готовится к 10-летию юбилею книгу: «Красная гвардия в Петрограде».

8. Все материалы, собранные по разным вопросам: апрельские дни, июльские дни, демонстрации 18 июня, подготовка к Октябрьской революции и Октябрьский переворот должны обязательно передаваться в Губистпарт, а копии остаются в Истпартовской комиссии.

9. В высшей степени необходимо также, чтобы весь материал, собранный Истпарткомиссиями специально для газеты и стенгазет, передавался в Губистпарт на окончательную редакцию.

10. Все Истпарткомиссии, у которых имеются истпартовские уголки, должны пополнять их материалами и фотографиями, рисующими Октябрьскую революцию и ее нарастание. Губистпарт приветствует также организацию районных выставок по Октябрьской революции, если в районе имеется к этому необходимые данные. Тем же Истпартовским комиссиям, у которых и до сих пор не имеется истпартовских уголков, нужно позаботиться поскорее организовать их и обставить более или менее интересно.

П. Нуделли.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ.

Стр.

М. Савельев. Пятнадцатилетний путь «Правды»	5
Р. Хабас. 1-е Мая 1917 года	20
А. Шестаков. Крестьянские организации и 1-й Всероссийский Съезд Советов Крестьянских Депутатов	40
И. Татаров. Из истории «полицейского социализма»	109
И. Грейнер. Революция в Венгрии (1918—1919 гг.)	124

ВОСПОМИНАНИЯ.

А. Кучкин. Вятская организация РСДРП в начале 1917 г.	174
Л. Каташева и Е. Чистяков. Ковенская организация РСДРП (б) в 1905—07 гг.	195
И. Мошинский. К вопросу о С.-Д. (Донецком) Союзе горнозаводских рабочих	229

МАТЕРИАЛЫ.

Вокруг Лондонского (пятого) Съезда (с предисловием и примечаниями К. Воиновой.	238
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Гелис. Национальный вопрос в литературе	259
Рецензии: П. Парфенов. Последние дни Колчаковщины. А. Семеновец. Основные периодические этапы в развитии ВКП. И. Колычевский. Девятый вал. Сборник. Р. Хабас. Лениниана, Библиографический обзор русской литературы за 1924 и 1925 годы, томы I и II. Е. Мороховец. Михаил Бакуин. Неизданные материалы и статьи	272

ХРОНИКА

Государственное Издательство
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)
(ИСТПАРТ)

I

ИСТОРИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Р. К.

Памятник борцам пролетарской революции (3-е изд.)	4 50
Пионтковский, С. Октябрьская революция в России, ее пред- посылки и ход (3-е изд.)	— 50
Раскольников, Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г.	2 —
Бош, Е. Год борьбы на Украине (1917—1918 г.г.)	1 80
Парфенов, П. Гражданская война в Сибири (2-е изд.) . .	1 —
Владимирова, В. Контр-революция в 1917 г.	1 20
Яков Михайлович Свердлов. Сборн. статей и воспоминаний .	2 —
Памяти Инессы Арманд. Сборник под ред. Н. Крупской .	— 30
Ганецкий, Я. В. Воровский. Биографич. очерк	— 60
Александрова, Н. Артем	— 50
Медведева, Г. Герой революции „товарищ Камо“	— 20
Яковенко, В. Записки партизана	1 —
Свечников, М. Революция и гражданская война в Финляндии	1 —
Фурманов, Д. Чапаев (3-е изд.)	1 25
Лелевич, Г. Стрелкопытовщина (2-е изд.)	— 60
„ В дни Самарской учредилки	— 6
Петербургская Общегородская и Всероссийская конфе- ренция РСДРП (б) в апреле 1917 г.	— 85
Стенографический отчет VII Съезда РКП (б)	1 —

Хроника революции

Авдеев, Н. Революция 1917 года. Т. I. (Январь—март). 2-е изд.	1 40
„ „ „ „ Т. II. (Апрель—май)	2 50
Владимирова, В. Революция 1917 г. Т. III. (Июнь—июль) . .	3 —
„ „ „ „ Т. IV. (Июль—сентябрь)	3 50
Рябинский, К. Революция 1917 г. Т. V. (Октябрь)	3 —
„ „ „ „ Т. VI. (Ноябрь—декабрь)	— —
(Печатается)	— —
Максаков, В. и Нелидов, Н. Хроника революции 1917 г. . .	— 50

Государственное Издательство
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

М. ОЛЬМИНСКИЙ.

ИЗ ПРОШЛОГО

СБОРНИК СТАТЕЙ.

Изд. 2-е (Истпарт). Стр. 84. Ц. 25 к.

Из эпохи „ЗВЕЗДЫ“ и „ПРАВДЫ“

1911 — 1914 гг. (ИСТПАРТ).

Выпуск III. Стр. 291. Ц. 40 к.

„ВПЕРЕД“ и „ПРОЛЕТАРИЙ“

Первые большевистские газеты 1905 года. Полный текст под редакцией и со вступительной статьей М. ОЛЬМИНСКОГО.

(Истпарт). В шести выпусках в четвертую долю листа.

Выпуск I. Стр. 143. 1 р. 60 к.

Выпуск II. Стр. 192. 1 р. 80 к.

Выпуск III. Стр. 151. 1 р. 60 к.

Выпуск IV. Стр. 141. 1 р. 60 к.

Выпуск V. Стр. 137. 1 р. 60 к.

Выпуск VI. Стр. 176. 1 р. 60 к.

Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области. 1904 — 1910 гг.

Воспоминания и документы, собранные и обработанные
Ц. ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКОЙ

(Истпарт). Стр. 45.

Ц. 50 к.

Содержание. От Истпарта. Ц. Бобровская. Введение. Ц. Бобровская. Наши „техники“ — со слов Н. Кудряшова. М. Драчева. Обрывки, уцелевшие в моей памяти о типографии на Пресне в декабре 1905 г. О. Пятницкий. Технический аппарат Московского Комитета большевиков за 1906—1908 гг. Л. Молчанова. Об одной из костромских типографий в 1906 г. Н. Александров. Из моей работы в тайной типографии. И др.

Техника большевистского подполья.

Сборник статей и воспоминаний.

Изд. 2-е, исправл. и доп.

(Истпарт.)

Стр. 328. Ц. 2 р. 25 к.

Содержание. Л. Б. Красин. Большевистская партийная техника (с портретом). А. Енукидзе. История организации и работы центральных нелегальных типографий РСДРП (больш.) на Кавказе за время от 1900 до 1906 г. Г. Стуруа. История организации центральных нелегальных типографий ЦК в Москве в 1905 г. (с 3 снимками). Б. И. Богомолов. (Чорт). Московская подпольная типография центрального органа партии „Рабочий“ (с портретом). В. Богомолов. Из воспоминаний транспортера при восточном бюро ЦК РСДРП (1904 г.). А. Прокофьев. Северная типография ЦК в 1905 г. и др.

Государственное Издательство
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Институт К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА.
БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИЗМА

Под редакцией А. ДЕБОРИНА и Д. РЯЗАНОВА.

Томас Гоббс. — Избранные сочинения. Перевод А. Гутермана. С предисловием А. Деборина. С портретом Гоббса на отд. листе. Стр. XXVIII+276. Ц. 3 р.

Поль Гольбах. — Система природы или о законах мира физического и мира духовного. Перев. П. Юшкова. Со вступительной статьей А. Деборина. Стр. XXXV+578. Ц. 4 р., в папке 4 р. 40 к.

Дени Дидро. — Избранные сочинения. Под редакцией и с предисловием А. Деборина. С 2 портретами на отдельных листах.
Том I. Стр. LVI+359. Ц. 3 р. 50 к.
Том II. Стр. 342. Ц. 3 р.

Ламеттри. — Избранные сочинения. Перев. с франц. С предисловием А. Деборина. С портретом Ламеттри на отд. листе. Стр. 1+372. Ц. 4 руб.

Людвиг Фейербах. — Сочинения.

Том I. Со вступительной статьей А. Деборина и с примечаниями Л. Аскельрода — Ортодокс. Стр. IV+336. Ц. 90 к.

Том II. С предисловием А. Деборина. Стр. XVI+445. Ц. 3 р.

Том III. Перев. А. П. С предисловием А. Деборина. Стр. VII+400. Ц. 2 р. 75 к., в папке 3 р.

П Е Ч А Т А Е Т С Я :

Толанд, Джон. — Избранные сочинения. Под ред. А. Деборина и Д. Рязанова. Предисловие А. Деборина.

Г О Т О В Я Т С Я К П Е Ч А Т И :

Пристли. — Избранные сочинения
2 тома.

Лукреций. — О природе вещей.

Гассенди. — Избранные произведения.

Робине. — О природе.

Дицген. — Сочинения. 2 тома.

Герцен. — Философские работы.

Чернышевский. — Филос. работы.

Лавров. — Избранные философские работы.

Спиноза. — Сочинения.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата.

Оптовые заказы направлять в Торговый Сектор Госиздата РСФСР
МОСКВА, Ильинка, Боголюбенский пер., 4, и во все отделения, филиалы и магазины Госиздата, Москва, 9, Госиздат. „Книга — Почтой“ высылает немедленно по получении заказа книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке. Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости заказа (до 1 руб. можно почтовыми марками) пересылка бесплатно. Исполнение заказов быстрое и аккуратное. КATALOGИ, проспекты и бюллетени высылаются по требованию бесплатно.

Государственное Издательство МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПЕЧАТЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)
(ИСТПАРТ)

II

ИСТОРИЯ ВКП (б)

	Р. К.
Аркомед, С. Рабочее движение и с.-д. на Кавказе	— 50
Батурий, Н. Очерки по истории рабоч. движения 70—80 гг.	— 40
Бобровская, Ц. Записки рядового подпольщика. 1894— 1914 гг. Ч. I и II	— 55
Бобровская Ц. Большевистские тайные типографии	— 50
К 25-летию I съезда партии (1898—1923 гг.)	1 10
Моисеенко, П. Г. Воспоминания	1 —
Моршанская, К. Курнатовский	— 85
Ольминский, М. Из прошлого. Сборник статей	— 25
Самойлов, Ф. Воспоминания об Ив.-Вознесенск. рабоч. дви- жении. Ч. I—60 к. Ч. II.—1 руб.	
Его же. О работе с.-д. фракции 4 Государственной думы. Воспоминания. Часть III.	— 80
Его же. Процесс большевистской фракции 4 Государствен- ной думы. Воспоминания. Часть IV.	1 40
Шаповалов, А. По дороге к марксизму (воспомин. рабочего революционера). Ч. I и II—1 р. 25 к. Ч. III—1 р. 25 к.	
Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве	— 40
III съезд РСДРП, полный текст протоколов	2 30
Протоколы IV объединительного съезда РСДРП, со вступит. ст. О. А. Веренцовой	4 —
„Вперед“ и „Пролетарий“ вып. I—IV.	
„Искра“ вып. I—III.	

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

В. Максаков	Нелидов. Хроника революции 1918 г.
Минц, И. Семенов	Правительство и англ. интервенция.
Жаков, М. К.	Революция на Дону.
Волковичер,	Саботаж.
Чаадаева, О.	Вилловщина.
Кубанин, М.	Новицина.
Елизаров	Александр Ильич Ульянов и дело 1-го марта 1887 год

ОПТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: в Торговый Сектор Госиздата РСФСР—Москва, Ильинка,
Богоявленский пер. Тел. 1-91-49, 3-71-37, 5-04-58. Ленинград, „Дом Книги“, проспект 25 Октября, 28.
Тел. 5-34-18 и во все отделения и магазины Госиздата.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Коммунистической Академии

Москва, 19, Волхонка, 14. Тел. 3-59-48 и 1-25-81.

ИСТОРИК-МАРКСИСТ

Журнал общества историков-марксистов при Коммунистической Академии. Выходит при ближайшем участии М. Н. Покровского, В. П. Полонского, М. П. Павловича-Вельтмана, А. В. Шестакова, П. О. Горина, Ц. Фридлянда и С. М. Моносова.

Журнал ставит своей главной целью научную разработку вопросов исторического знания как в области конкретной истории и ее методологии, так и методики преподавания исторических дисциплин. Одновременно с этим одной из первоочередных задач журнала является борьба с буржуазной исторической мыслью во всех ее разновидностях, а также с искажением и вульгаризацией исторического метода Маркса и Ленина.

В журнале будут помещаться статьи о развитии исторической науки в СССР и за границей, в форме специальных исследований, историографических обзоров и критико-библиографических заметок.

В журнале принимают участие: В. П. Антонов-Саратовский, Ю. М. Вочаров, О. Л. Вайнштейн, Н. Н. Ванаг, А. М. Васютинский, В. Д. Виленский-Сибиряков, В. П. Волгин, И. В. Волковичер, А. И. Гайстер, Б. И. Горев, Б. В. Гарве, В. А. Гурко-Кряжин, С. И. Гусев, К. П. Добролюбский, С. М. Добровский, А. К. Иоанниасиани, С. И. Канатчиков, В. Г. Киорин, Б. П. Козьмин, Е. А. Косьминский, С. С. Кривцов, С. Д. Куниский, П. И. Кушнер, Н. М. Лукин, М. Н. Лядов, В. В. Максаков, В. Н. Максимовский, А. С. Мартынов, Г. Е. Меерсон, О. Г. Меерсон, И. А. Меницкий, С. С. Мильман, И. И. Минд, К. М. Молотов, В. И. Невский, М. В. Нечкина, В. И. Орлов, С. А. Пионтковский, К. Б. Ралек, Ф. А. Ротштейн, В. В. Рудаш, Ф. Н. Самойлов, А. Н. Слепков, А. Г. Слуцкий, Ю. М. Стеклов, И. Л. Татаров, С. Г. Томсинский, А. Д. Удальцев, С. Л. Урсынович, Файзулла-Ходжаев, А. Е. Ходоров, С. И. Черномордик, А. Н. Штраух, Я. А. Яковлев, Н. Ф. Яницкий, Е. Ярославский и др.

Отв. редактор А. В. Шестаков.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на 1 год—10 р., на 1/2 года—5 р. 50 к.

Подписку и заказы направлять в Изд-во
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Москва, 19, Волхонка, 14. Тел. изд-ва 1-25-81, ред. 3-20-54.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Продолжается подписка на 1927 г.
НА ЖУРНАЛ

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ИСПАРТА ЦК ВКП (б)

Отз. ред. М. А. Савельев.

Журнал „Пролетарская Революция“ посвящен истории Октябрьской революции и ВКП (б), истории революционного движения в России, работе партийного подполья, гражданской войне и борьбе с контр-революцией.

С настоящим номером журнала высылаются подписчикам, внесшим полностью подписную плату на журнал с приложениями следующие издания в качестве приложения к журналу „Пролетарская Революция“.

1. Петроградская Общегородская и Всероссийская конференция РСДРП (б) в апреле 1917 г. 2. Раскольников, Ф. Кройштадт и Питер в 1917 г. 3. Антонов-Саратовский, В.—Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 до 1918 г. 4. Бош, Е. Год борьбы. 5. Борьба за Урал и Сибирь.

Годовым подписчикам, пользующимся рассрочкой платежа и оплатившим до настоящего времени только полугодовую стоимость журнала с приложением, высылаются:

1. Раскольников Ф. Кройштадт и Питер в 1917 г. 2. Антонов-Саратовский В. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 до 1918 г. 3. Бош, Е. Год борьбы.

Остальные книги, входящие в число приложений, будут высланы подписчикам, подписавшимся с рассрочкой платежа, по получении от них полной стоимости журнала и приложений.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ. При пересылке денег не забудьте указать № заказа и название журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на журнал с приложениями 17 руб.; на журнал без прилож. на год — 12 р., на 6 мес. — 6 р. 50 к., на 3 мес. — 3 р. 50 к.

Для годовых подписчиков допускается рассрочка платежа
Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Отделом Подписных и Периодических Изданий Торгсектора Госиздата: Москва, Водяниженка, 10, тел. 4-87-19, 5-83-91; Ленинград, Проспект 25 Октября, 28; в магазинах, киосках и отделениях Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, и во всех почтово-телеграфных конторах.